ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

МОР, УЧЕНИК СМЕРТИ

Mort

Мор, ученик Смерти
Терри Пратчетт

Аннотация
Терри Пратчетт. Мор, ученик Смерти

Аннотация

Знакомьтесь: Смерть. Живой скелет в плаще и с косой (всё как положено). Мрачный Жнец, оканчивающий земной путь всех людей.

Встречи со Смертью не избежать никому. Но когда с ним встречается деревенский парнишка Мор, Смерть предлагает ему работу.

Мор становится подмастерьем Мрачного Жнеца, и вскоре его учитель решает, что имеет право на выходной – первый за всё время своего существования. Но в тот же день Мор спасает юную принцессу Кели вместо того, чтобы забрать её жизнь – и тем самым нарушает работу всего мироздания…

Терри Пратчетт
Мор, ученик Смерти

Terry Pratchett
Mort

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © Terry Pratchett 1987
First published by Victor Gollancz Ltd, London
© Е. С. Петрова, З. А. Смоленская, перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2024

* * *

Вот ярко освещенный свечами зал, где хранят-

ся жизнеизмерители — приземистые песочные часы, — по одному на всякое живое существо; плотными рядами стоя на полках, они гонят мелкий песок из будущего в прошлое. Из-за шипения сыплющихся песчинок зал ревет, как море.

Вот хозяин зала, который прохаживается по ней с задумчивым видом. Его имя — Смерть.

Но не просто какой-то там Смерть. А Смерть, чья сфера деятельности — никакая не сфера, а диск: Плоский мир, что лежит на спинах четырех гигантских слонов, уместившихся на панцире Великого А'Туина — огромной звездной черепахи, и чьи границы обозначены водопадом, бесконечные воды которого изливаются в космос.

Ученые подсчитали, что шанс существования чего-то столь очевидно абсурдного — один на миллион.

Однако волшебники подсчитали, что шанс «один на миллион» выпадает в девяти случаях из десяти.

Бормоча что-то под капюшоном, Смерть клацает костяными подошвами по выложенному черной и белой плиткой полу, скользя лишенными плоти пальцами по рядам неутомимых песочных часов.

Отыскав наконец те, что ему подходят, Смерть

осторожно берет их с полки и подносит к ближайшей свече. Исходящий от нее свет, преломляясь, поблескивает на стенках сосуда, и все внимание Смерти сосредотачивается на крохотной точке отраженного сияния.

Под пристальным взором мерцающих глазниц Смерти проплывает в глубинах космоса мировая черепаха, чей панцирь покрыт шрамами от комет и метеоритными кратерами. Смерть знает, что однажды умрет даже Великий А'Туин; вот *это* будет непростая работенка.

Но взгляд Смерти устремляется вперед, к сине-зеленому великолепию самого Диска, что неспешно вращается под кружащим вокруг него крошечным солнцем.

Сейчас оно поворачивает в сторону необъятного хребта, известного под именем Овцепикских гор. Овцепики полны глубокими долинами, и внезапными утесами, и такой обильной географией, что сами не знают, как ею распорядиться. Погода в здешних местах своеобразна: затяжные шрапнельные дожди, хлесткие ветры и нескончаемые бури. Иные поговаривают, причина в том, что Овцепики — гнездилище древней, необузданной магии. Впрочем, иные лепят все, что в голову взбредет.

Смерть моргает, настраивая глубину резкости зрения. Вот ему становятся видны луга на поворащательных склонах гор.

Вот конкретный склон.

Вот поле.

Вот бегущий мальчик.

Вот Смерть приглядывается.

Вот голосом, подобным звуку падающих на гранит свинцовых плит, он произносит:

— ДА.

* * *

Несомненно, в почве этих гористых, изломанных краев, прозванных из-за необычного оттенка, присущего здешней флоре, октариновыми лугами, было что-то волшебное. К примеру, это было одно из немногих мест Плоского мира, где росли обратнолетние подвиды растений.

Обратнолетники растут вспять во времени. Ты сеешь их в этом году, а они вырастают в прошлом.

Родня Мора делала вино из обратнолетнего винограда. Оно обладало очень мощным эффектом и весьма высоко ценилось прорицателями, поскольку, разумеется, помогало видеть будущее. Подвох был в том, что похмелье наступало

предыдущим утром, так что приходилось изрядно набраться, чтобы его пережить.

Обратнолетники обычно выращивают серьезные крупные мужчины, склонные к интроспекции и тщательной сверке с календарем. Хозяин, который забыл посеять обычные семена, просто остается без урожая, тогда как человек, который забыл посеять то, что уже собрал годом ранее, рискует разрушить всю ткань причинно-следственных связей, не говоря уже о грозящем ему изрядном конфузе.

Изрядным конфузом для семьи Мора служило и то, что серьезности в младшем сыне не было ни капли, а способностей к садоводству он проявлял не больше, чем дохлый краб. Нельзя сказать, что он был ленив, однако трудолюбие его было того неопределенного жизнерадостного оттенка, которого серьезные люди очень быстро приучиваются опасаться. Было в нем что-то заразное и, возможно, даже губительное. Создавалось впечатление, что Мор, долговязый, рыжеволосый и веснушчатый, лишь отчасти контролирует движения своего тела, будто составленного из сплошных коленок.

В тот конкретный день оно с воплями носилось, как очумелое, по полю и размахивало руками.

Сидя на каменной изгороди, за Мором понуро наблюдали отец и дядя.

— Одного не могу понять, — говорил отец Мора, Лезек, — почему от него птицы не разлетаются во все стороны. Я бы мигом усвистал, заметив, что на меня такое бежит.

— Ах. Поразительная все-таки штука — человеческое тело. Ты глянь: ноги разбрасывает по всей округе, а несется быстро.

Мор домчался до конца борозды. С его пути, переваливаясь, убрался переевший лесной голубь.

— Но сердце у него на месте, — осторожно сказал Лезек.

— Ага. В отличие от всего остального.

— Дома грязи не разводит. И не обжора, — продолжал Лезек.

— Оно и видно.

Лезек покосился на брата, неотрывно глядящего в небо.

— Слыхал, тебе на ферму рабочие руки требуются, Хэмеш, — сказал он.

— Так я же взял себе помощника, будто не знаешь?

— Надо же, — помрачнел Лезек. — Когда только успел?

— Так вот давеча. — Ложь брата была стреми-

тельна, как бросок гремучей змеи. — Документ подписан и печатью скреплен. Извини. Слушай, ничего личного: Мор — славный парнишка, в наше время такие редко встречаются, но, видишь ли…

— Да знаю я, знаю, — отмахнулся Лезек. — Собственной задницы сыскать не умеет.

Они уставились на далекую фигурку. Она грохнулась оземь. К ней вразвалку заковыляли заинтересованные голуби.

— И ведь не сказать, что дурак, — продолжал Хэмеш. — Кем-кем, а дураком его не назовешь.

— Да, мозги у него есть, — согласился Лезек. — Причем, бывает, так призадумается, что без подзатыльника и не достучаться. Это бабка его читать научила. Наверное, из-за этого у него башка и перегрелась.

Мор поднялся на ноги и снова споткнулся, запутавшись в балахоне.

— Тебе бы его в профессию какую определить, — рассудительно сказал Хэмеш. — В жрецы, например. Или в волшебники. Эта братия шибко до книжек охоча.

Они переглянулись. Обоим сразу представилось, что может устроить Мор, если заполучит в свои добронамеренные руки книжку по вол-

шебству.

— Ладно, — поспешно сказал Хэмеш. — Значит, куда-нибудь еще. Наверняка же есть куча ремесел, где он сможет себя применить.

— Беда в том, что он слишком много думает, — посетовал Лезек. — Вот, полюбуйся. Кто станет прикидывать, как пугнуть птиц? Их просто пугают. Нормальные мальчишки, я имею в виду.

Хэмеш задумчиво почесал подбородок.

— Это может быть и не твоей проблемой, — намекнул он.

Лезек не изменился в лице, лишь глаза чуть сощурились.

— Ты это о чем? — спросил он.

— На следующей неделе в Овцекряжье откроется ярмарка по найму. Отдашь его в подмастерья — и пусть новый хозяин ему мозги вправляет. На то законы писаны. Заключаешь договор по всей форме — и дело с концом.

Лезек наблюдал, как на другом краю поля его сын разглядывает валун.

— Как бы с ним чего не стряслось, — с сомнением проговорил он. — А то мы с матерью его любим. К людям ведь привыкаешь.

— Ему только на пользу пойдет, вот увидишь. Сделают из него мужика.

— А. Ну да. Сырья-то тут хоть отбавляй, — вздохнул Лезек.

* * *

Валун изрядно заинтересовал Мора. На его поверхности сохранились витые ракушки, помнившие первые дни творения, когда Создатель взялся превращать каменные глыбы в живых тварей — кто знает зачем.

Мора вообще многое интересовало. Например, чего ради зубы у людей растут столь ровными рядами. Эта мысль не давала ему покоя. Или вот, кстати: почему солнце светит днем, а не ночью — ночью свет бы не помешал. Общепринятое объяснение по какой-то причине его не устраивало.

Короче говоря, Мор был из тех людей, которые опаснее мешка гремучих змей. Он ставил своей целью докопаться до внутренней логики мироздания.

Однако за отсутствием таковой задача эта не обещала простого решения. Творец воплотил в жизнь немало замечательных идей, но сделать мир понятным в его планы не входило.

В трагедиях герои вечно стонут от пристального внимания богов, но в жизни тяжелее всего приходится как раз тем, кого боги не замечают

вовсе.

Отец, как обычно, орал на него. Мор кинул камнем в голубя, который так переел, что еле-еле сподобился отползти в сторону, и побрел обратно через поле.

* * *

Так и получилось, что в канун Страшдества отец Мора, погрузив на осла скудные пожитки сына, повел своего отпрыска горной тропой в Овцекряжье. Всего города было — четыре стороны мощенной булыжником площади, усеянные лавочками, что оказывали весь спектр услуг сельскому населению.

От портного Мор вышел через пять минут, облаченный в коричневую хламиду неопределенного кроя и назначения, не востребованную заказчиком по вполне понятным причинам и взятую на вырост, исходя из предположения, что он вырастет слоном о девятнадцати ногах.

Лезек критически оглядел сына.

— Недурно, — заключил он, — для своих денег.

— У меня все зудит, — пожаловался Мор. — Кажется, я тут внутри не один.

— Тысячи парней сказали бы спасибо за такой ладный, теплый… — Лезек помедлил и сдался, —

костюмчик, юноша.

— Так, может, поделимся с ними? — с надеждой спросил Мор.

— Ты должен прилично выглядеть, — сурово оборвал его Лезек. — Чтобы производить впечатление и выделяться среди прочих.

И действительно. Он выделялся. Протискиваясь сквозь запрудившие площадь толпы покупателей, Мор с отцом погрузились каждый в свои мысли. Обычно Мор только радовался вылазкам в город с его космополитичной атмосферой и причудливыми говорами гостей из далеких — миль пять, а то и десять — деревень, но на сей раз его охватило неприятное, тревожное чувство, будто он вспомнил то, чего еще не случилось.

На ярмарке, насколько можно было судить, установился такой порядок: в центре площади выстроились кривыми шеренгами работяги. У многих на шляпах красовались небольшие символы профессий и ремесел: пастухи цепляли себе клок шерсти, извозчики — моток конского волоса, мастера по ремонту — полоску симпатичной мешковины для обивки стен, и все в таком духе.

Юноши, метившие в подмастерья, сгрудились с пупстороннего края площади.

— Ступай вон туда и жди, когда кто-нибудь

подойдет и предложит взять тебя на обучение, — неуверенно промямлил Лезек. — Если ему твой вид понравится.

— Это как? — поинтересовался Мор.

— Ну… — начал Лезек и осекся. На этот счет Хэмеш никаких разъяснений не давал. Пришлось обратиться к собственным скудным познаниям в торговле, которые ограничивались продажей скота: — Наверное, он зубы тебе пересчитает, то-се. Убедится, что ты не сопишь, что ноги целы. Я бы на твоем месте не стал говорить, что ты грамотный — это людей пугает.

— А потом что? — допытывался Мор.

— Потом начнешь осваивать ремесло, — объяснил Лезек.

— Какое именно?

— Ну не знаю… на плотника выучишься, — наобум предположил отец, — это дело хорошее.

Или на вора. Кто-то ведь и по этой части должен идти.

Мор потупился. Он, когда не отвлекался, был примерным сыном, и если родители постановили отдать его в ученики, значит, учиться нужно на совесть. Однако плотницкое ремесло его не прельщало — дерево славилось своим упрямством и склонностью трескаться. Что же до воровства, то

в Овцепиках официально зарегистрированные воры были наперечет — люди просто не могли позволить себе их содержать.

— Ладно, — сказал он наконец, — пойду попробую. А если меня не возьмут в подмастерья, что тогда?

Лезек почесал в затылке.

— Тогда не знаю. Видимо, ждать до закрытия ярмарки. До полуночи. Наверное.

* * *

Близилась полночь.

Мостовая начала покрываться легкой изморозью. На вершине часовой башни, украшавшей городскую площадь, под циферблатом распахнулись два окошка, откуда выскочили изящно сработанные механические фигурки и пробили четверть часа.

Без четверти полночь. Мор весь съежился, но в нем полыхало алое пламя стыда и упрямства, обжигая сильнее, чем спуск в Преисподнюю. От нечего делать он подул на пальцы, а потом задрал голову к морозному небу, лишь бы не встречаться глазами с немногочисленными людьми, бродившими среди того, что осталось от ярмарки.

Большинство торговцев, убрав с прилавков

свой товар, давно разошлись по домам. Даже продавец горячих пирожков с мясом перестал их расхваливать и теперь, рискуя здоровьем, доедал.

Несколько часов назад пристроился к месту и последний из претендентов на ученичество. Это был сутулый, хлюпающий носом косоглазый парнишка, и единственный на все Овцекряжье профессиональный попрошайка провозгласил его идеальной кандидатурой. Парня, стоявшего по другую руку от Мора, забрал к себе в мастерскую игрушечник. Один за другим уходили будущие каменщики, кузнецы, наемные убийцы, галантерейщики, бондари, наперсточники и пахари. Через несколько минут настанет новый год, и сотни мальчишек с надеждой окунутся в свои профессии, в новую жизнь, полную достойного служения обществу.

Мор печально размышлял, почему никто не выбрал его самого. Он так старался выглядеть солидно и смотрел потенциальным наставникам прямо в глаза, дабы впечатлить их своим превосходным характером и весьма симпатичными чертами. Но эффект это, похоже, возымело прямо противоположный.

— Хочешь горячий пирожок с мясом? — раздал-

ся голос отца.

— Нет.

— Распродают за бесценок.

— Не хочу, спасибо.

— Эх. — Лезек колебался. — Я могу спросить у лоточника, не нужен ли ему помощник, — заботливо предложил он. — Очень надежное дело — едой торговать.

— Не думаю, что нужен, — сказал Мор.

— Да, наверное, — согласился Лезек. — У него ведь индивидуальное предприятие. И вообще он уже ушел. Мы с тобой вот как поступим: я оставлю тебе кусочек.

— Я не голодный, пап.

— Хрящей почти не попадается.

— Да не надо. Но все равно спасибо.

— О. — Лезек слегка приуныл. Он невпопад насвистывал сквозь зубы какую-то мелодию и пританцовывал, чтобы разогнать по ногам живительное тепло. Он понимал: надо что-нибудь сказать, дать какой-нибудь совет, объяснить, что жизнь полна взлетов и падений, обнять сына за плечи и потолковать с ним о проблемах взросления — короче говоря, донести простую мысль: мир наш — штука забавная, и здесь, выражаясь метафорически, ни к чему воротить нос от пред-

ложенного пирожка с мясом, горячего и сочного.

Они остались совсем одни. Мороз, последний в этом году, крепчал, оплетая своими путами булыжники мостовой.

В башне у них над головами часовая шестеренка, лязгнув, привела в движение рычаг, повернула храповик, и тяжелый свинцовый груз упал вниз. С жутким металлическим скрежетом распахнулись окошки на циферблате, выпуская наружу заводные фигурки. Судорожно размахивая молоточками, будто мучимые механическим артритом, они начали отбивать новый день.

— Ну вот и все, — с надеждой проговорил Лезек.

Теперь им предстояло где-нибудь устроиться на ночлег: Страждественская ночь — не то время, чтобы шататься по горам. Может, отыщется какой-нибудь хлев…

— Полночь только с последним ударом наступит, — сказал Мор отстраненно.

Лезек пожал плечами. Он не мог противостоять сокрушительной силе сыновнего упрямства.

— Ладно, — сказал он. — Подождем еще.

И тут они услышали приближающийся цокот копыт, который гремел по заиндевелой площади куда сильнее, чем должна была позволять аку-

стика. Впрочем, назвать нараставший вокруг Мора грохот цокотом было бы в корне неверно; «цок-цок» — так, пожалуй, скачет маленький веселый пони с торчащими сквозь прорези соломенной шляпки ушами. Но та резкость, с какой подступали *эти* звуки, решительно исключала даже намек на соломенные шляпки.

Выбивая из булыжников искры, со стороны Пупа на площадь влетел жеребец в облаке поднимающегося от взопревших крутых белых боков пара. Он держался горделиво, как боевой конь. И совершенно точно не носил соломенной шляпки.

На его спине восседала укутанная от холода фигура. Когда жеребец остановился в центре площади, всадник неторопливо спешился и принялся возиться с чем-то притороченным к седлу. Наконец он — или она — достал торбу, закрепил ее за конскими ушами и дружески потрепал скакуна по шее.

Воздух сгустился и будто замаслился, а глубокие тени, окружавшие Мора, приобрели сине-пурпурную с радужным переливом окантовку. Всадник быстрым шагом направился к нему, черный балахон развевался за спиной, а ноги чуть прищелкивали по булыжникам. Никакие другие

звуки не нарушали тишину, ватным комом повисшую над площадью.

Впечатляющий эффект изрядно подпортила замерзшая лужа.

— ЧТОБ ТЕБЯ.

Это было сказано не голосом. Точнее, слова прозвучали, но в голове у Мора они возникли сами собой, минуя уши.

Бросившись на помощь распластавшейся на камнях фигуре, Мор ухватился было за худое запястье, но обнаружил, что держится за отполированную кость цвета пожелтевшего от времени бильярдного шара. Соскользнувший на плечи капюшон обнажил череп, обративший к Мору пустые глазницы.

Впрочем, нет, не совсем пустые. В них, словно в окнах, выходящих в черную бездну космоса, мерцали две крошечные голубые звездочки.

Мору пришло в голову, что это должно бы его испугать, и он поразился, обнаружив, что ему не страшно. Перед ним сидел скелет, потирал колени и ворчал себе под нос, но это был живой скелет, довольно внушительного вида, однако по какой-то странной причине не слишком страшный.

— СПАСИБО, ЮНОША, — заговорил череп. —

КАК ТЕБЯ ЗОВУТ?

— Э-э… — протянул Мор. — Мортимер… сэр. Но все называют меня Мор.

— КАКОЕ СОВПАДЕНИЕ, — сказал череп. — ПОМОГИ МНЕ ВСТАТЬ, ПОЖАЛУЙСТА.

Неуклюже поднявшись, скелет принялся отряхиваться. Мор разглядел массивный пояс, на котором висел меч с белой рукоятью.

— Надеюсь, вы не ушиблись, сэр, — вежливо сказал Мор.

Череп ухмыльнулся. Впрочем, подумалось Мору, ничего другого он сделать и не мог.

— НЕ СТОИТ БЕСПОКОЙСТВА. — Оглядевшись, скелет наконец заметил Лезека, который словно примерз к месту. Самое время кое-что прояснить, подумал Мор.

— Это мой отец. — Он попытался загородить собой приросшего к мостовой родителя, никого при этом не разгневав. — Простите, сэр, а вы — Смерть?

—

В ТОЧКУ. ВЫСШИЙ БАЛЛ ЗА НАБЛЮДАТЕЛЬНОСТЬ, ЮНОША.

Мор сглотнул.

— Мой отец — хороший человек, — сказал он. Немного подумал и добавил: — Довольно хоро-

ший. Если вы не возражаете, я предпочел бы, чтобы вы его не трогали. Не знаю, что вы с ним сотворили, но прошу вас это прекратить. Не в обиду вам будь сказано.

Смерть отступил назад, склонив череп набок.

— Я ПРОСТО НЕНАДОЛГО ВЫВЕЛ НАС ЗА ПРЕДЕЛЫ ВРЕМЕНИ, — объяснил он. — ТВОЙ ОТЕЦ НЕ УВИДИТ И НЕ УСЛЫШИТ НИЧЕГО ТАКОГО, ЧТО МОГЛО БЫ ЕГО ВСТРЕВОЖИТЬ. НЕТ, ЮНОША, Я ПРИШЕЛ ЗА ТОБОЙ.

— За мной?

— ТЕБЕ ВЕДЬ НУЖНА РАБОТА?

На Мора снизошло озарение.

— Вы ищете *ученика?* — спросил он.

Пустые глазницы Смерти полыхнули резким люминесцентным светом.

— ИМЕННО.

Смерть взмахнул костяной рукой. Площадь озарилась пурпурной вспышкой — чем-то вроде видимого хлопка, — и Лезек пришел в движение. Фигурки на часовой башне продолжили отбивать полночь, а Время получило разрешение осторожно вернуться на свое место.

Лезек моргнул.

— Я и не заметил, как вы подошли, — пробормотал он. — Извините, отвлекся, наверное.

— Я ПРЕДЛОЖИЛ ВАШЕМУ СЫНУ РАБОТУ, — сообщил Смерть. — ПОЛАГАЮ, ВЫ НЕ БУДЕТЕ ВОЗРАЖАТЬ?

— А напомните, чем вы промышляете? — Лезек и бровью не повел, адресуя свой вопрос скелету в черном балахоне.

— ПРЕПРОВОЖДЕНИЕМ ДУШ В МИР ИНОЙ, — отозвался Смерть.

— Ах да, — сказал Лезек. — Простите, конечно, по вашему наряду мог и сам догадаться. Дело нужное, а главное, стабильное. Давно работаете?

— НЕ ПЕРВЫЙ ГОД, ДА.

— Прекрасно. Прекрасно. Никогда не представлял Мора в этой должности, но дело-то хорошее, хорошее дело, и надежное. А как вас зовут?

— СМЕРТЬ.

— Папа… — торопливо начал Мор.

— Не сказал бы, что название вашей фирмы на слуху, — засомневался Лезек. — А где именно вы ведете дела?

— ОТ ГЛУБОЧАЙШИХ МОРСКИХ ВПАДИН ДО ТАКИХ ВЫСОТ, КУДА НЕ ДОЛЕТЕТЬ ДАЖЕ ОРЛУ.

— Этого следовало ожидать, — кивнул Лезек. — Что ж, я…

— Пап… — Мор подергал отца за тулуп.

Ему на плечо легла рука Смерти.

— ТВОЙ ОТЕЦ ВИДИТ И СЛЫШИТ НЕ ТО, ЧТО ВИДИШЬ И СЛЫШИШЬ ТЫ, — сказал он. — НЕ СТОИТ ЕГО ТРЕВОЖИТЬ. КАК ДУМАЕШЬ, ХОТЕЛОСЬ БЫ ЕМУ УВИДЕТЬ МЕНЯ… ВО ПЛОТИ, ФИГУРАЛЬНО ВЫРАЖАЯСЬ?

— Но вы же Смерть! Вы же убиваете всех, кто под руку подвернется!

— Я? УБИВАЮ? — Смерть явно оскорбился. — НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ. ДА, ЛЮДИ ПОГИБАЮТ, НО ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ПО СОБСТВЕННОЙ ИНИЦИАТИВЕ. Я ПОДКЛЮЧАЮСЬ УЖЕ ПОТОМ. В КОНЦЕ КОНЦОВ, ЕСЛИ БЫ УБИТЫЕ НЕ УМИРАЛИ, ЭТО БЫЛ БЫ ЧЕРТОВСКИ НЕЛЕПЫЙ МИР, СОГЛАСЕН?

— Ну, наверное… — с сомнением протянул Мор.

Слова «заинтригован» он никогда не слышал. В его семье оно было не в ходу. Однако запавшая в душу искорка подталкивала Мора к мысли, что перед ним стоит нечто невероятное, завораживающее и не такое уж пугающее, и если он упустит предлагаемую возможность, то будет сожалеть об этом всю оставшуюся жизнь. А потом он вспомнил о пережитых за день унижениях и о том, какой долгий предстоит путь домой…

— Э-эм… — начал он, — чтобы получить у вас

место, мне ведь не обязательно умирать, правда?

— БЫТЬ МЕРТВЫМ НЕ ТРЕБУЕТСЯ.

— А… как насчет костей?..

— ЭТО ПО ЖЕЛАНИЮ.

Мор снова выдохнул. Идея казалась ему все более привлекательной.

— Если папа согласен, — сказал он.

Они посмотрели на Лезека, который почесывал в бороде.

— А сам-то ты что думаешь, Мор? — спросил отец с хрупкой веселостью жертвы лихорадки. — Такое занятие не всякому по нраву. Я, признаюсь, о таком не думал. Но, говорят, могильщик — уважаемая профессия. Так что выбор за тобой.

— Могильщик? — переспросил Мор. Смерть кивнул и заговорщически прижал палец к губам.

— Это интересно, — выдавил Мор. — Я думаю, стоит попробовать.

— Так где, говорите, вы работаете? — вновь спросил Лезек. — Далеко отсюда?

— НЕ ДАЛЬШЕ ТОЛЩИНЫ ТЕНИ, — ответил Смерть. — КОГДА ПРОЗВУЧАЛ ПЕРВЫЙ ЖИВОТНЫЙ ЗОВ, Я БЫЛ РЯДОМ. ГДЕ БЫ НИ ОКАЗАЛСЯ ЧЕЛОВЕК, Я ВСЕГДА РЯДОМ. И КОГДА ПОСЛЕДНЕЕ ЖИВОЕ СУЩЕСТВО БУДЕТ ПОЛЗАТЬ

ПОД ХОЛОДЕЮЩИМИ ЗВЕЗДАМИ, Я БУДУ РЯДОМ.

— Ага, — заключил Лезек, — стало быть, много разъезжаете. — Его лицо на миг сделалось озадаченным, будто он попытался припомнить что-то важное, но в конце концов сдался.

Смерть дружески потрепал его по плечу и повернулся к Мору:

— КАКОЕ-НИБУДЬ ИМУЩЕСТВО ПРИ СЕБЕ ЕСТЬ, ЮНОША?

— А как же, — ответил Мор и сразу спохватился: — Только мы его забыли в одежной лавке. Пап, мой узелок в лавке остался!

— Она уж закрылась, — напомнил Лезек. — А на Страшдество лавки не открываются. Придется ждать до послезавтра… Ну, то есть теперь уже до завтра.

— ЭТО МЕЛОЧИ. НАМ ПОРА УХОДИТЬ. НЕ СОМНЕВАЮСЬ, ЧТО СКОРО ДЕЛА ВНОВЬ ЗАНЕСУТ МЕНЯ В ЭТИ КРАЯ.

— Надеюсь, вы скоро сможете заехать и повидать нас, — сказал Лезек. Похоже, у него путались мысли.

— Не уверен, что это хорошая идея, — заметил Мор.

— Ну, прощай, парень, — сказал Лезек. — Делай все, что тебе скажут, ты понял? И… простите, сэр,

а есть ли у вас сын?

Вопрос застал Смерть врасплох.

— НЕТ, СЫНОВЕЙ У МЕНЯ НЕТ.

— С вашего позволения, я переговорю напоследок с моим мальчиком.

— А Я ПОКА ПРОВЕРЮ, КАК ТАМ МОЙ ЖЕРЕБЕЦ, — сказал Смерть с чем-то большим, чем обычная деликатность.

Приобняв Мора за плечи, что далось ему с трудом — Мор очень вытянулся, — Лезек повел сына через площадь.

— Ты ведь знаешь, Мор, что это дядя Хэмеш рассказал мне, что можно отдать тебя в подмастерья? — прошептал он.

— И что?

— Так вот, он мне еще кое-что сказал, — поделился старик. — Он сказал, что подмастерье, бывает, наследует дело своего учителя. Что думаешь?

— Гм. Даже и не знаю, — признался Мор.

— А подумать стоит, — не унимался Лезек.

— Я *думаю*, папа.

— Хэмеш говорил, что многие парни так начинают. Показывают свою расторопность, заслуживают уважение учителя, а если в доме есть дочери… господин… как там его… господин

не упоминал, есть ли у него дочери?

— Какой еще господин? — спросил Мор.

— Господин… наставник твой.

— А. Нет. Нет, не думаю, что есть, — ответил Мор. — Он, кажется, не из тех, кто женится.

— Не один сообразительный юноша обязан успехом своевременному бракосочетанию, — наставлял Лезек.

— Надо же.

— Мор, ты как будто не слушаешь.

— А? Что?

Лезек остановился на обледенелых булыжниках и развернул сына к себе лицом.

— Так дело не пойдет, — сказал он. — Ты не понимаешь, что ли, парень? Если будешь все пропускать мимо ушей, ничего из тебя путного не выйдет. Это я тебе как отец говорю.

Мор смотрел на него сверху вниз. Ему хотелось сказать многое: хотелось объяснить, как сильно он любит отца и как за него беспокоится; хотелось спросить, что, по мнению Лезека, тот только что видел и слышал. Хотелось рассказать, что он чувствует себя так, словно наступил на кротовину, а та оказалась вулканом. Хотелось узнать, что значит слово «бракосочетание».

Но вслух он произнес совсем другое:

— Ага. Спасибо. Мне, наверное, пора. Я попробую написать вам письмо.

— Найдется, наверное, какой-нибудь путник, который сможет нам его прочитать, — сказал Лезек. — Прощай, Мор. — Он высморкался.

— Прощай, пап. Я вернусь навестить вас, — сказал Мор. Смерть тактично откашлялся, но прозвучало это словно треск надломившихся перекрытий, вконец изъеденных жуком-точильщиком.

— НАМ ПОРА. ЗАПРЫГИВАЙ, МОР.

Пока Мор пытался устроиться на спине жеребца позади расшитого серебром седла, Смерть, склонившись, пожал руку Лезеку.

— БЛАГОДАРЮ.

— В душе-то он парень неплохой, — бормотал Лезек. — В облаках витает, не без этого. Ну, все мы когда-то были молоды.

Эти слова заставили Смерть задуматься.

— НЕТ, — сказал он. — НЕ ВСЕ.

Смерть подобрал поводья и повернул коня в сторону Краевого тракта. Сидевший позади черной фигуры Мор отчаянно помахал отцу.

Лезек помахал в ответ. А потом, когда жеребец и двое его наездников скрылись из виду, он опустил руку и посмотрел на ладонь. Рукопожатие…

странное оно было. Но почему — этого Лезек припомнить уже не мог.

* * *

Мор прислушивался к клацанью копыт по мостовой. Позже, с выездом на утрамбованную дорогу, оно сменилось глухим перестуком, а потом наступила тишина.

Опустив глаза, Мор увидел раскинувшийся далеко внизу пейзаж; ночная тьма была инкрустирована лунным серебром. Если бы он свалился, то ударился бы только о воздух.

Мор что было мочи вцепился в седло.

Тут Смерть спросил:

— ЕСТЬ ХОЧЕШЬ, ЮНОША?

— Очень, сэр. — Мозг к этим словам не имел никакого отношения, они поднялись прямо из желудка.

Смерть кивнул и придержал коня. Под остановившимся в воздухе жеребцом мерцала грандиозная круговая панорама Диска. Города внизу светились оранжевым заревом, а теплые моря в Краевых землях излучали едва уловимое сияние. Скопившийся за день в глубоких лощинах свет

Диска, медленный и тяжеловатый[1], испарялся серебристым туманом.

Однако все это не шло ни в какое сравнение с сиянием, что устремлялось к звездам от самого Края. Сильнейшие потоки света мерцали и переливались в ночи. Мир опоясывала огромная золотая стена.

— До чего же красиво, — чуть слышно сказал Мор. — А что это?

— СОЛНЦЕ ПРОХОДИТ ПОД ДИСКОМ, — объяснил Смерть.

— И так каждую ночь?

— КАЖДУЮ НОЧЬ, — подтвердил Смерть. — ЗАКОНЫ ПРИРОДЫ.

— И никто об этом не знает?

— Я ЗНАЮ. ТЫ. И БОГИ. СЛАВНО, ПРАВДА?

---

[1] Примечания: 1

Обогнать свет Плоского мира, в отличие от света обычного ленивый и смирный, может почти все что угодно. Обычный же свет способна обогнать только монархия — к такому заключению пришел философ Лай Тин Видль. Рассуждал он так: поскольку в течение одного периода времени более одного короля править не может, а традиция требует, чтобы между королями не было никаких промежутков, следовательно, когда король умирает, его преемник наследует престол мгновенно. По-видимому, говорил он, имеют место быть некие элементарные частицы — королионы или, возможно, королевоны, — которые выполняют эту функцию, но цепочка наследования, само собой, может прерваться, если в процессе полета эти частицы сталкиваются с античастицей, то есть республиконом. Честолюбивый план применить это открытие для передачи сообщений, аккуратно пытая с целью модуляции сигнала какого-нибудь мелкого королька, так и не был обнародован полностью, потому что в этот момент бар закрылся.

— Да уж!

Смерть свесился с седла и окинул взглядом все царства мира.

— НЕ ЗНАЮ, КАК ТЫ, — сказал он, — А Я БЫ ПРИКОНЧИЛ КАРРИ.

* * *

Хотя было уже далеко за полночь, жизнь в двойном городе Анк-Морпорке бурлила. На фоне суеты здешних улиц Овцекряжье, казавшееся Мору довольно оживленным местом, можно было сравнить разве что с покойницкой.

Поэты не раз пытались описать Анк-Морпорк. Но тщетно. Быть может, все дело в бьющей ключом жизненной энергии этого города, а может, не оснащенный канализацией мегаполис с миллионным населением попросту не по зубам поэтам, предпочитающим, что неудивительно, нарциссы. Поэтому давайте ограничимся замечанием, что Анк-Морпорк полон жизни, как оставленный на солнцепеке сыр; громок, как брошенное в храме ругательство; блестящ, как нефтяная пленка; многоцветен, как фингал; и так же кишит деятельностью, работой, суетой и чистейшей, бьющей через край суматохой, как дохлый пес на термитнике.

В этом городе были храмы с распахнутыми дверьми, откуда доносился звон гонгов и цимбал, а в случае более консервативных фундаменталистских религий — краткие вскрики жертв. Там были лавки, из которых высыпались на мостовую диковинные товары. Там были общительные юные девушки, не способные позволить себе большого количества одежды. Там были огни, и жонглеры, и разношерстные продавцы мгновенных трансцендентальных опытов.

И через все это шествовал Смерть. Мор ожидал, что он будет просачиваться сквозь толпу струйкой дыма, но на поверку все оказалось совсем иначе. Куда бы ни направился Смерть, народ сам собой расходился в стороны.

У Мора так не получалось. Толпа, мягко расступавшаяся перед его новым наставником, резко смыкалась перед самым его носом. Мору оттоптали ноги и пересчитали все ребра, ему пытались втюхать омерзительные специи и овощи анатомических форм, а довольно пожилая госпожа, вопреки очевидному, назвала его статным юношей, который явно не прочь хорошо провести время.

Мор горячо ее поблагодарил и сказал, что он и так уже хорошо проводит время.

Смерть добрался до перекрестка и принюхался; огонь закрепленного на стене факела играл яркими бликами на полированном куполе его черепа. Шедший мимо на заплетающихся ногах пьянчужка вдруг, сам не понимая почему, сделал небольшой крюк, прежде чем продолжить свой вихляющий путь.

— ВОТ МЫ И В ГОРОДЕ, ЮНОША. КАК ТЕБЕ?

— Он такой большой, — неуверенно проговорил Мор. — Не понимаю, отчего всех тянет жить друг у друга на головах?

Смерть пожал плечами:

— А МНЕ НРАВИТСЯ. ОН ПОЛОН ЖИЗНИ.

— Сэр…

— ДА?

— А что такое карри?

В глубине глазниц Смерти вспыхнули голубые огоньки.

— ТЫ КОГДА-НИБУДЬ ПРОБОВАЛ НА ЗУБ РАСКАЛЕННЫЙ ДОКРАСНА КУБИК ЛЬДА?

— Нет, сэр, — ответил Мор.

— ОТ КАРРИ ОЩУЩЕНИЕ ТАКОЕ ЖЕ.

— Сэр…

— ДА?

Мор сглотнул.

— Простите, сэр, но отец мне говорил: если чего

не поймешь, спрашивай.

— МУДРЫЙ СОВЕТ. — Смерть свернул в переулок; толпы распадались перед ним на беспорядочные молекулы.

— Понимаете, сэр, я не мог не заметить… дело в том, что… ну… если попросту, сэр, то…

— НЕ МЯМЛИ, ЮНОША.

— А как вы едите, сэр?

Смерть резко остановился, и Мор врезался ему в спину. Он собрался было что-то сказать, но подчинился требующему молчания жесту. Кажется, Смерть к чему-то прислушивался.

— ТЫ ЗНАЕШЬ, БЫВАЮТ СЛУЧАИ, — сказал он, — КОГДА Я ОЧЕНЬ СЕРЖУСЬ.

Разворот на костяной пятке — и Смерть бросился в переулок, только балахон развевался за спиной. Дорога виляла между темными оградами и спящими домами: не проход, а какая-то кривая щель.

Смерть остановился у побитой жизнью бочки с водой, запустил в нее всю руку целиком и выудил со дна небольшой мешок с привязанным к нему кирпичом. Выхватив меч — луч искрящего голубого огня во тьме, — он перерубил веревку.

— ВОТ СЕЙЧАС Я НЕ НА ШУТКУ РАЗГНЕВАН.

На глазах у Мора из перевернутого мешка вы-

сыпались жалкие, вымокшие комочки меха, которые упали в растекающуюся по мостовой лужу. Смерть нежно погладил их костяными пальцами.

Вскоре от комочков заструилось нечто вроде сероватого дымка, сгустившегося в три маленьких кошкоподобных облачка. Время от времени они колыхались, до конца не уверенные в собственной форме, и моргали на Мора озадаченными серыми глазками. Когда он попробовал коснуться одного из облачков, его рука прошла сквозь него, ощутив легкое покалывание.

—

НА ЭТОЙ РАБОТЕ С ЛУЧШИМИ ПРОЯВЛЕНИЯМИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ НАТУРЫ СТАЛКИВАТЬСЯ НЕ ПРИХОДИТСЯ, — сказал Смерть. Он легонько подул на котенка, и тот закувыркался в воздухе. Его недовольное мяуканье звучало так, словно доносилось из длинной жестяной трубы.

— Это ведь души? — спросил Мор. — А у людей какие?

— ЧЕЛОВЕКОПОДОБНЫЕ, — ответил Смерть. — ЕСЛИ КОРОТКО, ВСЕ ЗАВИСИТ ОТ ХАРАКТЕРА МОРФОГЕНЕТИЧЕСКОГО ПОЛЯ.

Смерть вздохнул — будто саван прошелестел, — взял котят на руки и осторожно укрыл где-то в

темных глубинах своего балахона. Он поднялся.

— А ТЕПЕРЬ — КАРРИ.

* * *

В «Садах Карри» на углу Божьей улицы и Кровавого переулка было не протолкнуться; здесь собирались исключительно сливки общества — во всяком случае, та его часть, что всплывает на поверхность и не тонет, а оттого в среде осмотрительных людей именуется сливками. Благоухающие кустарники, посаженные между столами, почти маскировали присущий городу аромат, который иные называли обонятельным эквивалентом береговой сирены.

Мор с жадностью набивал рот, стараясь сдерживать свое любопытство и не смотреть, как Смерть управляется с приемом пищи. Вначале съестное однозначно присутствовало на столе, но потом куда-то исчезало: естественно было предположить, что между этими крайними точками что-то происходило. Мор заподозрил, что Смерть на самом деле не привык к подобному времяпрепровождению и устроил все это лишь для того, чтобы подбодрить ученика, — так пожилой дядюшка-холостяк, которому подкинули на выходные племянника, трясется, как бы не

сделать чего не так.

Остальные клиенты не обратили на них никакого внимания, даже когда Смерть, откинувшись на спинку стула, раскурил изящную трубку. Не так-то просто не замечать, как из чьих-то глазниц валит дым, но все справились.

— Это колдовство? — спросил Мор.

— А ТЫ КАК ДУМАЕШЬ? КАК ПО-ТВОЕМУ, ЮНОША, ЗДЕСЬ Я ИЛИ МЕНЯ НЕТ?

— Здесь, — медленно произнес Мор. — Я… Я наблюдал за людьми. Они смотрят на вас, но, кажется, не видят. Вы как-то влияете на их мозги.

Смерть покачал головой.

— ОНИ ДЕЛАЮТ ЭТО САМИ, — сказал он. — НИКАКОГО КОЛДОВСТВА НЕ НУЖНО. ЛЮДИ МЕНЯ НЕ ВИДЯТ; ОНИ ПОПРОСТУ НЕ ПОЗВОЛЯЮТ СЕБЕ ЭТОГО. ПОКА НЕ НАСТАНЕТ ИХ ЧЕРЕД, РАЗУМЕЕТСЯ. МЕНЯ ВИДЯТ ВОЛШЕБНИКИ, И КОШКИ ТОЖЕ. А ПРОСТЫЕ СМЕРТНЫЕ… НЕТ, НИКОГДА. — Смерть выпустил в небо дымное колечко и добавил: — НЕВЕРОЯТНО, НО ФАКТ.

Мор смотрел, как колечко, колышась, поднимается ввысь и уплывает в сторону реки.

— Но я-то вас вижу.

— НЕ СРАВНИВАЙ.

Официант-клатчец, приземистый, смуглый,

круглолицый, с прической в виде взорвавшегося кокосового ореха, положил перед Смертью счет и озадаченно нахмурился, встретив любезный кивок. Он помотал головой, словно пытаясь вытряхнуть из ушей остатки мыла, и отошел.

Смерть выудил из глубин балахона большой кожаный кисет, полный медяков разного достоинства, подернутых, за редкими исключениями, сине-зеленой патиной веков. Счет подвергся самой тщательной проверке. После этого Смерть отсчитал дюжину монет.

— ПОЙДЕМ, — сказал он, поднимаясь. — НАМ ПОРА.

Мор поспешил следом за Смертью — через палисадник и на улицу, по-прежнему многолюдную, хотя на горизонте уже занимался рассвет.

— А чем мы займемся теперь?

— КУПИМ ТЕБЕ НОВУЮ ОДЕЖДУ.

— Да мне эту только сегодня купили… то есть вчера.

— ПРАВДА?

— Отец сказал, та лавка славится недорогой одеждой. — Чтобы не отставать, Мору приходилось бежать.

— ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПОВОД СТРАШИТЬСЯ НИЩЕТЫ.

Они свернули на широкую улицу, ведшую в зажиточный район города (где фонари встречались чаще, а навозные кучи — реже). Здесь не было ни киосков, ни лоточников, а были настоящие здания с вывесками на фасадах. Язык бы не повернулся обозвать такое место лавкой: это были настоящие бутики, с поставщиками, сиденьями и плевательницами. Большинство из них не закрывалось даже в такой поздний час, потому что среднестатистическому анкскому торговцу не дают спать мысли о деньгах, которые он в этот момент не зарабатывает.

— Здесь что, вообще спать не ложатся? — спросил Мор.

— ЭТО КРУПНЫЙ ГОРОД, — ответил Смерть и распахнул дверь в магазин одежды. Через двадцать минут, когда они его покинули, на Море красовалась подогнанная по фигуре черная мантия, отделанная тончайшим серебряным шитьем, а хозяин магазина таращился на горку старинных медяков у себя на ладони, гадая, откуда они взялись.

— Как к вам попадают все эти монеты? — поинтересовался Мор.

— ПАРАМИ.

Пока Мора стригли по последней городской

моде в круглосуточной цирюльне, Смерть отдыхал в соседнем кресле, напевая себе под нос. К собственному удивлению, он был в приподнятом настроении.

Через некоторое время он даже откинул капюшон и взглянул на подмастерье цирюльника, который повязал полотенце ему вокруг шеи, двигаясь в той сомнамбулической манере, какую Мор уже научился различать.

— СБРЫЗНИТЕ ОДЕКОЛОНОМ И ОТПОЛИРУЙТЕ, ЛЮБЕЗНЫЙ.

Пожилой волшебник, которому в другом конце зала подравнивали бороду, напрягся, услышав этот мрачный свинцовый голос, и оглянулся. Смерть медленно — для пущего эффекта — повернулся к нему и одарил его улыбкой; волшебник, побледнев, забормотал защитные заклинания.

Вскоре Мор, которого теперь щекотал за ушами холодный воздух и сильно мучило смущение, уже возвращался вместе со Смертью к конюшне, где поджидал оставленный жеребец. Юноша пытался горделиво вышагивать — к этому располагали и новый наряд, и стрижка. Получалось у него не очень.

* * *

Мор проснулся.

Он лежал, глядя в потолок и восстанавливая в памяти события предыдущего дня, которые выкристаллизовывались в его сознании, как кубики льда.

Он никак не мог познакомиться со Смертью. Не мог ужинать в компании скелета со светящимися синими глазами. Это наверняка был сон. Он не мог усесться на круп огромного белого коня, который галопом взмыл в небеса, а затем направился…

…куда?

Ответ пришел ему в голову так же неизбежно, как приходят налоговые уведомления.

Сюда.

Проведя ладонью по остриженным волосам, Мор ощупал постельное белье из какой-то гладкой, скользкой материи. Она была куда тоньше грубой и пахнущей овцами шерсти, на которой он спал дома; она напоминала теплый сухой лед.

Мор торопливо соскочил с постели и оглядел комнату.

Она была большой, больше, чем весь его родной дом, и сухой — сухой, как старые гробницы под

вековечными песками пустынь. У воздуха был такой вкус, будто его несколько часов жарили и лишь потом позволили ему остыть. Пушистый ковер, который при каждом движении босых ног Мора потрескивал электрическими разрядами, мог бы спрятать в своем ворсе целое племя пигмеев. В убранстве преобладали оттенки фиолетового и черного.

Только сейчас Мор обнаружил, что одет в белоснежную ночную сорочку. Его верхняя одежда была аккуратно сложена у изголовья кровати, на стуле, украшенном, как невозможно было не заметить, изящным резным орнаментом из черепов и костей.

Мор присел на краешек кровати и начал одеваться, лихорадочно соображая.

Осторожно приоткрыв тяжелую дубовую дверь, он даже немного расстроился, когда не услышал зловещего скрипа.

За дверью тянулся пустой, обшитый деревом коридор, на противоположной стене которого были закреплены канделябры с массивными желтыми свечами. Мор на цыпочках вышел из комнаты и бочком, вплотную прижимаясь к деревянной обшивке, добрался до лестницы. Ничего зловещего во время спуска не произошло, и Мор

оказался в прихожей, из которой вело множество дверей. Здесь висели траурные драпировки и стояли напольные часы, тиканье которых напоминало биение сердца горы. Рядом с часами стояла подставка для зонтиков.

Из нее торчала коса.

Мор обвел взглядом двери. Вид у них был внушительный. Окружающая их резьба повторяла уже знакомый ему узор из костей. Когда Мор сделал шаг в сторону ближайшей двери, позади него раздался голос:

— Тебе туда нельзя, мальчик.

Мор не сразу понял, что слова эти не возникли у него в голове, а были сказаны человеческим языком и достигли его ушей самым привычным образом — через посредство воздушных колебаний, как и было задумано природой. Природе пришлось изрядно попотеть ради этих четырех слов, произнесенных с легким раздражением.

Мор обернулся. И увидел девушку одного с ним роста, но, вероятно, несколькими годами старше. У нее были серебристые волосы, глаза с перламутровым отливом и изящное, но совершенно непрактичное длинное платье — вроде тех, что носят трагические героини, которые, прижимая к груди розу, томно взирают на луну. Мору

неоткуда было знать словосочетание «прерафаэлитский тип», а жаль, ведь оно было бы почти точным ее описанием. Впрочем, подобные девы имеют вид скорее полупрозрачный, чахоточный, здесь же налицо было легкое злоупотребление шоколадом.

Склонив голову набок, девушка не сводила с него глаз и досадливо постукивала ножкой по полу. А затем, резко выбросив вперед руку, ущипнула Мора за локоть.

— Ай!

— Хм. И вправду живой, — сказала она. — Как тебя зовут, мальчик?

— Мортимер. Все называют меня Мор, — ответил он, потирая локоть. — Ты чего щиплешься?

— Я буду называть тебя «мальчик», — продолжала она. — И, конечно, я не обязана перед тобой оправдываться, ты же понимаешь, но, если уж тебе интересно, я думала, что ты мертвец. Выглядишь ты точно как мертвец.

Мор промолчал.

— Язык проглотил?

На самом деле Мор считал до десяти.

— Никакой я не мертвец, — в конце концов сказал он. — По крайней мере, мне так кажется. Хотя трудно сказать наверняка. А ты кто такая?

— Можешь называть меня госпожой Изабель, — высокомерно сообщила она. — Отец велел тебя накормить. Следуй за мной.

Она направилась к одной из дверей. Мор следовал за ней ровно на таком расстоянии, чтобы дверь, захлопываясь, успела садануть его по другому локтю.

За дверью обнаружилась кухня — продолговатое, хорошо прогретое помещение с низкими сводами, где с потолка свисали медные кастрюли, а от стены до стены тянулась закопченная чугунная печь с плитой. У плиты, насвистывая, стоял какой-то старик и жарил яичницу с беконом.

Уже на входе ее запах атаковал вкусовые рецепторы Мора, намекая, что не прочь сойтись с ними накоротке и хорошо провести время. Мор обнаружил, что его ноги двинулись вперед, даже не проконсультировавшись с ним.

— Альберт, — окрикнула Изабель, — еще одного завтраком накорми.

Старик медленно обернулся и молча кивнул. Изабель снова обратилась к Мору.

— Должна заметить, — сказала она, — что отец, имея в своем распоряжении все население Диска, мог бы выбрать и кого-нибудь получше. Ну, тут уж ничего не попишешь, сойдешь и ты.

Она выскочила из кухни, хлопнув дверью.

— На что сойду? — спросил Мор, ни к кому конкретно не обращаясь.

Тишину кухни нарушало только скворчание масла на сковороде да потрескивание углей в раскаленном сердце печи. На ее дверце, как заметил Мор, были вытиснены слова: «Малый Молох (запатентовано)».

Повар, казалось, его не замечал, поэтому Мор, придвинув стул, уселся за выскобленный до белизны стол.

— Грибы? — спросил старик, не оборачиваясь.

— А? Что?

— Грибов, спрашиваю, положить?

— Ой. Простите. Нет, благодарю, — сказал Мор.

— Как скажете, юный господин.

Он повернулся и направился к столу.

Даже впоследствии, уже пообвыкшись, Мор всегда задерживал дыхание, наблюдая за перемещениями Альберта. Слуга Смерти был из тех тощих как жердь красноносых стариков, которые всегда выглядят так, будто носят перчатки с отрезанными пальцами, даже если это неправда, а его походка представляла собой сложную последовательность телодвижений. Альберт склонялся вперед, и левая рука его начинала раскачиваться:

сперва медленно, но затем все быстрее и быстрее, пока наконец, когда стороннему наблюдателю начинало уже казаться, что она оторвется у локтя, безумное дерганое движение не передавалось всему телу до самых ног и не швыряло его вперед, будто на скоростных ходулях. Сковорода, описав в воздухе несколько замысловатых кривых, зависла над самой тарелкой Мора.

Альберт глядел на него поверх очков-полумесяцев, идеально подходящих для глядения поверх.

— А на второе можно кашки похлебать. — С этими словами он подмигнул, очевидно посвящая тем самым Мора в мировой кашеварный заговор.

— Простите, — заговорил Мор, — а где я нахожусь?

— Разве ты не знаешь? Это обитель Смерти, дружок. Он привез тебя сюда вчера вечером.

— Это я… вроде как припоминаю. Да вот только…

— Что?

— Ну как бы… Яичница с беконом. — Мор подбирал слова. — Она смотрится здесь как-то, ну, неуместно.

— У меня тут где-то завалялась кровяная колбаса, — предложил Альберт.

— Я не об этом… — Мор колебался. — Просто не могу себе представить, как *он* сидит тут и уплетает жареный бекон.

Альберт усмехнулся.

— Он и не уплетает, дружок. По крайней мере, обычно. Хозяина обслуживать очень просто. В основном я готовлю для себя самого… — он сделал паузу, — и для юной госпожи, разумеется.

Мор кивнул.

— Вашей дочери, — сказал он.

— Моей? Ха, — фыркнул Альберт. — Тут ты ошибаешься. Она его дочь.

Мор уставился на яичницу-глазунью. Она таращилась на него в ответ, плавая в своем масляном озерце. Альберт, конечно, слышал о пищевой ценности, но она была не из тех ценностей, которых он придерживался.

— А мы точно говорим об одной и той же персоне? — не унимался Мор. — Высокий, ходит в черном, малость… костлявый…

— Она приемная, — доброжелательно объяснил Альберт. — Долгая история… — У него над головой звякнул колокольчик. — …которой придется подождать. Тебя в кабинет вызывают. На твоем месте я бы тут особо не рассиживался. Он не любит, когда его заставляют ждать. По понят-

ным причинам. Вверх по лестнице, первая дверь налево. Самая заметная, не пропустишь…

— С узором из черепов и костей? — уточнил Мор, отодвигаясь от стола.

— Других здесь и не водится — ну, почти, — вздохнул Альберт. — Но это просто его блажь. Без всякого намека.

Бросив завтрак застывать, Мор пробежал по ступенькам и коридору и остановился перед дверью. И уже было занес руку, чтобы постучать.

— ВХОДИ.

Дверная ручка повернулась без его участия. Дверь распахнулась внутрь.

Смерть устроился за столом, уставившись в громадный, переплетенный в кожу фолиант размером чуть ли не больше самого стола. Когда Мор вошел, он поднял взгляд, отметив кальцифицированным пальцем, где остановился, и усмехнулся. Альтернативы у него не было.

— АГА, — сказал он и помедлил. Потом поскреб подбородок с таким звуком, будто кто-то провел ногтем по зубчикам расчески. — ТЫ КТО ТАКОЙ, ЮНОША?

— Мор, сэр, — отозвался Мор. — Ваш ученик. Помните?

Некоторое время Мор стоял под молчаливым

взглядом Смерти. После чего ярко-голубые точки в глазницах снова обратились к тексту.

— АХ ДА. МОР. ЧТО ЖЕ, ЮНОША, ТЫ ВСЕРЬЕЗ НАМЕРЕН ПОСТИЧЬ САМЫЕ СОКРОВЕННЫЕ ТАЙНЫ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА?

— Да, сэр. Наверное, сэр.

— ХОРОШО. КОНЮШНИ — ЗА ДОМОМ. ЛОПАТА ВИСИТ СРАЗУ ЗА ДВЕРЬЮ.

Смерть опустил взгляд. Смерть поднял взгляд. Мор не шелохнулся.

— СКАЖИ, СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ВЕРОЯТНОСТЬ ТОГО, ЧТО ТЫ МЕНЯ НЕ ПОНЯЛ?

— Не до конца, сэр, — признался Мор.

— НАВОЗ, ЮНОША. НАВОЗ. У АЛЬБЕРТА В САДУ ЕСТЬ КОМПОСТНАЯ КУЧА. ПОЛАГАЮ, ГДЕ-ТО ДОЛЖНА БЫТЬ И ТАЧКА. ПОШЕВЕЛИВАЙСЯ.

Мор обреченно кивнул.

— Да, сэр. Все ясно, сэр. Только…

— ЧТО ЕЩЕ?

— Сэр, что-то я не пойму, какая связь между навозом и тайнами времени и пространства.

Смерть не отрывался от книги.

— ВОТ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ЭТО ПОНЯТЬ, — сказал он, — ТЫ ЗДЕСЬ И ОКАЗАЛСЯ.

* * *

Хотя Смерть Плоского мира и был, по собственному выражению, АНТРОПОМОРФНОЙ ПЕРСОНИФИКАЦИЕЙ, ему давно пришлось отказаться от использования традиционных лошадей-скелетов из-за необходимости делать постоянные остановки и приматывать проволокой отвалившиеся детали. Поэтому теперь Смерть выбирал лошадей исключительно из плоти и крови, лучших пород.

И кормили их щедро, как выяснил Мор.

Некоторые виды деятельности предполагают надбавки. Эта предполагала… скажем так, совсем обратное, но, по крайней мере, проходила в тепле и не требовала особых умений. Вскоре Мор выработал свой ритм и принялся играть сам с собой в маленькую математическую игру, в которую в подобных обстоятельствах играют все. «Итак, — думал Мор, — я продвинулся почти на четверть или, скажем, на треть, следовательно, когда я расчищу вот тот угол у яслей, получится больше половины, то есть пять восьмых, а значит, останется всего три ходки…» Популярность такой методики по большому счету ничего не доказывает, кроме того, что постичь величе-

ственную красоту Вселенной гораздо проще, если мысленно разделить ее на части.

Из стойла за Мором наблюдал жеребец, то и дело пытаясь по-свойски зажевать его волосы.

Спустя некоторое время Мор почувствовал на себе еще чей-то взгляд. Облокотившись на низкую дверцу и подперев голову руками, в конюшню заглядывала Изабель.

— Ты слуга? — спросила она.

Мор выпрямился.

— Нет, — ответил он. — Я ученик.

— Глупости какие. Альберт говорит, ты не можешь быть учеником.

Мор продолжал сосредоточенно махать лопатой, загружая тачку. «Еще две лопаты, даже три, если хорошенько утрамбовать; следовательно, остается всего четыре ходки, ладно, допустим, пять, и будет половина…»

— Он говорит, — Изабель повысила голос, — что со временем ученик вырастает в мастера, но больше одного Смерти быть не может. Так что ты всего лишь слуга и обязан выполнять мои приказания.

«…стало быть, через восемь тачек я доберусь до ворот, а это уже без малого две трети всего объема, и, следовательно…»

— Слышишь меня, мальчик?

Мор кивнул. «А потом еще четырнадцать тачек, ладно — пятнадцать, потому что нужно будет снова пройтись в углу, и…»

— Ты что, язык проглотил?

— Мор, — негромко сказал Мор.

Изабель яростно уставилась на него.

— Что?

— Меня зовут Мор, — повторил Мор. — Или Мортимер. Но обычно меня называют Мор. Ты хотела о чем-то со мной поговорить?

Ненадолго она потеряла дар речи и лишь переводила взгляд с его лица на лопату и обратно.

— Только мне велели пошевеливаться, — добавил Мор.

Она взорвалась.

— Зачем ты вообще тут нужен? Зачем отец тебя сюда приволок?

— Меня выбрали на ярмарке по найму, — ответил Мор. — Все парни куда-то пристроились. И я тоже.

— А ты, значит, хочешь сюда пристроиться? — резко спросила она. — Он же Смерть, а не кто-нибудь. Мрачный Жнец. Важная персона. Таким невозможно *стать*, таким нужно *быть*.

Мор невнятно махнул рукой в сторону тачки.

— Думаю, все как-нибудь устроится само собой, — сказал он. — Мой отец говорит, обычно так и бывает.

Мор снова взялся за лопату и отвернулся от Изабель, а когда услышал ее недовольное фырканье и удаляющиеся шаги, ухмыльнулся, глядя на лошадиный круп.

Толкая тачку через двор к компостной куче под яблоней, Мор отработал все шестнадцатые и восьмые, все четверти и трети.

Сад у Смерти был большой, опрятный и ухоженный. И совершенно черный. Черная трава. Черные цветы. Черные яблоки бликовали средь черной листвы черной яблони. Даже воздух был какой-то чернильный.

Спустя некоторое время Мору почудилось, будто он различает… хотя нет, это ведь уму непостижимо — различать… оттенки черного.

Не просто самые темные варианты красного, зеленого или любого другого цвета, а именно что оттенки черного. Целый спектр тонов, и все разные, но при этом все… ну, черные. Мор опрокинул последнюю тачку, поставил ее на место и вернулся в дом.

— ЗАХОДИ.

Смерть стоял за конторкой, изучая карту. Он

отсутствующе взглянул на Мора.

— СЛЫХАЛ ЧТО-НИБУДЬ О ЗАЛИВЕ МЭЙНТ?

— Нет, сэр, — ответил Мор.

— МЕСТО ЗНАМЕНИТОГО КОРАБЛЕКРУШЕНИЯ.

— Там корабль затонул?

— ЗАТОНЕТ, — поправил Смерть, — ЕСЛИ, КОНЕЧНО, Я ОТЫЩУ ЭТО ТРЕКЛЯТОЕ МЕСТО.

Мор обошел конторку и уставился на карту.

— Вы собираетесь пустить ко дну судно? — спросил он.

Смерть, похоже, ужаснулся:

— КОНЕЧНО ЖЕ, НЕТ. ВИНОВНО БУДЕТ СТЕЧЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ: БЕЗДАРНОЕ КОРАБЛЕВОЖДЕНИЕ, ОТМЕЛЬ И ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР.

— Вот беда, — расстроился Мор. — Много будет утопленников?

— ЭТО УЖ КАК РОК РАСПОРЯДИТСЯ. — Смерть повернулся к книжному шкафу и выудил увесистый географический справочник. — ОТ МЕНЯ ЗДЕСЬ НИЧЕГО НЕ ЗАВИСИТ. ЧЕМ ЭТО ПАХНЕТ?

— Мной, — не стал юлить Мор.

— А. КОНЮШНЯ. — Повисла пауза; рука Смерти задержалась на книжном корешке. — КАК ПО-ТВОЕМУ, ЗАЧЕМ Я ОТПРАВИЛ ТЕБЯ НА КОНЮШНЮ? ПОДУМАЙ ХОРОШЕНЬКО.

Мор не спешил с ответом. В промежутках между подсчетами выгруженных тачек он уже пытался в этом разобраться. Предполагал, что задание должно развить его глазомер и координацию движений, или научить его послушанию, или донести до него важность выполнения незначительных, по человеческим меркам, задач, или внушить ему простую мысль: даже великие должны начинать со дна. Но ни одно из этих объяснений не выглядело однозначно верным.

— По-моему… — начал он.

— СЛУШАЮ.

— Ну, если честно, мне кажется, у вас просто была полная конюшня конского дерьма.

Смерть долго взирал на Мора. А тот беспокойно переминался с ноги на ногу.

— АБСОЛЮТНО ВЕРНО, — отчеканил Смерть. — ЯСНОСТЬ МЫШЛЕНИЯ. ТРЕЗВЫЙ ПОДХОД. В НАШЕЙ РАБОТЕ БЕЗ ЭТОГО НЕ ОБОЙТИСЬ.

— Да, сэр. Можно спросить?

— М-М-М? — Смерть сражался с алфавитным указателем.

— Люди ведь умирают постоянно, правда, сэр? Миллионами. График у вас должен быть очень плотный. Но при этом…

Смерть посмотрел на Мора уже знакомым тому

взглядом. Он начинался с чистого удивления, ненадолго смещался к раздражению, заскакивал пропустить стаканчик вместе с пониманием и, наконец, останавливался на сдержанной терпеливости.

— НО ПРИ ЭТОМ?..

— Мне всегда казалось, что вы, как бы это сказать, не сидите на месте. Ну, вы понимаете. По улицам бродите. У бабули в календаре имеется ваш портрет — с косой и всем прочим.

— ПОНИМАЮ. БОЮСЬ, ЧТО ТРУДНО БУДЕТ ОБЪЯСНИТЬ ЭТО ЧЕЛОВЕКУ, НЕ ЗНАКОМОМУ С ПОНЯТИЯМИ ЦЕЛЕВОЙ ИНКАРНАЦИИ И УЗЛОВОЙ ФОКУСИРОВКИ. ТЫ ВЕДЬ С НИМИ НЕ ЗНАКОМ?

— Кажется, нет.

— КАК ПРАВИЛО, МОЕ НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ ПРИСУТСТВИЕ ТРЕБУЕТСЯ ЛИШЬ В ОСОБЫХ СЛУЧАЯХ.

— Это как с королями, — сказал Мор. — В том смысле, что король правит всегда, даже когда занят чем-то другим или просто спит. Так ведь, сэр?

— БЛИЗКО, — кивнул Смерть, сворачивая карты. — А ТЕПЕРЬ, ЮНОША, ЕСЛИ С КОНЮШНЕЙ ТЫ РАЗОБРАЛСЯ, СХОДИ УЗНАЙ, НЕ НАЙДЕТСЯ

ЛИ У АЛЬБЕРТА ДЛЯ ТЕБЯ ДЕЛ. А ВЕЧЕРОМ, ЕСЛИ ЗАХОЧЕШЬ, МОЖЕШЬ ОТПРАВИТЬСЯ СО МНОЙ НА РАБОТУ.

Мор кивнул. Смерть вернулся к фолианту в кожаном переплете, взял перо, задумался на мгновение, а потом вновь поднял взгляд на Мора, склонив череп набок.

— ТЫ УСПЕЛ ПОЗНАКОМИТЬСЯ С МОЕЙ ДОЧЕРЬЮ?

— Э-э. Да, сэр, — ответил Мор, уже взявшись за дверную ручку.

— ОНА ОЧЕНЬ СЛАВНАЯ ДЕВУШКА, — сказал Смерть, — НО, ПО-МОЕМУ, ЕЙ НЕ ХВАТАЕТ ОБЩЕНИЯ СО СВЕРСТНИКАМИ.

— Простите, сэр?

— САМО СОБОЙ, ОДНАЖДЫ ОНА УНАСЛЕДУЕТ ВСЕ ЭТО.

В глубинах его глазниц вспыхнуло что-то похожее на маленькую голубую сверхновую. До Мора вдруг дошло, что Смерть неловко и неумело пытался ему подмигнуть.

* * *

В краю, который неподвластен пространству и времени, который не значится ни на одной карте, который существует лишь на той дале-

кой окраине множественной вселенной, что известна лишь некоторым увлекающимся сильными галлюциногенами астрофизикам, Мор провел остаток дня, помогая Альберту пикировать саженцы брокколи. Черные, с пунцовыми прожилками.

— Он старается, ты пойми, — говорил Альберт, орудуя тяпкой. — Просто на цвета фантазии не хватает.

— Не уверен, что понимаю, — признался Мор. — Вы говорите, что все это он *сотворил?*

За садовой оградой земля уходила в глубокую долину, откуда выныривала мрачной вересковой пустошью, которая тянулась до пиков на горизонте, острых, будто кошачьи клыки.

— Ага, — ответил Альберт. — За лейкой своей следи.

— А что же здесь было раньше?

— Понятия не имею, — сказал Альберт, переходя к следующему ряду лунок. — Небесная, надо полагать, твердь. Так по-умному кличут голое ничего. По правде говоря, работа выполнена довольно топорно. Нет, сад еще более-менее, но горы — чистой воды халтура. Стоит подойти поближе, как они расплываются. Я однажды проверил.

Мор прищурился, вглядываясь в растущие неподалеку деревья. С виду — похвально прочные.

— Зачем ему все это? — спросил он.

Альберт фыркнул:

— Знаешь, что бывает с теми, кто задает слишком много вопросов?

Мор на мгновение задумался.

— Нет, — признался он наконец, — и что же?

Воцарилось молчание.

Затем Альберт разогнул спину и ответил:

— Будь я проклят, если знаю. Видимо, получают ответы — и поделом.

— Он сказал, что вечером я могу поехать с ним, — поделился Мор.

— Везунчик ты, выходит, — туманно проговорил Альберт, направляясь обратно к дому.

— Значит, он и *правда* тут все создал? — уточнил Мор, следуя за ним по пятам.

— Да.

— Для чего?

— Наверное, захотелось обустроить такое местечко, где можно чувствовать себя как дома.

— Альберт, а вы мертвы?

— Я-то? Разве я похож на покойника? — Под долгим испытующим взглядом Мора старик

хмыкнул. — Ты это брось. Я живехонек, как и ты. А может, и живее некоторых буду.

— Извините.

— То-то же. — Толкнув дверь черного хода, Альберт с самым благодушным видом, на какой был способен, обернулся к Мору.

— От подобных расспросов лучше воздерживаться, — посоветовал он, — не стоит людей огорчать. Ну, как насчет яичницы с беконом?

Когда Мор с Альбертом играли в домино, снова зазвенел колокольчик. Мор встрепенулся.

— Конь ему нужен, — объяснил Альберт. — Идем.

В сгущающихся сумерках они отправились на конюшню, и старик на глазах у Мора принялся седлать жеребца Смерти.

— Его зовут Бинки, — сказал Альберт, затягивая подпругу. — По нему и не скажешь, верно?

Бинки любовно пожевывал его шарф.

Мору вспомнилась гравюра из бабушкиного календаря: между сведениями о начале посевной и о лунных фазах имелась страница с изображением Смерти — Великаго Уравнителя Всего Рода Человеческаго. Обучаясь грамоте, Мор сотни раз вглядывался в эту иллюстрацию. Она не была бы и вполовину столь впечатляющей, откройся

миру тот факт, что огнедыщащий скакун, на котором восседает фантом, носит имя Бинки.

— Я б назвал его Клыком, Клинком или Ониксом, — продолжал Альберт, — но у хозяина, видишь ли, свои причуды. Сгораешь от нетерпения, как я понимаю?

— Вроде того, — неуверенно ответил Мор. — Никогда не видел Смерть в деле.

— Мало кто видел, — сказал Альберт. — Дважды, по крайней мере.

Мор сделал глубокий вдох.

— А вот насчет его дочери… — начал он.

— А-А. ДОБРЫЙ ВЕЧЕР, АЛЬБЕРТ И ЮНОША.

— Мор, — машинально поправил Мор.

На входе в конюшню Смерти пришлось склонить голову, чтобы не удариться лбом о притолоку. Альберт кивнул — как отметил для себя Мор, безо всякого раболепия, просто из вежливости. Во время редких поездок в город с отцом Мор пару раз встречал слуг, и Альберт на них совершенно не походил. Он вел себя так, будто на самом деле дом принадлежал ему, а Смерть был не более чем временным гостем, которого следовало терпеть, как облезающую краску или обосновавшихся в нужнике пауков. Смерть не возражал, словно они с Альбертом давным-давно сказали друг другу

все, что нужно было сказать, и теперь могли не сотрясать воздух, а мирно заниматься каждый своим делом. Мор же ощущал себя как на прогулке после кошмарной грозы: в воздухе веет свежестью, ничего особо неприятного не происходит, но при этом чувствуется, что недавно здесь бушевали могучие силы.

Разузнать, что представляет собой Альберт… Мор дополнил список запланированных дел еще одним пунктом.

— ПОДЕРЖИ-КА.

Смерть всунул косу в руки Мора и вскочил на Бинки. Коса выглядела совершенно обычной, если не считать лезвия: оно было таким тонким, что Мор мог сквозь него видеть, бледно-синим мерцанием в воздухе, способным рассекать пламя и резать звук. Поэтому косу Мор держал со всей осторожностью.

— ЛАДНО, ЮНОША. ЗАПРЫГИВАЙ. АЛЬБЕРТ, МОЖЕШЬ НАС НЕ ЖДАТЬ.

Конь рысью выбежал со двора и взмыл в небо.

Следовало бы ожидать какой-нибудь вспышки или звездопада. Следовало бы ожидать вихрей и размывающихся потоков света — ведь обычные межпространственные гиперскачки без такого не обходятся. Но Смерть в совершенстве владел

искусством перемещаться без показных эффектов и скользил меж измерений так же легко, как просачивался сквозь наглухо закрытые двери; легким галопом они двигались через облачные каньоны мимо исполинских клубящихся тучевых хребтов, пока дымка внизу не рассеялась и не показался Диск, нежащийся в солнечных лучах.

— ЭТО ПОТОМУ, ЧТО ВРЕМЯ ПОДАТЛИВО, — пояснил Смерть, когда Мор спросил насчет солнца. — ОНО НЕ ИМЕЕТ БОЛЬШОГО ЗНАЧЕНИЯ.

— А я всегда думал, что имеет.

— ЛЮДИ СКЛОННЫ ПРИПИСЫВАТЬ ЕМУ БОЛЬШУЮ ЗНАЧИМОСТЬ ТОЛЬКО ПОТОМУ, ЧТО САМИ ИЗОБРЕЛИ ЕГО, — мрачно ответил Смерть. Мору это показалось банальностью, но вступать в дискуссию он не стал.

— Чем мы теперь займемся? — поинтересовался он.

— ЕСТЬ МНОГООБЕЩАЮЩАЯ ВОЙНА В КЛАТЧИСТАНЕ, — ответил Смерть. — ЕСТЬ НЕСКОЛЬКО ВСПЫШЕК ЧУМЫ. И ОДНО ДОВОЛЬНО ГРОМКОЕ УБИЙСТВО, ЕСЛИ ТЕБЕ ЭТО БОЛЬШЕ ПО ДУШЕ.

— Что, убийство?

— И НЕ КОГО-НИБУДЬ, А КОРОЛЯ.

— А, короли… — протянул Мор. О королях он

кое-что знал. Раз в году в Овцекряжье наведывалась труппа странствующих, а точнее сказать, бродяжничающих лицедеев, чьи представления всегда были на одну и ту же тему — о королях. Короли вечно убивали других королей или же умирали сами. Сюжеты были весьма запутанными — с недоразумениями, ядами, сражениями, потерянными в детстве сыновьями, привидениями, ведьмами и, как правило, изобилием кинжалов. Сомнений не возникало: жизнь короля — это тебе не фунт изюму; тем удивительнее было наблюдать стремление доброй половины персонажей взойти на трон. О жизни королевского двора у Мора сложились несколько туманные представления, но он уверовал, что спать там не приходится.

— А мне бы хотелось увидеть настоящего короля, — сказал он. — Бабушка говорила, короли никогда корону не снимают. Даже в нужнике.

Смерть глубоко задумался.

— С ТЕХНИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НЕ ВИЖУ ПРЕПЯТСТВИЙ, — признал он. — ОДНАКО МОЙ ОПЫТ ПОКАЗЫВАЕТ, ЧТО ЭТО СКОРЕЕ ИСКЛЮЧЕНИЕ ИЗ ПРАВИЛ.

Жеребец сменил курс; под ними с молниеносной скоростью мелькала огромная и плоская

шахматная доска долины Сто. Благодатная земля с плодородными почвами, бескрайними капустными полями и маленькими, аккуратными королевствами, чьи границы змейками извивались под воздействием коротких, чисто номинальных междоусобиц, брачных союзов, запутанных альянсов, а порой и картографических ляпов, менявших политический ландшафт здешних мест.

— Этот король, — заговорил Мор, глядя на проносящийся внизу лес, — он добрый или злой?

— ДЛЯ МЕНЯ — ВОПРОС НЕПРИНЦИПИАЛЬНЫЙ. НАДО ПОЛАГАТЬ, НЕ ХУЖЕ ЛЮБОГО ДРУГОГО КОРОЛЯ.

— Он приговаривает людей к смерти? — спросил Мор, но спохватился и добавил: — Я не о вас, конечно.

— ПОРОЙ. КОГДА ТЫ КОРОЛЬ, НЕКОТОРЫХ ВЕЩЕЙ ТЕБЕ НЕ ИЗБЕЖАТЬ.

Под ними проплывал город, теснящийся вокруг замка, который был выстроен на скале, геологическим прыщом выпирающей из земли. Смерть рассказал, что эту глыбу, отколовшуюся от далекого массива Овцепикских гор, принесли сюда отступавшие льды — еще в ту легендарную пору, когда Ледяные Великаны развязали войну

против богов и ездили по земле верхом на своих ледниках, желая заморозить весь мир. Но в конце концов они отказались от этих планов и погнали свои сверкающие табуны обратно в земли, сокрытые средь островерхих гор близ Пупа. Никто из жителей долин не знал, почему они так поступили; по мнению молодежи Сто Лата — города вокруг этой скалы, — причиной была царящая в здешних краях мертвецкая скука.

Бинки опустился на вымощенную каменными плитами площадку самой высокой башни замка. Смерть спешился и велел Мору заняться торбой.

— Думаете, никто не заметит тут коня? — усомнился Мор на подходе к винтовой лестнице.

Смерть покачал головой.

— А ТЫ БЫ ПОВЕРИЛ, ЧТО НА ВЕРШИНЕ БАШНИ МОЖЕТ ОКАЗАТЬСЯ КОНЬ? — спросил он.

— Нет. По такой лестнице коня наверх не затащишь, — ответил Мор.

— А ЗНАЧИТ?..

— А, понял. Никто не хочет видеть того, чего быть не может.

— В ТОЧКУ.

Теперь они двигались по увешанному гобеленами широкому коридору. Смерть полез за пазуху, выудил оттуда песочные часы и всмотрелся в них

при тусклом свете.

Часы были сработаны с особым изяществом: граненые колбы с причудливым вытравленным узором были заключены в деревянный, инкрустированный бронзой корпус. Глубокая гравировка гласила: «Король Олерв Бастард».

Песок таинственно поблескивал. В верхней колбе оставались считаные песчинки.

Смерть что-то пробормотал себе под нос и убрал часы обратно в загадочные глубины одеяния.

Мор со Смертью завернули за угол и врезались в стену звука. Они очутились в переполненном гостями зале; пелена дыма и рокота голосов поднималась под самые своды, в тени которых таились флаги. На внутреннем балконе трио менестрелей старательно и безуспешно пыталось завладеть вниманием публики.

Появление Смерти особого ажиотажа не вызвало. Лакей в дверях обернулся к ним, собрался было что-то сказать, но отвлекся, нахмурился и снова задумался о своем. Несколько придворных взглянули в их сторону, и глаза их остекленели, когда чувство самосохранения побороло остальные пять.

— У НАС ЕСТЬ ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО МИНУТ. — Смерть подхватил бокал с подноса. — ДАВАЙ-КА

СМЕШАЕМСЯ С ТОЛПОЙ.

— Меня здесь тоже не видят! — заметил Мор. — Но я-то реально существую!

— РЕАЛЬНОСТЬ НЕ ВСЕГДА ТО, ЧЕМ КАЖЕТСЯ, — ответил Смерть. — ВПРОЧЕМ, РАЗ УЖ ЗДЕСЬ НЕ ЖЕЛАЮТ ВИДЕТЬ МЕНЯ, ТО ТЕБЯ И ПОДАВНО. ЭТО АРИСТОКРАТЫ, ЮНОША. В ИСКУССТВЕ НИЧЕГО НЕ ЗАМЕЧАТЬ ИМ НЕТ РАВНЫХ. НЕ ПОЙМУ, К ЧЕМУ В МОЕМ КОКТЕЙЛЕ ЭТА ВИШЕНКА НА ПАЛОЧКЕ?

— Мор, — машинально поправил Мор.

— ОНА ВЕДЬ НЕ ДОБАВЛЯЕТ НИКАКОГО ВКУСА. ТАК ЗАЧЕМ КОМУ-ТО ЗАПУСКАТЬ В ОТМЕННЫЙ КОКТЕЙЛЬ ЭТУ ВИШЕНКУ НА ПАЛОЧКЕ?

— А дальше что будет? — На этих словах в его локоть врезался пожилой граф, обвел взглядом всех окружающих, кроме Мора, пожал плечами и удалился.

— ИЛИ ВЗЯТЬ ВОТ ЭТИ ШТУКИ. — Смерть пощупал тарталетки, которые проносили мимо. — ВСЕ ПО ОТДЕЛЬНОСТИ НЕПЛОХО: И ГРИБЫ, И КУРЯТИНА, И СЛИВКИ, — Я НЕ ПРОТИВ, ЭТИ ПРОДУКТЫ ИМЕЮТ ПРАВО НА СУЩЕСТВОВАНИЕ, НО ЗАЧЕМ, ВО ИМЯ ЗДРАВОГО СМЫСЛА, ПЕРЕМАЛЫВАТЬ ИХ В ТРУХУ И ЗАТАЛКИВАТЬ В КОРЗИНОЧКИ ИЗ ТЕСТА?

— Что, простите? — не уловил Мор.

— В ЭТОМ ВЕСЬ ЧЕЛОВЕК, — продолжал Смерть. — ЕМУ НА ЗЕМЛЕ ОТМЕРЕНО ТАК МАЛО ЛЕТ, А ОН РАСТРАЧИВАЕТ ИХ НА УСЛОЖНЕНИЕ СОБСТВЕННОЙ ЖИЗНИ. ПОРАЗИТЕЛЬНО. ПОПРОБУЙ КОРНИШОН.

— А где король? — спросил Мор, вытягивая шею и глядя поверх голов.

— ВОН ТОТ, У КОТОРОГО ЗОЛОТИСТАЯ БОРОДА. — Разносчик напитков обернулся, почувствовав хлопок по плечу; пока он растерянно озирался по сторонам, с его подноса ускользнул очередной коктейль.

Взгляд Мора блуждал по залу и в конце концов отыскал стоявшего в окружении свиты человека, который слегка склонил голову, внимая речам коротышки-сановника. Король, рослый, грузный, хранил невозмутимое, терпеливое выражение лица: будь такое у продавца, вы бы у него и старую клячу купили с радостью.

— Он не похож на *злого* короля, — заключил Мор. — Кому понадобилось его убивать?

— ВИДИШЬ МУЖЧИНУ, ЧТО СТОИТ РЯДОМ? С ТОНКИМИ УСИКАМИ И УХМЫЛКОЙ КАК У ЯЩЕРИЦЫ? — Смерть указал на него косой.

— Да.

— КУЗЕН КОРОЛЯ, ГЕРЦОГ СТО ГЕЛИТСКИЙ. НЕ САМЫЙ ПРИЯТНЫЙ ЧЕЛОВЕК. ЗНАЕТ, КАК ОБРАЩАТЬСЯ С ПУЗЫРЬКОМ ЯДА. ГОД НАЗАД БЫЛ ПЯТЫМ В ОЧЕРЕДИ НА ПРЕСТОЛ, А СЕЙЧАС — УЖЕ ВТОРОЙ. СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ ВЗЛЕТ ПО СОЦИАЛЬНОЙ ЛЕСТНИЦЕ, ТАК СКАЗАТЬ. — Смерть вновь покопался в балахоне и выудил часы, в которых за решеткой из шипастого железа струился черный песок. Встряхнул их на пробу. — И ОСТАЛОСЬ ЕМУ ЕЩЕ ЛЕТ ТРИДЦАТЬ — ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ, — вздохнул Смерть.

— Он только и делает, что убивает направо и налево? — Мор сокрушенно покачал головой. — Нет в жизни справедливости.

Смерть снова вздохнул.

— НЕТ. — Он вручил пустой бокал проходящему мимо пажу, который с изумлением уставился на неизвестно откуда появившуюся посуду. — ЕСТЬ ТОЛЬКО Я.

Он извлек из ножен меч с таким же льдисто-голубым, тонким, словно тень, лезвием, как у косы, и шагнул вперед.

— А я думал, вы косой работаете, — прошептал Мор.

— КОРОЛЮ ПОЛОЖЕН МЕЧ, — пояснил Смерть. — ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ, КАК ЕЕ ТАМ,

ПРЕРОГАТИВА ВЕНЦЕНОСНЫХ ОСОБ.

Костяные пальцы его свободной руки снова нырнули под балахон и вытащили оттуда песочные часы короля Олерва. К горловине скатывались последние песчинки.

— СМОТРИ В ОБА, — предупредил Смерть. — ПОТОМ БУДЕТ ЭКЗАМЕН.

— Постойте, — жалким голосом попросил Мор. — Это же несправедливо. Разве нельзя ему помешать?

— НЕСПРАВЕДЛИВО? — отозвался Смерть. — А ПРИ ЧЕМ ТУТ СПРАВЕДЛИВОСТЬ?

— Ну, я к тому, что, если этот второй такой…

— ПОСЛУШАЙ, — прервал его Смерть, — СПРАВЕДЛИВОСТЬ ТУТ ВООБЩЕ НИ ПРИ ЧЕМ. ТЫ ДОЛЖЕН СОХРАНЯТЬ НЕЙТРАЛИТЕТ. ЗАРУБИ СЕБЕ НА НОСУ. ЕСЛИ ВРЕМЯ НАСТАЛО — ЗНАЧИТ, ОНО НАСТАЛО. ВОТ И ВСЕ, ЮНОША.

— Мор, — простонал Мор, оглядывая толпу.

Тогда-то он ее и увидел. Толпа разошлась на миг, и Мор заметил стройную рыжеволосую девушку, сидящую позади короля в окружении немолодых матрон. Ее нельзя было назвать такой уж красивой из-за переизбытка веснушек и, откровенно говоря, излишней худобы. Но один вид ее вызвал потрясение, которое оседлало мозг

Мора и, гнусно хохоча, угнало его куда-то в низ живота.

— ПОРА. — Смерть пихнул Мора острым локтем. — СЛЕДУЙ ЗА МНОЙ.

Он направился к королю, взвешивая в руке меч. Моргнув, Мор двинулся следом. Девушка на секунду встретилась с ним взглядом и тут же отвела глаза — а потом стала медленно поворачивать голову обратно, в ужасе распахивая рот.

Решимость Мора истаяла. Он со всех ног бросился к королю, крича:

— Берегитесь! Вы в опасности!

И мир сделался вязким, как патока. Пространство заполнили сине-пурпурные тени, как галлюцинации при тепловом ударе, а звуки начали стихать, так что в конце концов рев толпы сделался далеким и скрипучим, как музыка, доносящаяся из чужих наушников. Мор заметил, что Смерть, по-свойски вставший рядом с королем, не спускает глаз…

…с балкона для музыкантов.

Мор увидел стрелка, увидел арбалет, а затем и болт, который теперь плыл сквозь воздух со скоростью недужной улитки. Но каким бы он ни был медленным, Мору оказалось не под силу его обогнать. Миновала целая вечность, прежде

чем налитые свинцом ноги начали откликаться на команды своего хозяина, но он наконец смог оттолкнуться ими от пола и полететь со всей стремительностью континентального дрейфа.

Вяло барахтаясь в воздухе, он услышал беззлобный голос Смерти:

— У ТЕБЯ НИЧЕГО НЕ ПОЛУЧИТСЯ. ТВОЕ ЖЕЛАНИЕ ПОМОЧЬ ВПОЛНЕ ЕСТЕСТВЕННО, НО У ТЕБЯ НИЧЕГО НЕ ПОЛУЧИТСЯ.

Словно во сне, Мор плыл сквозь безмолвный мир…

Болт достиг цели. Смерть взмахнул мечом, и тот плавно прошел сквозь шею короля, не оставив никаких следов. Мору, который медленно вращался по спирали в пространстве сумеречного мира, показалось, будто впереди упал какой-то призрачный силуэт.

Это явно был не король, ведь тот так и стоял, глядя в глаза Смерти с выражением крайнего удивления. У его ног лежало темное *нечто*, а где-то вдали раздавались крики и вопли.

— ЧИСТО СРАБОТАНО, — заметил Смерть. — ОБЫЧНО С КОРОЛЕВСКИМИ ОСОБАМИ ОДНА МОРОКА. ЦЕПЛЯЮТСЯ ЗА ЖИЗНЬ. ТО ЛИ ДЕЛО КРЕСТЬЯНИН: ДОЖДАТЬСЯ НЕ МОЖЕТ МОЕГО ВИЗИТА.

— Кто ты такой, черт возьми? — заговорил король. — Что ты здесь делаешь? А? Стража! Я приказы…

Настойчивые сигналы глаз наконец достигли его мозга. Мор впечатлился. Король Олерв провел на троне немало лет и даже после смерти не разучился себя держать.

— О, — сказал он. — Понятно. Не ожидал столь скорого свидания.

— ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО! — Смерть поклонился. — ЕГО МАЛО КТО ОЖИДАЕТ.

Король огляделся по сторонам. В сумрачном, затянутом дымкой мире было тихо, но снаружи, судя по всему, царила суматоха.

— Это ведь я там лежу?

— БОЮСЬ, ЧТО ТАК, СИР.

— Ювелирная работа. Арбалет, не иначе?

— ДА. А ТЕПЕРЬ, ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО, НЕ БУДЕТЕ ЛИ ВЫ СТОЛЬ ЛЮБЕЗНЫ…

— Кто стрелял? — спросил король. Повисла пауза.

— НАЕМНЫЙ УБИЙЦА ИЗ АНК-МОРПОРКА.

— Так-так. Хитро. Мои поздравления Сто Гелитскому. А я-то налегал на противоядия. Но от холодной стали противоядия нет, верно? Верно?

— БЕЗУСЛОВНО, СИР.

— Трюк старый как мир: веревочная лестница и резвый скакун у подъемного моста, я прав?

— СУДЯ ПО ВСЕМУ, ДА, СИР. — Смерть деликатно подхватил тень короля под локоть. — НО, В КАЧЕСТВЕ УТЕШЕНИЯ, МОГУ ЗАВЕРИТЬ: ЭТОТ СКАКУН НЕ МОЖЕТ НЕ БЫТЬ РЕЗВЫМ.

— То есть?

Застывшая ухмылка Смерти стала чуть шире.

— ЗАВТРА У МЕНЯ НАЗНАЧЕНА ВСТРЕЧА С НАЕЗДНИКОМ В АНКЕ. ВИДИТЕ ЛИ, ГЕРЦОГ СНАБДИЛ ЕГО ЕДОЙ В ДОРОГУ.

Сообразительность у короля хромала, что, впрочем, только подтверждало его соответствие занимаемой должности; на какое-то время он погрузился в раздумья, а потом хохотнул. И лишь теперь заметил Мора.

— А это кто? — спросил он. — Тоже покойник?

— МОЙ УЧЕНИК, — пояснил Смерть. — КОТОРОМУ В БЛИЖАЙШЕМ БУДУЩЕМ СВЕТИТ СЕРЬЕЗНЫЙ РАЗГОВОР, ОБОЛТУСУ.

— Мор, — машинально вставил Мор. Отстраненно воспринимая их разговор, он не мог оторваться от происходящего вокруг. Он ощущал себя настоящим. Смерть казался вполне материальным. Король и вовсе выглядел на удивление живым и здоровым, учитывая обстоятельства.

А вот остальной мир превратился в мешанину скользящих теней. Какие-то силуэты склонялись над бессильно распластанным телом и проходили сквозь Мора, не более осязаемые, чем туман.

Заливалась слезами рухнувшая на колени девушка.

— Это моя дочь, — сообщил король. — Мне ведь должно быть грустно. Почему же это не так?

— ЧУВСТВА ОСТАЮТСЯ В ПРОШЛОМ. ВМЕСТЕ С ЖЕЛЕЗАМИ.

— Вот оно что. Да, наверное, так и есть. Она ведь нас не видит, правда?

— ПРАВДА.

— Полагаю, нет никакой лазейки, чтобы…

— НИКАКОЙ.

— Ей ведь королевой быть, и если бы я только мог сообщить…

— СОЖАЛЕЮ.

Запрокинув голову, девушка глядела сквозь Мора. У него на глазах герцог, возникший за ее спиной, утешительно опустил ладонь ей на плечо. Губы его тронула легкая улыбка. Такую улыбку обычно можно увидеть поджидающей беспечных купальщиков на песчаных отмелях.

Ты не можешь меня услышать, сказал девушке Мор. Но не доверяй ему!

Она, сощурившись, смотрела на него. Мор потянулся к ней, и его ладонь прошла сквозь ее руку.

— ПОЙДЕМ, ЮНОША. ВРЕМЯ НЕ ЖДЕТ.

Мор почувствовал, как рука Смерти беззлобно сжала его плечо. Скрепя сердце он развернулся, чтобы последовать за Смертью и королем.

Они вышли из зала сквозь стену. На полпути Мор вдруг осознал, что хождение сквозь стены невозможно.

Эта самоубийственная логика чуть не стоила ему жизни. Каменные плиты уже холодили ему конечности, когда в голове раздался голос:

— ПОСМОТРИ НА ЭТО ПОД ДРУГИМ УГЛОМ. НИКАКОЙ СТЕНЫ ЗДЕСЬ НЕТ, ИНАЧЕ ТЫ НЕ МОГ БЫ ЧЕРЕЗ НЕЕ ПРОЙТИ. НЕ ТАК ЛИ, ЮНОША?

— Мор, — отозвался Мор.

— ЧТО?

— Меня зовут Мор. Или Мортимер, — сердито сообщил Мор, проталкиваясь вперед. Холод остался позади.

— НУ, ВОТ ВИДИШЬ? СУЩИЕ ПУСТЯКИ, ПРАВДА?

Мор оглядел коридор и похлопал по стене, проверяя ее на прочность. Он вроде как прошел сквозь нее, но теперь она казалась вполне твердой. Мелкие блестки слюды подмигивали ему.

— Как у вас это получается? — спросил он. — А у меня как? Это что, магия?

— ЭТО ЧТО УГОДНО, НО ТОЛЬКО НЕ МАГИЯ, ЮНОША. КОГДА НАУЧИШЬСЯ ДЕЛАТЬ ЭТО САМОСТОЯТЕЛЬНО, МНЕ БОЛЬШЕ НЕЧЕМУ БУДЕТ ТЕБЯ УЧИТЬ.

Король, становящийся все более размытым, заметил:

— Впечатляюще, ничего не скажешь. К слову, я, судя по всему, начинаю растворяться.

— ДА, ВАШЕ МОРФОГЕНЕТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ОСЛАБЕВАЕТ.

Голос короля понизился до шепота:

— Ах вот, значит, что это такое?

— ТАК БЫВАЕТ СО ВСЕМИ. ПОСТАРАЙТЕСЬ ПОЛУЧИТЬ ОТ ЭТОГО УДОВОЛЬСТВИЕ.

— Как?

Голос короля тенью плыл по воздуху.

— ПРОСТО БУДЬТЕ СОБОЙ.

Тут король схлопнулся: он становился все меньше и меньше, и наконец его поле обратилось в крошечную яркую искорку. Превращение закончилось столь быстро, что Мор чуть было его не пропустил. За долю секунды — из призрака в пылинку под шелест слабого вздоха.

Сияющая точка, бережно пойманная Смертью,

отправилась куда-то под балахон.

— Что с ним произошло? — спросил Мор.

— ОН ОДИН ЗНАЕТ. ПОЙДЕМ.

— Бабушка говорит: умереть — что уснуть, — добавил Мор с забрезжившей надеждой.

— НЕ ЗНАЮ. НЕ ДОВЕЛОСЬ ИСПЫТАТЬ НИ ТОГО НИ ДРУГОГО.

В последний раз Мор окинул взглядом коридор. Массивные двери распахнулись, и из зала хлынули придворные. Две пожилые дуэньи пытались утешить принцессу, но она решительно шагала вперед, и они подпрыгивали позади нее, как пара суетливых воздушных шариков. Очень скоро вся троица свернула в другой коридор.

— УЖЕ КОРОЛЕВА, — одобрительно заметил Смерть. Ему всегда импонировал стиль.

Разговор между Смертью и Мором продолжился только на башне.

— ТЫ ПЫТАЛСЯ ЕГО ПРЕДУПРЕДИТЬ, — сказал Смерть, убирая торбу Бинки.

— Да, сэр. Простите.

— ТЫ НЕ ИМЕЕШЬ ПРАВА ЧИНИТЬ ПРЕПЯТСТВИЯ СУДЬБЕ. КТО ТЫ ТАКОЙ, ЧТОБЫ РЕШАТЬ, КОМУ ОСТАТЬСЯ В ЖИВЫХ, А КОМУ УМЕРЕТЬ?

Смерть неотрывно следил за выражением его лица.

— ТОЛЬКО БОГИ ИМЕЮТ НА ЭТО ПРАВО, — добавил он. — ЛЮБЫЕ ИГРЫ ДАЖЕ С ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОЙ СУДЬБОЙ МОГУТ ПОГУБИТЬ ВЕСЬ МИР. ТЫ ПОНЯЛ?

Мор уныло кивнул.

— Вы отправите меня восвояси? — спросил он.

Смерть втащил Мора на круп Бинки, позади седла.

— ИЗ-ЗА ПРОЯВЛЕННОГО МИЛОСЕРДИЯ? НИКОГДА. ВОТ ЕСЛИ БЫ Я УВИДЕЛ, ЧТО ТЫ ЭТИМ НАСЛАЖДАЕШЬСЯ, ТОГДА ДРУГОЕ ДЕЛО. НО ТЫ ДОЛЖЕН ОВЛАДЕТЬ ТОЙ РАЗНОВИДНОСТЬЮ МИЛОСЕРДИЯ, ЧТО ПОДОБАЕТ ТВОЕМУ РЕМЕСЛУ.

— И в чем же она заключается?

— В ОСТРОТЕ КЛИНКА.

* * *

Дни сменяли друг друга, но Мор не знал наверняка, сколько прошло времени. Хмурое солнце мира Смерти регулярно прокатывалось по небу, но визиты в царство смертных как будто не подчинялись строгому расписанию. Личного присутствия Смерти заслуживали не только монаршие особы и знаменательные битвы; в большинстве случаев этой чести удостаивались простые люди.

Альберт подавал на стол, постоянно улыбаясь себе под нос и чаще всего молча. Изабель в основном оставалась в своих покоях или же объезжала верхом на пони черные вересковые пустоши за домом. Со стороны вид ее фигуры со струящимися на ветру волосами был бы куда более впечатляющим, если бы она была лучшей наездницей, пони был бы покрупнее, а волосы ее струились бы естественно. Волосам некоторых людей это дано, а некоторых — нет. Волосам Изабель это было не дано.

Когда Мора не привлекали к исполнению того, что Смерть именовал ДОЛГОМ, он помогал Альберту, занимался садом или конюшней или пропадал в обширной библиотеке Смерти, с невероятной скоростью поглощая все подряд без разбора, как свойственно тем, кто впервые открывает для себя магию письменного слова.

Основу библиотеки составляли, разумеется, биографии.

Они имели одну характерную особенность. Они писали себя сами. Книги умерших, ясное дело, были заполнены от начала и до конца, а еще не родившиеся довольствовались пустыми страницами. Те же, кто пребывал в промежуточном состоянии… Отмечая то место, где кончался текст,

и считая появившиеся впоследствии строки, Мор выяснил, что некоторые книги обновляются со скоростью четыре-пять абзацев в сутки. Почерк был ему незнаком.

Однажды он все-таки набрался храбрости.

— ЧТО ТЕБЕ НУЖНО? — изумленно вопросил сидящий за резным столом Смерть, крутя в руках нож для бумаг в форме косы.

— Отгул, — повторил Мор. Комната начала угнетать его своими габаритами, а сам он, стоя посреди ковра размером с поле, чувствовал себя совершенно беззащитным.

— ЗАЧЕМ? — спросил Смерть. — К БАБУШКЕ НА ПОХОРОНЫ ТЕБЕ ТОЧНО НЕ НУЖНО. Я БЫ ЗНАЛ.

— Просто хочется, ну, это, прогуляться, познакомиться с новыми людьми, — объяснил Мор, стараясь держаться уверенно под немигающим синим взглядом.

— НО ТЫ И ТАК КАЖДЫЙ ДЕНЬ ЗНАКОМИШЬСЯ С НОВЫМИ ЛЮДЬМИ, — возразил Смерть.

— Да, я знаю, просто, ну, все как-то быстро заканчивается, — сказал Мор. — В смысле неплохо было бы пообщаться с теми, кому осталось пребывать на этом свете дольше пары минут. Сэр, — добавил он.

Смерть побарабанил пальцами по столу — звук

смахивал на мышиную чечетку — и вновь смерил Мора пристальным взглядом. Он заметил, что в юноше как будто бы стало меньше локтей, держится он попрямее, а кроме того, научился использовать слова вроде «пребывать». Спасибо библиотеке.

— ЛАДНО, — проворчал он. — ХОТЯ МНЕ И КАЖЕТСЯ, ЧТО ЗДЕСЬ У ТЕБЯ ЕСТЬ ВСЕ НЕОБХОДИМОЕ. ВЕДЬ НАШ ДОЛГ ТЕБЕ НЕ В ТЯГОСТЬ, ПРАВДА?

— Нет, сэр.

— ТЕБЯ ХОРОШО КОРМЯТ, У ТЕБЯ ЕСТЬ ТЕПЛАЯ ПОСТЕЛЬ, СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ, А ТАКЖЕ ОБЩЕНИЕ С РОВЕСНИКАМИ.

— С ровесниками, сэр? — переспросил Мор.

— Я ГОВОРЮ О МОЕЙ ДОЧЕРИ. КАЖЕТСЯ, ВЫ С НЕЙ ЗНАКОМЫ.

— О. Да, сэр.

— В НЕЙ МНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕПЛА, СТОИТ ТОЛЬКО ПОБЛИЖЕ ЕЕ УЗНАТЬ.

— Не сомневаюсь, сэр.

— И ТЕМ НЕ МЕНЕЕ ТЫ ПРОСИШЬ ДАТЬ ТЕБЕ, — заключительное слово Смерть произнес с оттенком гадливости, — ОТГУЛ?

— Да, сэр. С вашего позволения, сэр.

— ЧТО Ж, ХОРОШО. ДА БУДЕТ ТАК. У ТЕБЯ ЕСТЬ

ВРЕМЯ ДО ЗАХОДА СОЛНЦА.

Смерть раскрыл увесистую книгу учета и, вооружившись пером, вернулся к записям. Время от времени он прерывался, чтобы пощелкать на счетах.

Через минуту он поднял взгляд.

— ТЫ ВСЕ ЕЩЕ ЗДЕСЬ, — отметил он. И кисло добавил: — ХОТЯ ВРЕМЯ ПОШЛО.

— Э-э, — замялся Мор, — а окружающие смогут меня видеть, сэр?

— НАДО ПОЛАГАТЬ, ДА, — ответил Смерть. — ЧЕМ ЕЩЕ Я МОГУ ТЕБЕ ПОМОЧЬ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ТЫ УЙДЕШЬ В ЗАГУЛ?

— Ну, сэр, есть кое-что, сэр, я, кажется, не знаю, как добраться до мира смертных, сэр, — в отчаянии забормотал Мор.

С глубоким вздохом Смерть выдвинул ящик стола.

— НА СВОИХ ДВОИХ.

Мор понуро кивнул и поплелся к двери. Потянув за ручку, он услышал покашливание Смерти.

— ЮНОША! — Смерть кинул ему какую-то вещь.

Мор машинально поймал ее, и дверь со скрипом отворилась.

Дверного проема как не бывало. Вместо пуши-

стого ковра под ногами расстелилась грязная мостовая. Яркий дневной свет лился на него как ртуть.

— Мор, — поправил Мор, обращаясь уже ко всей вселенной.

— Что-что? — переспросил оказавшийся рядом лоточник. Мор огляделся по сторонам. Его окружала переполненная людьми и всякой живностью рыночная площадь. Чем здесь только не торговали: от иголок до (при посредничестве бродячих пророков) видений спасения. Общаться было возможно, только перейдя на крик.

Мор похлопал лавочника по спине.

— Вы меня видите? — требовательно спросил он.

Торговец, критически прищурившись, оглядел Мора.

— Вроде как вижу, — ответил он. — По крайней мере, кого-то очень на тебя похожего.

— Спасибо, — с невероятным облегчением сказал Мор.

— Не за что. Я изо дня в день тут много кого вижу. За погляд денег не берут. Тебе шнурки не нужны?

— Вроде нет, — ответил Мор. — Где мы находимся?

— А ты будто не знаешь?

Парочка стоявших у соседнего прилавка людей глубокомысленно разглядывала Мора. Его мозг заработал на максимальных оборотах.

— Мой наставник часто бывает в разъездах, — искренне сказал Мор. — Мы прибыли вчера вечером, но в повозке я задремал. Зато сейчас у меня свободное время.

— А-а, — протянул лавочник и заговорщически склонился вперед. — Ищешь, где бы поразвлечься, да? Могу все устроить.

— Для начала хотелось бы понять, где именно я нахожусь, — сказал Мор.

Торговец не поверил своим ушам.

— В Анк-Морпорке, где ж еще, — объявил он. — Это же с первого взгляда ясно. И с первого вдоха тоже.

Мор повел носом. Воздух в городе был особенный. Возникало ощущение, будто этот воздух видывал виды. А еще с каждым вдохом все яснее становилось, что вокруг — тысячи других людей, и почти у каждого имеются подмышки.

Лавочник скептически осмотрел Мора, и от его внимания не укрылись ни бледное лицо, ни хорошо скроенная одежда, ни удивительная, какая-то напружиненная манера держаться.

— Слушай, давай без обиняков, — сказал он. — Могу объяснить, как дойти до отличного борделя.

— Я уже пообедал, — наобум брякнул Мор. — Лучше скажите, далеко ли до места под названием… кажется… Сто Лат?

— Миль двадцать в сторону Пупа, но для такого парня там развлечений не найдется, — зачастил торговец. — Мне ли не знать — ты предоставлен сам себе, ищешь новых впечатлений, мечтаешь об эмоциях, о романтике…

Мор тем временем развязал кисет, полученный от Смерти. Он был полон золотых монет, мелких, как пайетки.

Перед его мысленным взором снова возникло бледное, обрамленное копной рыжих волос лицо молодой девушки, которая каким-то образом ощутила его присутствие. Невнятные ощущения, преследовавшие его последние дни, внезапно обострились до предела.

— Мне нужен, — твердо сказал он, — самый быстрый конь.

* * *

Через пять минут Мор заблудился.

Этот район Анк-Морпорка назывался Тенями;

накопившиеся здесь проблемы можно было решить лишь двумя способами: либо с помощью правительственных дотаций, либо — что предпочтительней — с помощью огнемета. Его нельзя было назвать убогим, потому что это стало бы огромной натяжкой. Тени вышли так далеко за пределы убожества, что, совершив нечто вроде эйнштейновского обращения, обрели величественную чудовищность, которую носили как медаль за архитектурные достижения. Они были шумными и душными и пахли как пол в коровнике.

Это был не столько городской район, сколько отдельная экосистема, напоминающая вышедший на сушу коралловый риф. Его населяли люди — точнее, гуманоидные аналоги омаров, кальмаров, креветок и прочих морских тварей. И акулы.

Понурив голову, Мор блуждал по извилистым улочкам. С высоты птичьего полета каждый мог бы заметить, что в сутолочном движении за его спиной назревает тенденция к сближению группы мужчин с преследуемой целью и что вероятность выживания у Мора с его золотишком примерно такая же, как у трехлапого ежа посреди шестиполосной автострады.

Должно быть, уже очевидно, что никаких жителей в Тенях и быть не могло. Там водились обитатели. В поисках хорошего торговца лошадьми Мор время от времени пытался завязать с кем-нибудь из них разговор. Обитатели, как правило, бормотали в ответ что-то неразборчивое и поспешно убирались восвояси, поскольку любой, кто хотел прожить в Тенях дольше трех часов, быстро обзаводился чрезвычайно развитым чутьем и не стал бы околачиваться рядом с Мором, точно так же как крестьянин не встал бы в грозу рядом с высоким деревом.

Наконец Мор добрался до реки Анк, величайшей из рек. Ее течение замедлялось и тяжелело от ила, вынесенного с равнин, задолго до встречи с этим городом, а к тому времени, когда она добиралась до Теней, по ее глади мог бы прогуляться даже агностик. Утонуть в Анке трудно, а вот задохнуться — проще простого.

Мор с сомнением посмотрел на реку. Вроде как она двигалась. И в ней виднелись пузырьки. Вероятно, это все-таки была вода.

Со вздохом он отвернулся от Анка.

И увидел троих мужчин, будто исторгнутых стеной. В любом рассказе появление таких мрачных тупорылых головорезов сулит герою

столкновение с некой угрозой, хотя и не слишком серьезной, потому как по законам жанра бандиты должны быть застигнуты врасплох самым неприятным для себя образом.

Они ухмылялись. Получалось это у них хорошо.

Один из бандитов, вытащив из-за пазухи нож, принялся описывать лезвием в воздухе небольшие круги. Он начал медленно подступать к Мору, пока двое других оставались на месте, оказывая аморальную поддержку на расстоянии.

— Кошелек, — просипел бандит.

Мор потянулся к висевшему на поясе кисету.

— Погоди-ка, — сказал он. — А продолжение?

— В смысле?

— В смысле — кошелек или жизнь, — уточнил Мор. — У вашего брата, у грабителей, обычно именно такие требования. Кошелек или жизнь. Я в книжке читал, — добавил он.

— Пожалуй, пожалуй, — допустил грабитель. Ему показалось, что инициатива ускользает из его рук, однако он вышел из положения с блеском: — С другой стороны, я могу затребовать и кошелек, и жизнь. Двух зайцев разом, так сказать. — И он искоса взглянул на своих подельников, которые мерзко захихикали в ответ.

— Раз так… — С этими словами Мор покачал в руке свой кисет, готовясь зашвырнуть его подальше в Анк, пусть даже и существовала вероятность, что он просто отскочит от речной поверхности.

— Эй, ты чего творишь? — завопил грабитель. Он метнулся было вперед, но тут же прирос к месту, видя, что Мор угрожающе замахивается.

— Видишь ли, — рассуждал Мор, — для себя я так понимаю. Раз уж вы все равно меня убьете, кошелек мне особо ни к чему. Так что решать вам. — В доказательство своих намерений он достал из кисета одну монетку и запустил ее в реку, принявшую сей дар с неприятным чавкающим звуком. Грабители вздрогнули.

Главарь шайки посмотрел на кисет. Потом на свой нож. Потом на лицо Мора. И, наконец, на своих дружков.

— Прошу прощения, — сказал он, и троица сбилась в кучу.

Мор прикинул расстояние до конца переулка. Не вариант. Во всяком случае, вид этой троицы говорил, что догонять добычу у них тоже получается хорошо. Зато в логике они были не сильны.

Главарь повернулся в сторону Мора. Еще раз бросил взгляд на своих подельников. Оба решительно кивнули.

— В общем, так: тебя мы убьем, а с золотом — уж как получится, — заявил он. — А то ведь ты и других научишь.

Его подельники вытащили ножи.

Мор сглотнул.

— Это будет не слишком благоразумно, — выдавил он.

— С чего это?

— Ну, во-первых, мне это не принесет никакой радости.

— А ты и не должен радоваться, ты должен… умереть. — Грабитель подступал все ближе.

— Не думаю, что мне уже пора умирать, — сказал Мор, делая шаг назад. — Уверен, что меня бы предупредили.

— Ага, — сказал главарь, которому это уже порядком надоело. — Так ведь тебя и предупредили, разве нет? Ох же ж ты навоз слоновий!

Мор только что сделал еще один шаг назад. В стену.

Главарь злобно посмотрел на поглотившие Мора твердые камни и в сердцах отшвырнул нож.

— Ну, *** мою лысину, — проговорил он. — ***ый волшебник. Ненавижу ***ых волшебников!

— Тогда не надо их ***, — пробормотал один

из его приспешников, без труда озвучивая три звездочки.

А третий, до которого все доходило с небольшой задержкой, заметил:

— Эй, да он же сквозь стену прошел!

— И зачем мы за ним тащились битый час? — бубнил второй. — Ну и молодец же ты, Плешивый! Говорил ведь я тебе: волшебник он, только волшебник здесь в одиночку шататься станет. Разве я не говорил, что он на волшебника похож? Я так и сказал…

— Да у тебя, известное дело, язык без костей, — прорычал главарь.

— *Я своими глазами видел, как он сквозь вон ту стену прошел…*

— Ах так?

— Да, так!

— *Прям сквозь стену, видали?*

— А у тебя, значит, умишко острый?

— Да вот не жалуюсь!

Одним змеиным движением главарь выхватил из грязи свой нож.

— Такой же острый?

Третий грабитель бросился к стене и отвесил ей несколько пинков; за спиной у него послышалась возня и какие-то влажные булькающие звуки.

— Стена как стена, — заключил он. — Самая обыкновенная, зуб даю. Эй, ребята, как это у него получилось? Ребята?

Он споткнулся о распластанные тела.

— Ох.

Хотя мозги у него ворочались медленно, одну важную вещь он осознал моментально. Он стоял в глухом переулке, в Тенях, и стоял там один. Грабитель припустил во весь дух, и даже успел пробежать вполне приличное расстояние.

* * *

Смерть медленно шел по плитам зала жизнеизмерителей, осматривая плотные ряды занятых своим делом часов. За ним следовал верный Альберт с раскрытым фолиантом в руках.

На них могучим серым водопадом обрушивался шум.

Он рождался на полках, где, уходя ряд за рядом в бесконечную даль, отмеряли время жизни смертных песочные часы. Это был тяжелый шум, глухой шум, шум, лившийся унылым заварным кремом на яркий пудинг души.

— ХОРОШО, — наконец сказал Смерть. — ПОЛУЧАЕТСЯ, ТРОЕ. СПОКОЙНАЯ НОЧЬ.

— Это, значит, тетушка Хэмстринг, снова на-

стоятель Лобсанг и принцесса Кели, — доложил Альберт.

Смерть осмотрел стоявшие на ладони трое часов.

— ПОДУМЫВАЮ ОТПРАВИТЬ НА ДЕЛО ПАРНИШКУ.

Альберт сверился с фолиантом.

— Ну, с тетушкой проблем не возникнет, а настоятель — человек опытный, — сказал он. — А вот принцессу жалко. Всего пятнадцать лет. С ней может быть непросто.

— ДА. ПЕЧАЛЬНО.

— Хозяин?

Смерть стоял с третьими часами в руках, задумчиво наблюдая за игрой света на стекле. Он вздохнул:

— СОВСЕМ ЮНАЯ…

— Вы хорошо себя чувствуете, хозяин? — с тревогой в голосе спросил Альберт.

— УНОСИТ ВРЕМЕНИ ПОТОК ВСЕХ…

— Хозяин!

— ЧТО? — Смерть вздрогнул и вернулся в реальность.

— Вы переутомились, хозяин, вот в чем дело…

— ЧТО ТЫ НЕСЕШЬ, ДРУГ МОЙ?

— Вы какой-то сам не свой, хозяин.

— ГЛУПОСТИ. ЧУВСТВУЮ СЕБЯ КАК НИКОГДА ХОРОШО. ТАК О ЧЕМ МЫ ГОВОРИЛИ?

Альберт пожал плечами и вернулся к записям.

— Тетушка Хэмстринг — ведьма, — продолжил он. — Она может рассердиться, если отправить к ней Мора.

Все, кто так или иначе связан с магией, по истечении своего песка имеют право быть обслуженными лично Смертью, а не довольствоваться его мелкими подручными.

Смерть будто не расслышал. Он все смотрел на песочные часы принцессы Кели.

— КАК НАЗЫВАЕТСЯ ТО ОЩУЩЕНИЕ, КОГДА ТЕБЯ ОХВАТЫВАЕТ СМУТНОЕ СОЖАЛЕНИЕ О ТОМ, ЧТО ВСЕ СКЛАДЫВАЕТСЯ ТАК, КАК СКЛАДЫВАЕТСЯ?

— Печаль, хозяин. Наверное. Так вот…

— Я ЕСТЬ ПЕЧАЛЬ.

У Альберта отвисла челюсть. Но, взяв наконец себя в руки, он выпалил:

— Хозяин, мы говорили о Море!

— О КАКОМ ЕЩЕ МОРЕ?

— О вашем ученике, хозяин, — терпеливо объяснил Альберт. — Такой долговязый парень.

— НУ ДА. ЧТО Ж, ЕГО И ПОШЛЕМ.

— А он справится в одиночку, хозяин? — усо-

мнился Альберт.

Смерть задумался.

— СПРАВИТСЯ, — сказал он наконец. — ОН ПРИЛЕЖЕН, СХВАТЫВАЕТ НА ЛЕТУ, ДА И ВООБЩЕ, — добавил он, — НЕ МОГУТ ЖЕ СМЕРТНЫЕ РАССЧИТЫВАТЬ, ЧТО Я ВЕЧНО БУДУ ВОКРУГ НИХ СУЕТИТЬСЯ?

* * *

Мор пялился на бархатную драпировку в нескольких дюймах от его носа.

«Я прошел сквозь стену, — подумал он. — А это невозможно».

Осторожно отодвинув драпировку, чтобы посмотреть, не укрылась ли за ней какая-нибудь дверь, он не обнаружил ничего, кроме растрескавшейся штукатурки, которая местами до того осыпалась, что обнажила сыроватую, но явно прочную кирпичную кладку.

Мор в порядке эксперимента потыкал в нее пальцем. Было ясно, что обратно придется выбираться другим путем.

— Ну, — обратился он к стене. — И что теперь?

Позади него раздался голос:

— Э-э… Прошу прощения?

Мор медленно обернулся.

За столом в центре комнаты собралась семья клатчцев в составе отца, матери и полудюжины детей мал мала меньше. Восемь пар округлившихся глаз уставились на Мора. Девятая же пара, принадлежащая престарелому родственнику неустановленного пола, этого не сделала, потому как ее владелец решил воспользоваться замешательством ради свободного доступа к общей плошке с рисом, справедливо полагая, что порция отварной рыбы будет поважнее любого количества необъяснимых явлений, и тишина нарушалась энергичным чавканьем.

В углу людной комнатенки находилось маленькое святилище Оффлера, шестирукого клатчского Бога-Крокодила. Он скалился совсем как Смерть, хотя у Смерти, конечно, не было персональной стаи священных птиц, приносящих вести о жизни паствы и поддерживающих в чистоте его зубы.

Из всех добродетелей на первом месте у клатчцев стоит гостеприимство. Поэтому хозяйка, пока Мор оглядывался по сторонам, достала с полки еще одну тарелку и без лишних слов стала наполнять ее из общей плошки, вырвав в ходе короткой борьбы добрый кусок сома из старческих рук. При этом она не спускала с Мора подведенных

сурьмой глаз.

Голос, обратившийся к нему, принадлежал отцу семейства. Мор нервно поклонился.

— Прошу прощения, — сказал он. — Я, кажется, прошел сквозь вашу стену. — Он вынужден был признать, что прозвучало это довольно жалко.

— Пожалуйста?.. — сказал хозяин. Его жена, позвякивая браслетами, аккуратными движениями разместила на тарелке несколько кусочков перца и сдобрила блюдо темно-зеленым соусом — Мор опасался, что уже с ним знаком. Он попробовал этот соус несколько недель назад, и хоть рецепт его был очень сложен, хватило одной капли, чтобы понять, что сделан он из рыбьих потрохов, несколько лет мариновавшихся в бочке с акульей желчью. Смерть сказал, что к нему нужно приобрести вкус. Мор решил не пытаться.

Пока он бочком пробирался вдоль стены в сторону дверного проема с занавеской из бусин, все едоки провожали его взглядами. Мор попытался широко улыбнуться.

— Почему демон скалит свои зубы, о муж моей жизни? — спросила хозяйка.

— Должно быть, он изрядно голоден, о луна моей страсти. Положи ему побольше рыбы!

Тогда предок проворчал:

— Это мои харчи, несносный плод чресл моих. Чума на тот мир, где не в почете седины!

Стоит упомянуть, что, хотя все эти фразы входили в уши Мора произнесенными на клатчском, со всеми витиеватостями и изысканными дифтонгами языка столь древнего и сложного, что еще до того, как остальные народы мира начали колошматить друг друга по голове булыжниками, в нем уже насчитывалось пятнадцать слов, означающих «наемное убийство», мозг Мора воспринимал их так же ясно, как если бы они были сказаны на его родном языке.

— Никакой я не демон! Я человек! — выкрикнул он — и осекся, потому что заговорил на безупречном клатчском.

— Ты грабитель? — спросил отец семейства. — Убийца? Коли просочился в наш дом таким манером, уж не *сборщик ли ты налогов?* — Скользнув под стол, его рука вынырнула оттуда с мясницким тесаком, заточенным до тонкости бумажного листа. Хозяйка вскрикнула и обронила тарелку, а затем сгребла в охапку своих младшеньких.

Наблюдая за тем, как лезвие рассекает воздух, Мор решил не оказывать сопротивления.

— Я явился к вам с приветом из самых дальних кругов ада! — наудачу ляпнул он.

Произошла разительная перемена. Тесак опустился, а все семейство благодушно заулыбалось.

— Визиты демонов приносят большую удачу, — улыбнулся отец. — Чего изволишь, о мерзейший плод чресл Оффлера?

— Прошу прощения? — переспросил Мор.

— Демон дарует благословение и удачу тому, кто его привечает, — объяснил хозяин. — Чем мы можем быть полезны, о нечистый песий дух преисподней?

— Ну, есть мне не хочется, — сказал Мор, — но если вы подскажете, где раздобыть резвого скакуна, то я попаду в Сто Лат до захода солнца.

Просияв, хозяин дома согнулся в поклоне.

— Есть одно местечко, о смердящее извержение кишечника; изволь следовать за мной.

Мор поспешил за своим благодетелем. Предок критически посмотрел им вслед, не переставая ритмично работать челюстями.

— И вот это здесь называется демоном? — проворчал он. — Да поразит Оффлер гнилью эти мокрые земли — даже демоны здесь третьесортные, не то что у нас на родине.

Хозяйка дома водрузила маленькую плошку риса на сложенные ладони средней пары рук статуи Оффлера (к утру рис будет съеден) и отошла

в сторону.

— Супруг говорил, будто месяц назад в «Садах Карри» обслуживал некое создание, которого там на самом деле не было, — сказала она. — Он был очень впечатлен.

Через десять минут отец семейства вернулся и в торжественной тишине высыпал на стол небольшую горку золотых монет. Достаточно, чтобы выкупить значительную часть города.

— У него таких целый кисет, — сказал он.

Какое-то время все семейство не сводило глаз с денег. А потом жена вздохнула.

— Богатство до добра не доводит, — проговорила она. — Что будем с ним делать?

— Вернемся в Клатч, — решительно объявил муж, — чтобы наши дети смогли вырасти в нормальной стране, верной славным традициям нашего древнего народа, где мужчины не гнут спины, работая официантами у злобных господ, а высоко несут голову. Выезжаем прямо сейчас, о благовонный цветок финиковой пальмы.

— Отчего такая спешка, о трудолюбивый сын пустыни?

— Оттого, — объяснил отец семейства, — что я только что продал лучшего скакуна патриция.

* * *

Резвостью и статью этот жеребец уступал Бинки, однако, исправно отсчитывая мили копытами, с легкостью оторвался от конных стражников, почему-то жаждавших пообщаться с Мором. Вскоре трущобы предместий Морпорка скрылись из виду, и дорога вышла на богатые черноземом плодородные угодья равнины Сто, образованные за неисчислимые века регулярными разливами великого вялотекущего Анка, которые обеспечили местному населению процветание, надежный доход и хронический артрит.

Пейзаж навевал жуткую тоску. Пока серебро света обращалось золотом, Мор галопом несся по плоской, стылой местности, от края до края расчерченной на квадраты капустных полей. О капусте можно сказать многое. Можно долго вещать о том, что она богата витаминами, снабжает организм ценной клетчаткой, отличается высоким содержанием жизненно необходимого железа и значительной пищевой ценностью. Однако чего-то в ней все-таки не хватает, и при всем несомненном диетическом и моральном превосходстве капусты над, скажем, нарциссами вид ее еще ни разу не вдохновил музу поэта.

Голодный поэт, разумеется, не в счет. До Сто Лата было всего-то двадцать миль, но в силу полной своей бессмысленности для человеческого опыта они растягивались до двух тысяч.

На воротах Сто Лата стояли караульные, хоть по сравнению со стражей, которая патрулировала берега Анка, они и производили впечатление робких дилетантов. Мор проехал мимо, и один из них, чувствуя себя немного глупо, потребовал назваться.

— Боюсь, мне некогда останавливаться, — ответил Мор.

Караульный был из новичков и горел энтузиазмом. Но охранную службу он представлял себе как-то не так. Он не затем записывался в стражу, чтобы стоять день-деньской на воротах, да еще в кольчуге и с тяжелым топором на длинной палке; воображение рисовало ему азарт, и риск, и арбалеты, и доспехи, которые не ржавеют под дождем.

Он шагнул вперед, проявляя готовность защищать город от чужаков, не уважающих приказы полномочных представителей власти. Мор оценил заостренный наконечник алебарды, зависший в паре дюймов от его лица. В последнее время подобное случалось с ним слишком часто.

— Но, с другой стороны, — спокойно сказал он, — как ты смотришь на то, чтобы принять от меня в дар этого породистого жеребца?

Найти ворота замка не составило труда. Однако стража была и там, с арбалетами и куда менее благодушным отношением к жизни, а кони у Мора закончились. У входа он околачивался до тех пор, пока не привлек внимание стражников, после чего с обреченным видом отправился слоняться по городским улицам, чувствуя себя полным идиотом.

После всех испытаний, после многочасовой пытки созерцанием капустных полей, после того, как ягодицы его затекли настолько, что напоминали теперь кусок дерева, Мор не понимал, зачем вообще сюда притащился. Ну да, она заметила его, хотя он был невидим. И что? Да ровным счетом ничего. Но лицо ее, с проблеском надежды в глазах, не давало ему покоя. Ему хотелось пообещать ей, что все образуется. Хотелось рассказать о себе и о своем будущем ремесле. Хотелось узнать, в каком крыле замка расположена ее спальня, и смотреть на окно всю ночь, пока не погаснет огонь. Всего не перечислишь.

Через некоторое время кузнец, чья мастерская располагалась на одной из выходивших к стене

замка узеньких улочек, оторвался от работы, заметив долговязого раскрасневшегося парня, который силился пройти сквозь каменную кладку.

Немного позже молодой человек с парой небольших ссадин на голове заглянул в одну городскую таверну и спросил, где найти ближайшего волшебника.

А еще некоторое время спустя Мор уже стоял перед домом с облезлой штукатуркой, на фасаде которого красовалась потускневшая медная табличка, провозглашавшая сие место обиталищем Огнеуса Кувыркса, доктора магии (Незримый Университет), Маргистра Бесконечности, Иллюминартуса, Чародея дофинов, Блюмстителя священных порталов, Если нет дома, передайте почьту через мадам Зануджент (вход рядом).

Под впечатлением от прочитанного Мор с сильным сердечным трепетом приподнял тяжелое дверное кольцо, висящее в зубах у омерзительной горгульи, и дважды постучал.

За дверью послышался небольшой переполох, сопровождавшийся чередой торопливых бытовых аккордов, которые в менее экстравагантном жилище могли бы знаменовать, скажем, сгребание тарелок в раковину и запрятывание грязного белья с глаз подальше.

Наконец дверь медленно и таинственно отворилась.

— Луффе притворифь, фто впефатлен, — приятельски посоветовала горгулья, которой несколько мешало зажатое в зубах кольцо. — Он для этого дела ифпольфует фифтему фефтеренок и тонкий канат. Не филен в отпираюфих заклинаниях, сефефь?

Мор воззрился на ухмыляющуюся металлическую физиономию. «Мой наставник — скелет, умеющий проходить сквозь стены, — сказал он себе. — Кто я такой, чтобы чему-то удивляться?»

— Благодарю, — произнес он вслух.

— Милофти профим. Ноги вытирай о коврик, у обувного фкребка фегодня выходной.

В полумраке просторного холла с низким потолком витал стойкий запах благовоний с тонкими нотками отварной капусты и давно не стиранного белья; очевидно, хозяин дома был из тех людей, что проверяют свежесть носков, швыряя их об стену, и надевают те, которые не прилипли. В глаза бросались большой хрустальный шар с трещиной и астролябия с парой недостающих деталей; на полу виднелась полустертая октограмма, а с потолка свисало чучело аллигатора. Оно, к слову, считается базовым элементом

декора любого мало-мальски приличного магического заведения. Судя по виду, этот конкретный аллигатор был не слишком рад такой чести.

Украшающая дверной проем в дальней стене занавеска из бусин была театральным жестом отброшена в сторону, и из-за нее показалась фигура в мантии с капюшоном.

— Благодетельные созвездия озаряют час нашей встречи! — провозгласила она.

— Какие именно? — поинтересовался Мор.

Воцарилась тревожная тишина.

— Пардон?

— Какие именно созвездия имеются в виду?

— Благодетельные, — неуверенно повторила фигура. И перешла в наступление: — Зачем потревожил ты Огнеуса Кувыркса, Хранителя Восьми Ключей, Пилигрима Подземельных Измерений, Верховного Мага…

— Извините, что перебиваю, — не выдержал Мор, — но вы действительно?..

— Что «действительно»?

— Магистр того самого, Лорд Как-Его-Там Священных Подземелий?

Раздраженный Кувыркс эффектным жестом откинул капюшон. Вопреки ожиданиям, вместо седобородого мистика Мор увидел круглое, до-

вольно упитанное лицо, бело-розовое, как пирог со свининой, с которым, впрочем, у него имелись и другие сходства. Например, как и у большинства пирогов со свининой, у него не было бороды, и, подобно большинству пирогов со свининой, оно казалось вполне добродушным.

— Образно выражаясь, да, — сказал волшебник.

— То есть?

— То есть — нет, — пояснил Кувыркс.

— Но вы сказали…

— Это называется рекламой, — ответил волшебник. — Такой вид магии, который я разрабатываю. Итак, зачем ты, собственно, пожаловал? — Он многозначительно ухмыльнулся. — За приворотным зельем, угадал? За приманкой для юных дев?

— Можно ли проходить сквозь стены? — лихорадочно спросил Мор. Потянувшийся было к непомерно большой бутыли с липкой жидкостью Кувыркс замер.

— С помощью магии?

— М-м, — замялся Мор, — в том-то и дело, что нет.

— Тогда советую выбирать стены потоньше, — ответил Кувыркс. — А еще лучше — воспользуйся

дверью. Вон та — самый подходящий вариант для тех, кто приходит отнимать у меня время.

Поколебавшись, Мор выложил на стол кисет с золотыми монетами. Волшебник взглянул на него, тихо замычал и потянулся к деньгам. Но Мор быстро перехватил его запястье.

— Мне уже доводилось проходить сквозь стены, — медленно и подчеркнуто произнес он.

— Конечно, а как же иначе, конечно, — забормотал Кувыркс, не отрывая глаз от мешочка. Вытащив пробку из бутыли с синей жидкостью, он рассеянно сделал изрядный глоток.

— Только до того, как я это сделал, я не знал, что могу, а когда делал — не знал, что делаю, а теперь не могу вспомнить, как я это сделал. А мне нужно сделать это снова.

— А зачем?

— Да затем, — отвечал Мор, — что с этим навыком передо мной будут открыты все двери.

— Очень глубокая мысль, — заключил Кувыркс. — Философская. И как же зовут юную деву по ту сторону стены?

— Ее… — Мор сглотнул. — Ее имени я не знаю. Это если за стеной вообще есть дева, — высокомерно добавил он, — а я этого не утверждаю.

— Ладно, — сказал Кувыркс. Сделал еще глоток

и передернулся. — Хорошо. Как проходить сквозь стены. Мне придется провести кое-какие исследования. Но это может обойтись недешево.

Мор неспешным движением поднял кисет и вытащил из него один золотой.

— Небольшой аванс. — С этими словами он положил монету на стол.

Кувыркс боязливо взял золотой, как будто тот грозил взорваться или раствориться в воздухе, и внимательно его оглядел.

— Никогда таких монет не встречал, — обвиняюще сказал он. — Что за витиеватые письмена?

— Но ведь это чистое золото, правда? — спросил Мор. — Впрочем, не хочешь брать…

— Конечно, конечно, чистое золото, — зачастил Кувыркс. — Самое что ни на есть чистое. Просто любопытствую насчет его происхождения, только и всего.

— Ты все равно не поверишь, — сказал Мор. — В котором часу здесь закат?

— Обычно нам удается втиснуть его между днем и ночью, — ответил Кувыркс, все еще разглядывая монету и отхлебывая из бутыли. — Уже вот-вот.

Мор выглянул в окно. Снаружи смеркалось.

— Я еще вернусь, — пробормотал он и бросился

к выходу. Волшебник что-то крикнул ему вслед, но Мор, не слушая, припустил по улице.

На него накатывала паника. Смерть ждет его в сорока милях отсюда. Будет скандал. Будет жуткая…

— А, ЭТО ТЫ, ЮНОША.

Из-под факела, освещавшего прилавок, где торговали заливным угрем, показалась знакомая фигура с тарелкой улиток в руке.

—

УКСУСНЫЙ СОУС ТУТ ОСОБЕННО ПИКАНТНЫЙ. УГОЩАЙСЯ, У МЕНЯ ЕСТЬ ЛИШНЯЯ ШПАЖКА.

Конечно, то, что он находился в сорока милях отсюда, не означало, что его не может быть и здесь…

Тем временем Кувыркс, оставшись в своих запущенных покоях, продолжал вертеть между пальцами золотую монетку, бубнить себе под нос слово «стены» и осушать бутыль.

Волшебник опомнился, только допив последнюю каплю, после чего взгляд его, блуждавший в розовом тумане, кое-как сфокусировался на этикетке, которая сообщала: «Живительна Овцевтирка и Приваротное Зелие матушки Ветровоск. По единой чайной ложке перед сном и не боле».

* * *

— Сам по себе? — переспросил Мор.

— КОНЕЧНО. Я ТЕБЕ ПОЛНОСТЬЮ ДОВЕРЯЮ.

— Вот это да!

После такого предложения все другие мысли Мора отошли на второй план, но самым поразительным было то, что оно его не напугало. За последнюю плюс-минус неделю он повидал немало смертей, и оказалось, что в них нет ничего страшного, когда знаешь, что у тебя будет возможность поболтать с умершим. Большинство покойных воспринимало случившееся с облегчением, кто-то закатывал скандал, но при этом каждому было приятно услышать пару добрых напутствий.

— КАК ПО-ТВОЕМУ, СПРАВИШЬСЯ?

— Ну, как сказать, сэр. Да. Наверное.

— ТАК ДЕРЖАТЬ. БИНКИ ЗА УГЛОМ, У КОРМУШКИ. КОГДА ЗАКОНЧИШЬ, ПОЕЗЖАЙТЕ С НИМ ДОМОЙ.

— А вы здесь останетесь, сэр?

Взгляд Смерти скользнул по улице. В глазницах вспыхнули огоньки.

— Я РЕШИЛ НЕМНОГО ПРОГУЛЯТЬСЯ, — загадочно ответил он. — КАК-ТО Я СЕБЯ

СТРАННО ЧУВСТВУЮ. СВЕЖИЙ ВОЗДУХ МНЕ НЕ ПОВРЕДИТ. — Как будто вспомнив нечто важное, он пошарил в таинственных недрах балахона и вытащил три жизнеизмерителя. — НИКАКИХ ПРОБЛЕМ У ТЕБЯ ВОЗНИКНУТЬ НЕ ДОЛЖНО, — сказал он. — УДАЧНОЙ РАБОТЫ.

И Смерть отправился вдоль по улице, мурлыча себе под нос.

— Хм. Спасибо, — пробормотал Мор. Он изучил жизнеизмерители в свете факела и заметил, что в одном из сосудов остались считаные песчинки.

— Значит, я теперь главный? — крикнул он, но Смерть уже скрылся за углом.

Бинки, узнав Мора, тихонько заржал в знак приветствия. Мор подошел к нему, чувствуя, как от страха и свалившейся на него ответственности колотится сердце. Руки жили своей жизнью: достали из ножен косу, выровняли и зафиксировали лезвие (которое источало в ночи голубовато-стальное сияние, нарезая звездный свет, как салями). Мор вскарабкивался на коня осторожно, морщась от саднящей боли в натертых седлом местах, но оказавшись на спине у Бинки, будто почувствовал под собой мягкую подушку. Опьяненный делегированными полномочиями, Мор вытащил из седельной сумки

дорожный балахон Смерти и застегнул его на себе серебряной пряжкой.

Еще раз сверившись с первыми на очереди песочными часами, Мор дал Бинки шенкеля. Жеребец, втянув ноздрями прохладный воздух, пустился рысью.

Стоило им отъехать, как из дверей своего обиталища выскочил Кувыркс и помчался по морозной улице — только мантия трепыхалась за спиной.

Бинки перешел на легкий галоп, увеличивая расстояние между копытами и мостовой. Взмахнув хвостом, он поднялся над крышами домов и взмыл в холодное небо.

Но Кувырксу не было до этого никакого дела. У него хватало своих забот. Он с головой занырнул в затянутую ледяной коркой лошадиную поилку и благодарно перевернулся на спину среди качающихся льдинок. Вскоре от воды поднялся столб пара.

Ради чистого удовольствия от скорости полета Мор не поднимался высоко. Внизу с немым ревом мелькали спящие деревни. Бинки бежал легко, мощная мускулатура скользила под кожей, как аллигатор по песчаной отмели, а грива хлестала Мора по лицу. Коса стремительным движением разрезала ночную гладь на две закрученные спи-

ралью половинки.

Озаряемые светом луны, жеребец со всадником неслись бесшумной тенью, доступные только взорам кошек и тех, кто балуется такими вещами, о которых простые смертные и знать не должны.

Впоследствии Мор не мог вспомнить этого точно, но, скорее всего, он смеялся во все горло.

В скором времени заиндевевшие равнины уступили место угловатому, изломанному рельефу предгорной полосы, а затем и весь массив Овцепикской гряды маршем двинулся по миру им навстречу. Бинки, вытянув вперед шею и ускорив бег, взял курс на перевал меж двух остроконечных вершин, смахивающих в серебристом свете на острые зубы гоблина. Где-то завывал волк.

Мор еще раз осмотрел песочные часы. Их корпус украшала резьба в виде дубовых листьев и корней мандрагоры, а песок внутри даже в свете луны был бледно-золотым. Мор поворачивал сосуд так и этак, пока наконец не различил тончайшую гравировку с именем: «Аммелина Хэмстринг».

Бинки замедлил галоп. Мор окинул взглядом полог леса, припорошенный то ли ранним, то ли очень, очень запоздалым снегом; в этих местах могло быть и так и этак, ведь Овцепики умели

накапливать погоду, а потом выдавать ее порциями, без привязки к реальному времени года.

Внизу показалась прогалина. Продолжая замедляться, Бинки развернулся и спикировал к занесенной снегом поляне. Она была идеально круглой, а точно в центре ее стоял крошечный домик. Если бы не снежный покров, Мор заметил бы, что земля здесь не утыкана пеньками; деревьям настоятельно рекомендовалось не произрастать внутри круга, не знавшего вырубки. А может, деревья просто предпочли убраться куда подальше.

Из окошка на снег лился свечной свет, образуя бледно-оранжевую лужицу.

Бинки плавно приземлился и рысцой пробежал по насту, не ломая его. Следов он, разумеется, не оставлял.

Спешившись, Мор направился к двери, бормоча себе под нос и делая пробные взмахи косой.

Крыша у домика была с широкими свесами — с таких легко сходит снег, а еще они прикрывают поленницу. Ни одному жителю овцепикских высокогорий и в голову не придет зимовать, не обложив свое жилище дровами с трех сторон. Но здесь поленницы не было, хотя до весны оставалось еще немало времени.

Зато у входной двери висел тюк сена. А на нем — бумажка, на которой дрожащая рука большими буквами вывела:

«ДЛЯ ЖЕРЕПЧЕКА»

Эти каракули могли бы не на шутку встревожить Мора, если бы он им позволил. Его здесь явно ждали. Впрочем, опыт последних дней подсказывал: чем позволять волне неуверенности утопить себя, лучше оседлать ее гребень. Во всяком случае, Бинки, не страдая моральными дилеммами, сразу приступил к ужину.

Оставался один вопрос: стучать или нет. Почему-то это казалось неуместным. А что, если ему не ответят или дадут от ворот поворот?

Поэтому Мор просто отодвинул щеколду и толкнул дверь. Она отворилась легко и без скрипа.

За дверью его встретила кухонька с низким потолком; балки могли бы снести Мору полчерепа. В пламени одинокой свечи поблескивала утварь, расставленная на длинном комоде, и лучились дочиста отмытые каменные плиты пола. Огонь в глубоко утопленном очаге света почти не добавлял, потому что там, в куче белого пепла, лежала одинокая головешка. Мор без подсказок догадался, что это дотлевает последнее поленце.

Сидевшая за кухонным столом старуха яростно

что-то писала, чуть не упираясь в листок своим крючковатым носом. Заметив Мора, серый кот, свернувшийся клубочком на столе возле хозяйки, равнодушно моргнул.

Коса задела балку. Старуха подняла голову.

— Уже заканчиваю, — сообщила она, переводя хмурый взгляд обратно на бумагу. — Еще не дописала о здравом уме и твердой памяти, да только это пустое: никто не помирает в здравом уме и твердой памяти. Выпить хочешь?

— Прошу прощения? — переспросил Мор.

Но тут же спохватился и поправился:

— ПРОШУ ПРОЩЕНИЯ?

— Если употребляешь, конечно. У меня есть малиновый портвейн. На комоде. При желании можешь хоть всю бутылку прикончить.

Мор подозрительно оглядел комод. Кажется, ситуация вышла из-под его контроля. Он вытащил песочные часы и сердито уставился на них. Песка оставалось всего ничего.

— У нас еще есть минутка-другая, — пробормотала ведьма, не поднимая глаз.

— Откуда… то есть… ОТКУДА ТЫ ЗНАЕШЬ?

Не удостоив его ответом, она подсушила свежие чернила над пламенем свечи, запечатала письмо капелькой воска и прижала подсвечником. Затем

взяла на руки кота.

— Завтра придет матушка Бидль, приберется здесь, а потом ты пойдешь с ней, понятно? И проследи, чтобы она отдала умывальный столик из розового мрамора тетушке Натли — та уж давно на него глаз положила.

Кот понимающе зевнул.

— У меня… то есть… У МЕНЯ НЕТ ВРЕМЕНИ ВСЮ НОЧЬ ТУТ ПРОХЛАЖДАТЬСЯ, — укоризненно сказал Мор.

— Все у тебя есть, это у меня нету, и не надо тут кричать, — проворчала ведьма. Она соскользнула со своего насеста, и лишь тогда Мор заметил, что спина у нее сгорбленная, как дуга лука. Ведьма не без труда дотянулась до висевшей на гвозде остроконечной шляпы, прикрепила ее к своим седым волосам целой армадой шляпных булавок, а затем взяла две клюки.

С их помощью она поковыляла через кухню в сторону Мора и подняла на него маленькие и блестящие, как ягоды черной смородины, глазки.

— А шаль-то мне понадобится? Захватить шаль, как мыслишь, а? Да нет, это, наверно, лишнее. Куда я путь держу, там, поди, всегда теплынь.

Разглядев Мора вблизи, старуха нахмурилась.

— А ты намного моложе, чем я представля-

ла, — сказала она. Мор промолчал. Тогда тетушка Хэмстринг негромко добавила: — Сдается мне, ты не тот, кого я поджидала.

Мор откашлялся.

— А кого же ты тогда поджидала? — спросил он.

— Смерть, — попросту ответила ведьма. — Это, видишь ли, часть соглашения. Я знаю дату своей кончины заранее, и мне гарантируется… личное внимание.

— Так ведь я — это оно и есть.

— Оно?

— Личное внимание. Он меня послал. Я на него работаю. Больше меня никто в ученики не брал… — Мор умолк. Все пошло не так. Теперь он будет с позором отправлен домой. Первое самостоятельное задание — и сразу провал. В ушах уже звенело от смеха соседей.

Вопль родился в глубинах его стыда и вырвался наружу ревом береговой сирены:

— Просто это мое первое серьезное поручение — и все пошло наперекосяк!

Коса с лязгом упала на пол, отхватила кусок от ножки стола и рассекла надвое каменную плиту.

Склонив голову набок, ведьма некоторое время наблюдала за гостем. А потом сказала:

— Понятно. Как тебя звать, молодой человек?

— Мор, — шмыгнул носом Мор. — Это сокращение от Мортимера.

— А скажи-ка, Мор, захватил ли ты с собой песочные часы?

Мор невыразительно кивнул. Потянулся к поясу и снял с него жизнеизмеритель. Ведьма осмотрела его цепким взглядом.

— Еще около минуты осталось, — сказала она. — Не будем терять времени. Подожди только, я дом запру.

— Ты не понимаешь, — взвыл Мор. — Я того и гляди все испорчу! Я этого никогда раньше не делал!

Она похлопала его по руке.

— Я тоже. Будем учиться вместе. А теперь подыми косу и прекрати это ребячество — вот молодец.

Невзирая на его протесты, ведьма выгнала Мора на снег, вышла следом, плотно притворила дверь, заперла ее массивным железным ключом, а потом повесила его на гвоздь у притолоки.

Мороз еще крепче вцепился в лесную чащу и усиливал хватку, пока у деревьев не затрещали корни. Луна садилась, но небо было полно холодных белых звезд, из-за которых зима казалась

еще суровей. Тетушка Хэмстринг поежилась.

— Вон там лежит старое бревно, — как ни в чем не бывало сообщила она. — Оттуда вся долина — как на ладони. Летом, конечно. Хочу присесть на дорожку.

Мор помог ей пробраться через сугробы и, как сумел, обмахнул бревно. Они присели рядом, поставив между собой жизнеизмеритель. Можно было лишь гадать, какие красоты открывались отсюда летом, но сейчас перед глазами простирались только черные скалы на фоне неба, с которого сыпалась снежная крупка.

— Поверить не могу, — сказал Мор. — Тебя послушать — так ты хочешь умереть.

— Кое-каких мелочей будет не хватать, — призналась ведьма. — Но она ведь изнашивается. Жизнь то бишь. Коли собственное тело начинает тебя подводить, значит, настал срок двигаться дальше. Пора мне попробовать что-нибудь новенькое. Он тебе говорил, что все, кто владеет магией, могут его видеть?

— Нет, — погрешил против истины Мор.

— Так вот, мы можем.

— Он не особенно любит волшебников и ведьм, — сообщил Мор.

— Умников никто не любит, — с оттенком удо-

влетворения отметила ведьма. — Видишь ли, от нас ему одно беспокойство. А от жрецов никакого беспокойства нет — вот их он любит.

— Вот этого он мне не говорил, — сказал Мор.

— Ну-ну. Жрецы вечно людям твердят, насколько лучше им будет, когда они помрут. А *мы* им говорим: можно и здесь жить не тужить, если только у тебя голова варит.

Мор колебался. На языке вертелось: ты не права, он совсем не такой, ему все равно, добрый ты человек или злой, лишь бы не опаздывал. И кошек не обижал, мысленно добавил он.

Но он этого не сказал. Ему пришло в голову, что всем нужно во что-нибудь верить.

И снова послышался волчий вой, да так близко, что Мор стал беспокойно озираться. Первому волку через всю долину ответил второй. Из лесной чащи откликнулось еще несколько их сородичей. Никогда еще Мор не слышал более скорбных звуков.

Он покосился на неподвижную фигуру тетушки Хэмстринг, а потом, в нарастающей панике, — на песочные часы. Вскочив с бревна, он двумя руками схватил косу и с размаху описал лезвием круг.

Ведьма поднялась с бревна, оставив позади

свою телесную оболочку.

— Молодчина, — похвалила она. — Мне даже сначала показалось, что ты промахнулся.

Тяжело дыша, Мор прислонился к дереву и смотрел, как ведьма обходит бревно, чтобы поглядеть на себя.

— Хмм, — критически протянула она. — Время наворотило дел — оно еще ответит.

Ведьма подняла руку и рассмеялась, разглядев сквозь нее звезды.

А потом она изменилась. Мор уже бывал свидетелем тому, что случается, когда душа осознает, что больше не скована морфогенетическим полем тела, но никогда не видел, чтобы этот процесс так тщательно контролировался. Сначала волосы, стянутые в тугой пучок, рассыпались по плечам, на глазах отрастая и меняя цвет. Спина выпрямилась. Морщины разгладились, а потом исчезли вовсе. Серое шерстяное платье заволновалось, как поверхность морских вод, и в конце концов обрисовало совсем другие, волнующие, контуры.

Ведьма оглядела себя и со смешком превратила платье во что-то лиственно-зеленое и облегающее.

— Что скажешь, Мор? — спросила она. Прежде

голос ее был надтреснутым и дрожащим. Теперь же он отдавал мускусом, кленовым сиропом и прочими вещами, от которых кадык Мора задергался, словно каучуковый мячик на резиночке.

— … — ответил он и сдавил косу так, что побледнели костяшки.

Она скользнула к нему, как змейка в полноприводном дрифте.

— Не слышу, — промурлыкала ведьма.

— О… о… очень красиво, — выдавил Мор. — Это такой ты была раньше?

— Такой я была всегда.

— Ох… — Мор потупился. — Я должен тебя отсюда увезти, — выдавил он.

— Знаю, — сказала она, — но я намерена остаться.

— Тебе нельзя здесь оставаться! То есть… — он с трудом подбирал слова, — …понимаешь, если ты останешься, то начнешь как бы рассеиваться, истончаться, пока не…

— Мне это понравится, — твердо заявила ведьма. Она склонилась вперед и подарила ему поцелуй, легкий, как вздох мушки-поденки, постепенно растворяясь — подобно Чеширскому Коту, только более эротично, — так что вскоре, кроме поцелуя, не осталось ничего.

— Будь осторожен, Мор, — сказал ее голос у него в голове. — Может, ты и хочешь держаться своего ремесла — но сможешь ли ты его отпустить?

Мор застыл с идиотским видом, держась за щеку. Деревья вокруг прогалины задрожали, легкий ветерок принес звук смеха, а потом опять сомкнулась ледяная тишина.

Сквозь розовую дымку в голове к нему взывал долг. Мор выхватил вторые песочные часы и пригляделся. Песок был на исходе.

На стекле виднелась гравировка: лепестки лотоса. Когда Мор щелкнул пальцем по колбе, та отозвалась звуком «ом-м-м».

По хрустящему снегу он подбежал к Бинки и вскочил в седло. Конь вскинул голову, поднялся на дыбы и взмыл к звездам.

* * *

С крыши мира неслышно струились величественные потоки сине-зеленого пламени. Переливы октаринового зарева — мощные выбросы магии из поля стоячих волн Диска — исполняли над Плоским миром медленный, царственный танец Авроры Кориолис, а потом уходили в недра зеленых ледников Пупа.

Срединный пик Кори Челести, обитель богов,

представлял собой вздымающийся на десять миль в небеса звездно-холодный огненный столб.

Немногим доводилось его лицезреть, и Мор в их число не вошел, поскольку летел, пригнувшись и крепко обхватив Бинки за шею; конские копыта грохотали по ночному небу, а позади, как хвост кометы, тянулись клубы пара.

Вокруг пика Кори теснились другие горы. В сравнении с ним это были сущие термитные кочки, даже притом что в действительности у каждой имелись собственные грандиозные перевалы и седловины, отвесные утесы и скалистые выступы, крутые склоны и ледники — на зависть любому горному массиву.

Меж самых высоких гор, в воронке долины, находился монастырь Слушателей.

Это был один из древнейших культов Плоского мира, но даже боги не могли сойтись во мнениях относительно того, можно ли считать Слушание полноценной религией; местный храм, который запросто смела бы с лица земли пара хорошо нацеленных лавин, уцелел по одной-единственной причине: даже богам было любопытно, что все-таки могут Услышать Слушатели. Если богов что-то по-настоящему и раздражает, так это неведение.

Чтобы добраться до храма, Мору потребуется несколько минут. Их вполне можно было бы обозначить протяженным отточием, но читатель, вероятно, успел заметить в дальнем конце долины причудливый исполинский храм (витой, белый — ни дать ни взять гигантский аммонит) и ждет объясний.

Все дело в том, что Слушатели пытаются выяснить, что именно сказал Творец непосредственно после создания Вселенной.

Теория их несложна.

Ничто из созданного Творцом не может — это очевидно — сгинуть бесследно, а значит, отголоски самых первых слогов обязательно где-то сохраняются, отражаются и отскакивают рикошетом от вселенской материи, но при этом остаются доступными восприятию особо чуткого слушателя.

В незапамятные времена Слушатели нашли уникальную долину, которую лед и случай сформировали как точную акустическую противоположность долин эха, и воздвигли здесь свой многокамерный храм — аккурат в той точке, какую всегда занимает единственное удобное кресло в доме одержимого фаната стереосистем. Установленные в храме сложные звукоуловите-

ли захватывали и усиливали звук, попадающий в воронку этой холодной долины, а потом направляли его в глубь центральной камеры храма, где в любое время дня и ночи сидели трое монахов.

И Слушали.

Задача их несколько осложнялась тем, что слышали они не только слабые отголоски первых слов мироздания, но и каждый звук Плоского мира. Дабы распознать Слова, им приходилось учиться распознавать и все прочие шумы. Для этого требовался определенный дар, и неофита допускали к обучению только в том случае, если он мог исключительно на слух с расстояния в тысячу ярдов определить, какой стороной упала монета. А в орден его не допускали до тех пор, пока он не мог сказать, какого она была цвета.

И хотя Святые Слушатели обосновались в безлюдном краю, паломники толпами пускались в далекий и опасный путь через промерзшие владения злобных троллей, переходили вброд ледяные стремнины, штурмовали неприступные горы, влачились сквозь суровую тундру — и все для того, чтобы только пройти по узкой лестнице, которая вела в потаенную долину, и с чистым сердцем приобщиться к тайнам бытия.

А монахи, завидя их, кричали: «Да тише вы,

чтоб вам!»

Бинки светлым пятном пронесся среди горных вершин и приземлился в снежной пустоте монастырского двора, призрачного в свете небесных стробоскопов. Соскочив с седла, Мор бросился по безмолвным галереям в ту келью, где в окружении преданной братии лежал на смертном одре восемьдесят восьмой настоятель.

Шаги Мора стучали по причудливой мозаике пола. Сами монахи носили шерстяные бахилы.

У кровати он немного помедлил, опираясь на косу, чтобы перевести дыхание.

Настоятель — маленький и совершенно лысый человечек, морщин на котором было больше, чем в целом мешке чернослива, — открыл глаза.

— Ты опаздываешь, — прошептал он и умер.

Задержав дыхание, Мор сглотнул и сделал плавный дугообразный взмах косой. Как бы то ни было, удар оказался достаточно точен; настоятель сел, оставив за спиной свое бренное тело.

— Едва-едва успел, — сказал он, но услышал его только Мор. — Я уж было забеспокоился.

— Все хорошо? — осведомился Мор. — А то мне надо торопиться…

Бодро поднявшись со смертного одра, настоятель приблизился к Мору сквозь ряды осиротев-

шей братии.

— Не спеши, — попросил он. — Я всегда с нетерпением жду этих разговоров. А что случилось со всегдашним работником?

— Всегдашним? — не понял Мор.

— Высокий такой. В черном балахоне. Живет, как видно, впроголодь, — пояснил настоятель.

– *Всегдашний* работник? Вы имеете в виду *Смерть?* — уточнил Мор.

— Ага, именно его, — жизнерадостно ответил настоятель. У Мора отвисла челюсть.

— А вы, значит, часто умираете? — выдавил он.

— Частенько. Частенько. Конечно, — поделился настоятель, — тут главное — приноровиться, а дальше — дело техники.

— В самом деле?

— Ладно, пора нам в путь, — сказал настоятель. Мор захлопнул рот.

— Я как раз об этом и говорил, — напомнил он.

— Не откажи в любезности высадить меня в долине, — благодушно попросил маленький монах. Потом скользнул мимо Мора и устремился во двор. Мор какое-то время тупо глазел на пол, а затем бросился следом, понимая, что выглядит нелепо и непрофессионально.

— Подождите-ка… — начал он.

— Помнится мне, у того был жеребец по кличке Бинки, — светским тоном промолвил настоятель. — А ты, стало быть, выкупил у него один выезд?

— Выезд? — вконец растерялся Мор.

— Ну или как это у вас называется. Уж прости, парень, — сказал настоятель, — но я не знаю, как такие вещи организуются.

— Мор, — отрешенно поправил Мор. — И мне кажется, что вы должны уехать со мной, сэр. Если не возражаете. — Он постарался перейти на твердый, непререкаемый тон. Монах повернулся и одарил его любезной улыбкой.

— Хотел бы я это сделать, — проговорил он. — Может, в другой раз. А теперь сделай одолжение, подбрось меня до ближайшей деревни. Полагаю, меня как раз сейчас зачинают.

— Зачинают? Но ведь вы только что умерли! — воскликнул Мор.

— Ну да, но, понимаешь ли, у меня, так сказать, абонемент, — объяснил настоятель.

Хоть и с задержкой, на Мора снизошло озарение.

— А, — вырвалось у него. — Я ведь об этом читал. Реинкарнация, да?

— Именно так. В пятьдесят третий раз. Или даже в пятьдесят четвертый.

Почуяв их приближение, Бинки вскинул голову и коротко заржал при виде старого знакомца, который потрепал его по морде. Мор вскочил в седло и устроил аббата позади себя.

— Это, должно быть, очень интересно, — заговорил он, когда Бинки взмыл над храмом. На абсолютной шкале мастерства светской беседы этой ремарке досталось бы глубоко отрицательное значение, но ничего лучшего Мор не придумал.

— Ничего интересного, — возразил настоятель. — Ты так считаешь, потому что тебе кажется, будто я помню все свои жизни, но такое, конечно, невозможно. По крайней мере, пока я жив.

— Это мне в голову не пришло, — сознался Мор.

— Только вообрази: пятьдесят раз заново приучаться к горшку!

— Да уж, было бы что вспоминать, — сказал Мор.

— Вот-вот. Довелось бы мне начать все сначала — нипочем не согласился бы на реинкарнацию. А то ведь только начинаешь соображать что к

чему, монахи спускаются из храма в долину, чтобы отыскать мальчика, зачатого в час смерти старого настоятеля. Никакого воображения. Остановись-ка ненадолго, сделай милость.

Мор посмотрел вниз.

— Но мы же в воздухе, — неуверенно сказал он.

— Я тебя надолго не задержу. — Настоятель соскользнул с крупа Бинки, сделал несколько шагов по воздуху и заорал.

Казалось, этот вопль никогда не стихнет. Но в конце концов настоятель снова забрался на коня.

— Ты даже не представляешь, как долго я этого ждал, — сказал он.

В нескольких милях от храма, на дне долины, располагалась деревня, жившая тем, что обслуживала храм. С воздуха она походила на беспорядочную россыпь хижин — маленьких, но зато с надежной звукоизоляцией.

— Можешь высадить меня где угодно, — сказал настоятель.

Мор оставил его стоять в паре футов над заснеженной землей, там, где хижины особенно тесно жались друг к дружке.

— Желаю, чтобы следующая жизнь оказалась

лучше предыдущей, — напоследок сказал он настоятелю. Тот пожал плечами.

— Хорошо бы, — отозвался он. — Ну, мне хотя бы положен девятимесячный отпуск. Поглядеть особенно не на что, зато тепло.

— Что ж, прощайте, — сказал Мор. — Мне надо спешить.

— Оревуар, — с тоской ответил аббат и отвернулся.

На поверхности Диска все еще играло мерцающими бликами центральное сияние. Мор вздохнул и потянулся за третьими песочными часами.

Корпус у них был серебряный, украшенный маленькими коронами. Песчинок внутри оставалось всего ничего.

Подумав, что ночь уже подложила ему всех имевшихся у нее свиней и хуже стать попросту не может, Мор осторожно повернул жизнеизмеритель, чтобы разобрать имя…

* * *

Принцесса Кели проснулась.

До ее слуха донесся какой-то шум — такой, словно незваный гость не производил никакого шума. Куда там перинам и горошинам — элемен-

тарный естественный отбор веками обеспечивал выживание тех династий, которые учили своих отпрысков распознавать присутствие коварного ночного убийцы по шорохам, которых тот не допускал, ибо в кругах, близких ко двору, всегда находились охотники пырнуть ножом законного наследника престола.

Она лежала без движения и думала, как быть дальше.

Под подушкой у нее скрывался кинжал. С большой осторожностью принцесса заскользила рукой вверх по простыне, из-под ресниц оглядывая спальню в поисках незнакомых теней. Она прекрасно понимала: стоит только показать, что не спишь, — и ты уснешь навсегда.

Сквозь большое окно в дальнем конце спальни проникал свет, однако латы, шпалеры и прочие предметы убранства, загромождавшие комнату, могли укрыть за собой целую армию.

Кинжал провалился за изголовье. Впрочем, Кели все равно не сумела бы воспользоваться им как следует.

Кричать, призывая стражу, решила она, не имеет смысла. Если кто-то сумел проникнуть в спальню, значит, он одолел стражников или, по крайней мере, оглушил их огромной суммой

денег.

На каменных плитах пола, придвинутый к камину, стоял поддон с углями для обогрева комнаты. Может, из него получится оружие?

Послышался слабый металлический звон.

А может, закричать — не такая уж и плохая идея…

Окно разлетелось вдребезги. На какой-то миг в обрамлении сине-лилового пламени мелькнула фигура в капюшоне, припавшая к холке самого большого коня, какого Кели доводилось видеть.

Но и рядом с кроватью *определенно* кто-то стоял, замахиваясь ножом.

Время будто замедлилось, и Кели зачарованно смотрела, как поднимается рука и как конь со скоростью ледника галопом несется через спальню. Вот нож оказался прямо над ней и начал опускаться; в то же мгновение конь поднялся на дыбы, а всадник, привстав в седле, замахнулся каким-то оружием, чье лезвие вспороло недвижный воздух с таким звуком, какой извлекает палец из кромки мокрого бокала…

Свет погас. Раздался мягкий стук падения, затем металлический лязг.

Кели набрала полные легкие воздуха.

Чья-то рука на мгновение зажала ей рот, и

взволнованный голос произнес:

— Если закричишь, я об этом пожалею. Ладно? Я и так по уши влип.

Всякий, кто способен вложить в свой голос столько ошеломленной мольбы, либо предельно искренен, либо настолько искушен в лицедействе, что не нуждается в подработке наемным убийцей.

— Кто ты? — спросила принцесса.

— Не знаю, можно ли мне рассказывать, — ответил голос. — Ты ведь все еще жива, да?

Она вовремя прикусила язык, чтобы с него не слетел саркастический ответ. Что-то в тоне, которым был задан этот вопрос, встревожило ее.

— А ты не видишь? — спросила она.

— Все не так просто…

Наступила пауза. Принцесса напряженно вглядывалась в темноту, пытаясь наделить голос лицом.

— Может статься, я тебе сильно навредил, — добавил голос.

— Но ты только что спас мне жизнь, разве не так?

— Уж не знаю, что я спас. Здесь есть какое-нибудь освещение?

— Служанка иногда оставляет спички на ка-

минной полке, — сказала Кели. Она ощутила, как стоявший рядом с ней человек отошел в сторону. Послышались неуверенные шаги, пара глухих ударов и, наконец, лязг, хотя слова «лязг» и недостаточно для описания наполнившей спальню чудовищной какофонии рушащегося металла. За ней даже последовало короткое позвякивание, которое традиционно раздается, стоит тебе подумать, что все закончилось.

Голос невнятно проговорил:

— Меня завалило доспехами. Я иду в правильном направлении?

Бесшумно соскользнув с кровати, Кели на ощупь добралась до камина, в бледном отсвете затухающего огня отыскала связку спичек, чиркнула одной, породив облачко серного дыма, зажгла свечу, нашла бесформенную груду доспехов, извлекла из ножен меч — и чуть не проглотила язык.

Кто-то горячо и влажно задышал ей в ухо.

— Это Бинки, — объяснила груда доспехов. — Так он проявляет дружеское расположение. Если у тебя найдется клочок сена, он с удовольствием его съест.

С истинно королевской невозмутимостью Кели ответила:

— Это четвертый этаж. Спальня дамы. Ты не поверишь, скольких лошадей мы здесь не держим.

— О. А ты можешь помочь мне выбраться?

Положив меч, она оттащила в сторону нагрудник. На нее уставилось худое бледное лицо.

— Для начала советую объяснить, почему я не должна прямо сейчас позвать стражу, — начала Кели. — За одно лишь проникновение в мою спальню тебя могут запытать до смерти.

Она испепелила его взглядом.

В конце концов он выдавил:

— Э-э… можно тебя попросить высвободить мне руку? Вот спасибо… Во-первых, стража, скорее всего, меня не увидит; во-вторых, так ты никогда не узнаешь, зачем я сюда явился, хотя по глазам вижу, что сгораешь от любопытства, и в-третьих…

— Ну, что же в-третьих?

Мор открыл рот — и тут же закрыл. Ему хотелось сказать: в-третьих, ты так прекрасна, или, по крайней мере, очень привлекательна, или, во всяком случае, точно привлекательнее всех девушек, каких я встречал в своей жизни, хотя, вынужден признаться, встречал я их немного. Из этого со всей очевидностью следует, что врожденная честность никогда не позволила бы Мору стать

поэтом; доведись ему сравнить черты девушки с летним днем, за этим неизбежно последовало бы подробное разъяснение, какой именно день имелся в виду и не был ли он случайно дождливым. В сложившихся обстоятельствах то, что он лишился дара речи, было только к лучшему.

Кели подняла свечу и осмотрела окно.

Оно было целым. Каменные рамы не треснули. Ни одна деталь витража с изображением герба Сто Лата не пострадала. Принцесса оглянулась на Мора.

— Оставим «в-третьих», — сказала она. — Что там было «во-вторых»?

Через час до города добралась заря. Дневной свет на Диске не столько мчится, сколько течет, так как его тормозит статичное магическое поле; вот и сейчас он заливал равнины на манер золотистого моря. Только что город на скале возвышался над округой, как песчаный замок на пути прилива, а в следующий миг день захлестнул его и пополз себе дальше.

Мор и Кели бок о бок сидели на кровати. Между ними лежал жизнеизмеритель. В верхней колбе не осталось ни песчинки.

Из-за двери доносился шум просыпающегося замка.

— И все-таки я не понимаю, — сказала принцесса. — Это значит, что я умерла, или нет?

— Это значит, что ты должна была умереть, — объяснил Мор, — как предопределено судьбой или чем-то там еще. Я пока не углублялся в теорию.

— И убить меня должен был ты?

— Нет! Убить тебя должен был наемник. Я уже пытался это объяснить.

— А зачем ты ему помешал?

Мор взглянул на нее с ужасом.

— Ты что, *хотела* умереть?

— Естественно, нет. Но, похоже, в таких вопросах людские желания ничего не значат, я права? Я просто стараюсь мыслить трезво.

Мор уткнулся взглядом в колени. Потом встал.

— Наверное, мне лучше уйти, — холодно изрек он.

Сложив косу, Мор вернул ее в притороченные к седлу ножны. Потом посмотрел на окно.

— Ты через него вошел, — подсказала Кели. — Слушай, когда я говорила…

— Оно открывается?

— Нет. Дальше по коридору есть балкон. Но там тебя увидят!

Мор пропустил это мимо ушей и, распахнув

дверь, вывел Бинки в коридор. Кели бросилась следом. Попавшаяся им служанка замерла, потом сделала реверанс и слегка нахмурилась: мозг ее проявил мудрость и перечеркнул образ очень крупного коня, ступающего по ковровой дорожке.

Балкон выходил на один из внутренних дворов. Взглянув через парапет, Мор вскочил в седло.

— Остерегайся герцога, — сказал он. — Это его происки.

— Отец тоже меня предупреждал, — сообщила она. — Я наняла пробовальщика.

— Найми еще и телохранителя, — посоветовал Мор. — Мне пора. Меня ждут важные дела. Прощай, — добавил он таким тоном, какой, по его мнению, выражал оскорбленное достоинство.

— Мы еще увидимся? — спросила Кели. — Мне хочется так много у тебя…

— Если подумать, это не такая уж хорошая идея, — надменно прервал ее Мор. Он щелкнул языком, и Бинки оторвался от плит, перескочил парапет и устремился к голубому утреннему небу.

— Я только хотела сказать спасибо! — прокричала вслед Кели.

Служанка, не сумевшая побороть ощущение,

будто что-то неладно, и последовавшая за принцессой, спросила:

— Хорошо ли вы себя чувствуете, госпожа?

Кели рассеянно посмотрела на нее.

— Что-что? — недовольно переспросила она.

— Я лишь осмелилась спросить… все ли у вас хорошо?

Кели сникла.

— Нет, — бросила она. — Все плохо. В моей спальне лежит мертвый убийца. Сделай одолжение, позаботься, чтобы там прибрали. И, — Кели подняла ладонь, — не вздумай переспрашивать: «Мертвый, госпожа?», «Убийца, госпожа?», или вопить, или причитать. Просто сделай так, чтобы его там больше не было. Без лишнего шума. Кажется, у меня разболелась голова. Так что просто кивни.

Служанка кивнула, кое-как сделала книксен и попятилась с глаз долой.

* * *

Мор сам не понял, как вернулся. Когда Бинки нырнул в промежуток между измерениями, небо просто сделалось из сине-ледяного мрачно-серым. Он не приземлялся на темную почву поместья Смерти, она просто оказалась у него

под копытами, словно авианосец аккуратно подставил палубу реактивному самолету, чтобы пилоту не пришлось мучиться с вертикальной посадкой.

Огромный конь рысцой побежал на конюшню и остановился, помахивая хвостом, у двустворчатой двери. А Мор, соскользнув с седла, бросился к дому.

И остановился, и вернулся к стойлу, и наполнил кормушку сеном, и бросился к дому, и остановился, и что-то буркнул себе под нос, и вернулся к стойлу, и почистил коня, и убедился, что в поилке достаточно воды, и бросился к дому, и вернулся к стойлу, и сорвал с крючка попону, и накрыл ей жеребца, и застегнул пряжку. Бинки с достоинством ткнулся в него носом.

В доме, похоже, все спали; проскользнув через черный ход, Мор пробрался в библиотеку, которая даже в этот ночной час казалась созданной из горячей сухой пыли. Ему чудилось, что на поиски жизнеописания принцессы Кели ушли годы, но в конце концов Мор его обнаружил. До этой удручающе тонкой книжицы ему удалось дотянуться только с шаткой библиотечной стремянки на колесиках, смахивающей на образец раннего осадного сооружения.

Дрожащими пальцами Мор открыл последнюю страницу и застонал.

«Убийство пятнадцатилетней принцессы, — прочел он, — повлекло за собой заключение унии между Сто Латом и Сто Гелитом и, опосредованно, упадок городов-государств центральной равнины и подъем…»

Мор читал дальше, не в силах остановиться. Время от времени он издавал очередной стон.

Наконец он вернул книжку на место, помедлил и задвинул ее за другие биографии. И все равно, спускаясь со стремянки, он чувствовал, как она кричит оттуда о своем изобличающем существовании.

В океанах Плоского мира плавало не так уж много кораблей. Ни одному капитану не нравилось терять из вида береговую линию. Как ни прискорбно, когда стороннему наблюдателю казалось, что корабли скрываются за краем света, они не исчезали за горизонтом, а действительно падали с краев Диска.

Плюс-минус в каждом поколении находились немногочисленные исследователи-энтузиасты, которые не верили в такое положение дел и снаряжали собственные экспедиции, чтобы опровергнуть всякие домыслы. По странному

стечению обстоятельств ни одна экспедиция не вернулась, чтобы поведать о результатах своих исследований.

Поэтому, с точки зрения Мора, нижеследующая аналогия была бы лишена смысла.

Он чувствовал себя так, словно пережил гибель «Титаника» — и тут же был спасен. Пароходом под названием «Лузитания».

Он чувствовал себя так, словно без всякой задней мысли запустил снежок и теперь наблюдал, как спровоцированная им лавина подминает под себя три горнолыжных курорта.

Он чувствовал, как вокруг него расползается в клочья история.

Он чувствовал потребность с кем-нибудь поговорить, и как можно скорее.

Это означало выбор между Альбертом и Изабель, поскольку мысль о необходимости объясняться перед парой крошечных голубых точек совершенно не улыбалась ему после тяжелой ночи. В тех редких случаях, когда Изабель снисходила до взгляда в его сторону, она ясно давала понять, что различие между Мором и дохлой жабой заключается единственно в цвете. Что же касается Альберта…

Ну, задушевным другом тот ему, конечно, не

стал, но определенно был лучшим вариантом при выборе из одного человека.

Мор слез со стремянки и пошел назад мимо книжных стеллажей. Поспать пару часиков тоже было бы неплохо.

И вдруг до него донесся резкий всхлип, поспешный топоток и стук двери. Заглянув за ближайший стеллаж, он не увидел ничего, кроме табурета с парой книг. Подняв одну, Мор взглянул на имя и прочитал несколько страниц. Рядом с книгой лежал кружевной носовой платок — насквозь мокрый.

* * *

Мор встал поздно и тут же поспешил на кухню, ожидая в любой момент услышать глубокий недовольный голос. Но ничего не случилось.

Альберт стоял за каменной раковиной, задумчиво глядя на фритюрницу — не иначе, прикидывал, не пора ли поменять масло или нынешнее еще годик прослужит. Когда Мор украдкой проскользнул за стол, Альберт обернулся.

— Тебе, я так понимаю, изрядно пришлось поработать, — сказал он. — Слышал, ты до первых петухов по миру скакал. Могу пожарить яйцо. Ну, или овсянка есть.

— Яйцо, пожалуйста, — попросил Мор. Он так и не собрался с духом, чтобы отведать Альбертову овсянку, которая жила собственной жизнью в глубинах кастрюли и питалась ложками.

— Хозяин хочет видеть тебя после завтрака, — добавил Альберт, — но говорит, чтобы ты особенно не торопился.

— О. — Мор уставился в стол. — А больше он ничего не сказал?

— Сказал, что свободного вечера у него не выдавалось тысячу лет, — ответил Альберт. — А еще напевал себе под нос. Не нравится мне это. Никогда еще его таким не видел.

— О. — Мор наконец решился: — Альберт, а ты давно здесь работаешь?

Альберт посмотрел на него поверх очков.

— Может, и давно. За внешним временем не уследишь, парень. Я сюда попал сразу после кончины старого короля.

— Какого короля, Альберт?

— Арторолло — так вроде бы его когда-то звали. Приземистый толстячок был. Голос писклявый. Впрочем, я его только раз видел.

— И где же?

— В Анке, где же еще.

— Как? — удивился Мор. — В Анк-Морпорке нет

королей, это всем известно!

— Говорю же: давненько это было, — напомнил Альберт, наливая себе чай из личного заварочного чайника Смерти, а потом с мечтательным видом уселся и прикрыл подернутые пеленой глаза. Мор терпеливо ждал.

— В ту пору короли были — всем королям короли, не то что нынешние. Те были — *монархи*, — продолжил Альберт, осторожно наливая чай в блюдце и чопорно обмахивая его концом шарфа. — Мудрые, справедливые… ну, относительно мудрые. Кому головы рубить — решали сразу, с первого взгляда, — с одобрением добавил он. — А все королевы были статные, бледные, на голове такие штуки носили, вроде платков…

— Покрывала? — уточнил Мор.

— Ага, они самые. А принцессы были прекрасными, как ясный день, и такими благородными, что могли через дюжину перин чувственностью огорошить…

— Что?

Альберт замялся.

— Ну, или что-то в этом роде, — уступил он. — И балы давали, и турниры устраивали, и казни прилюдные. Великое было время. — Он мечтательно заулыбался своим воспоминаниям. — Не то что

теперь, — заключил он, нехотя стряхивая грезы.

— А у тебя фамилия есть, Альберт? — спросил Мор.

Но момент был упущен, и старик не собирался больше откровенничать.

— Ага, знаю я, что ты задумал, — огрызнулся он, — выспросишь Альбертову фамилию — и бегом в библиотеку, да? Вынюхивать, докапываться. Для меня ведь не секрет, что ты допоздна там засиживаешься, зачитываешься жизнями молоденьких девушек…

Не иначе как вестники вины протрубили во взгляде Мора в потускневшие трубы, потому что Альберт захихикал и ткнул его костлявым пальцем.

— Хоть бы по местам расставлял, — упрекнул он, — а то ведь разбросаешь где попало, а старик Альберт — ходи собирай. Да и вообще — неправильно это, за бедняжками-покойницами подглядывать. Как бы тебе не ослепнуть от такого занятия.

— Да я только… — начал Мор, но вспомнил о мокром кружевном платочке у себя в кармане и прикусил язык.

Предоставив невнятно ворчащему Альберту мыть посуду, Мор тайком пробрался в библио-

теку. Из высоких окон падали копья солнечного света, потихоньку обесцвечивая переплеты терпеливых старых томов. Время от времени какая-нибудь пылинка, проплывая сквозь золотистые лучи, вспыхивала, точно крошечная сверхновая.

Мор знал: если прислушаться, то можно услышать что-то похожее на шуршание насекомых — это книги писали сами себя.

Когда-то Мор счел бы эти звуки жуткими. Теперь же они… ободряли. Они доказывали, что мироздание работает без сбоев. Однако совесть, только и искавшая такой возможности, злорадно напомнила, что работает-то оно без сбоев, а вот движется совсем не туда, куда должно бы.

Пробравшись сквозь лабиринт стеллажей туда, где лежала таинственная стопка книг, Мор не обнаружил ее на прежнем месте. Альберт хозяйничал на кухне, а Смерть… За все время Мор ни разу не видел, чтобы тот заходил в библиотеку. Что же в таком случае искала здесь Изабель?

Он взглянул вверх, на отвесный утес книжных полок, подумал о том, что сейчас начинает происходить с миром, и в животе у него похолодело…

Делать нечего. Он должен кому-то рассказать.

* * *

Кели тем временем тоже приходилось несладко.

А все из-за того, что причинность обладает невероятной инерцией. Необдуманный поступок Мора, движимого злостью, отчаянием и зарождающейся любовью, направил ее в иное русло, но она еще этого не заметила. Он наступил на хвост динозавру, но для того, чтобы на другом конце сообразили ойкнуть, требовалось время.

Грубо говоря, мироздание знало, что Кели мертва, а потому немало удивлялось, что она до сих пор ходит и дышит.

Это проявлялось в мелочах. Придворные, которые все утро исподволь косились на Кели, не понимали, почему от одного ее вида им становится не по себе. К собственному изрядному смущению и к ее возмущению, они ловили себя на том, что игнорируют ее или разговаривают шепотом.

Гофмейстер обнаружил, что отдал приказ приспустить королевские флаги, и никак не мог объяснить, зачем это сделал. А после того как он ни с того ни с сего оформил заказ на тысячу ярдов черного крепа, его бережно уложили в постель

по причине легкого нервного расстройства.

Тревожное ощущение нереальности происходящего вскоре распространилось по всему замку. Старший кучер приказал вывести из каретного сарая и начистить до блеска церемониальный катафалк, а сам ушел на конюшенный двор и там, утирая слезы замшевым рукавом, долго плакал, так и не сумев вспомнить причину. Слуги неслышно сновали по коридорам. Повару пришлось бороться с неодолимым желанием ограничиться холодными мясными закусками. На псарне то и дело раздавался вой, но собаки быстро умолкали, стыдясь собственной глупости. Пара вороных, которых в Сто Лате традиционно запрягали в катафалк, дружно забеспокоилась и чуть не затоптала конюха.

Герцог Сто Гелитский напрасно дожидался у себя в замке гонца: тот даже отправился в путь, но на полдороге остановился, так и не сумев припомнить, куда он, собственно, собрался.

А среди всей этой сумятицы материальным и все более негодующим призраком металась Кели.

Кризис грянул в обеденный час. Ворвавшись в парадный зал, она обнаружила, что на столе перед королевским креслом нет ни посуды, ни

приборов. Как можно более громко и членораздельно поговорив с дворецким, Кели добилась исправления этого недосмотра, но очень скоро обнаружила, что все блюда проплывают мимо нее — она даже не успевает воткнуть в них вилку. С мрачным недоверием она наблюдала, как вносят вино и в первую очередь наполняют бокал лорду-хранителю Кабинета Задумчивости.

Хотя особе королевской крови не к лицу такие выходки, она подставила подножку виночерпию; тот споткнулся, пробормотал что-то себе под нос и недоуменно воззрился на каменные плиты пола.

Отклонившись в другую сторону, Кели прокричала в ухо сенешалю:

— Эй, ты меня видишь? С какой стати на столе только ветчина с холодным окороком?

Оторвавшись от приглушенного разговора с камеристкой Малых Шестиугольных Покоев Северной Башни, сенешаль уставился на принцессу долгим взглядом, в котором первое потрясение сменилось рассеянной озадаченностью, а потом заблеял:

— Ну почему же, собственно… Я… да… это…

— Ваше королевское высочество, — подсказала Кели.

— Но… да… Высочество, — пробормотал он.

Повисла тягостная пауза.

После чего, словно подчиняясь невидимому переключателю, он повернулся спиной к принцессе и продолжил беседу.

Какое-то время Кели, бледная от потрясения и гнева, сидела неподвижно, а потом оттолкнула кресло и бросилась в свои покои. Пару слуг, остановившихся в коридоре, чтобы разделить на двоих папироску, отбросило в сторону нечто почти невидимое.

Вбежав к себе в спальню, Кели принялась дергать за шнурок. На звон колокольчика из комнаты в другом конце коридора должна была со всех ног примчаться дежурная служанка. Какое-то время ничего не происходило, а потом дверь медленно отворилась, и на принцессу уставилось лицо.

На сей раз Кели узнала этот взгляд и, более того, была к нему готова. Схватив служанку за плечи, она втащила ее в спальню и захлопнула дверь. Отпустив испуганную девушку, смотревшую куда угодно, только не на госпожу, Кели отвесила ей хлесткую оплеуху.

— Ну как, почувствовала? Почувствовала? — завизжала она.

— Но… Вы же… — залепетала служанка, попятилась и плюхнулась на кровать.

— Смотри на меня! Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю! — вопила, надвигаясь на нее, Кели. — Ты ведь меня видишь, да? Скажи, что видишь, или я прикажу тебя казнить!

Служанка уставилась в ее перепуганные глаза.

— Я вас вижу, — ответила она, — только…

— Что — только? Что — только?

— Только вы ведь… говорят… я думала…

— Что ты думала? — резко спросила Кели. Она больше не кричала. Слова слетали у нее с языка, будто обжигающие удары хлыста.

Служанка съежилась и только содрогалась от рыданий. Кели постояла, притопывая одной ногой, а после мягко встряхнула девушку.

— В городе есть волшебник? — спросила она. — На меня смотри, *на меня*. Ведь есть, да? Вы, бездельницы, вечно бегаете поболтать с волшебниками! Где он живет?

Служанка обратила к ней зареванное лицо, изо всех сил сражаясь с инстинктами, которые твердили, что принцессы не существует.

— Ох… волшебник, да… Кувыркс, на Стенной улице…

Губы Кели сжались в тонкой улыбке. Она понятия не имела, где хранятся ее плащи, но благоразумие подсказывало, что будет куда проще

отыскать их самой, нежели убеждать служанку в своем присутствии. Она подождала, внимательно наблюдая, как девушка перестает всхлипывать, оглядывается в смутной растерянности и поспешно убегает из спальни.

«Она уже обо мне забыла», — подумала Кели. Она осмотрела свои руки. Те выглядели вполне материальными.

Скорее всего, без магии тут не обошлось.

Кели отыскала гардеробную, наугад открыла несколько стенных шкафов и нашла черный плащ с капюшоном. Набросив его, она стрелой вылетела за дверь и сбежала по черной лестнице.

Она не бывала здесь с детства. Это был мирок бельевых шкафов, голых половиц и кухонных лифтов. Он пах слегка зачерствевшими корками.

Кели шла по нему, как застрявший на земле дух. Она, конечно же, знала о существовании комнат прислуги — точно так же, как другие люди где-то в глубине души знают о существовании водостоков и канализаций, — и готова была согласиться, что, хотя все слуги примерно на одно лицо, у них все же должны быть некие отличительные признаки, по которым их, предположительно, узнают родные и близкие. Но при

этом она оказалась совершенно не подготовлена к таким зрелищам, как, например, отдых буфетчика Могидрона: прежде она видела его только в строгой униформе, когда он величественным галеоном плыл среди гостей, но сейчас этот человек развалился у себя в буфетной, расстегнув ливрею и покуривая трубку.

Мимо Кели с хихиканьем пробежала пара служанок, даже не удостоив ее взглядом. Она прибавила шагу: ее не покидало странное ощущение, будто она — незваная гостья в собственном замке.

А все потому, догадалась Кели, что замок и впрямь ей не принадлежит. Окружавший ее шумный мирок с клубами пара в прачечных и холодными кладовыми существовал сам по себе. Она не могла им распоряжаться. Возможно, это он распоряжался ею.

Кели стащила куриную ножку со стола в огромной главной кухне — этакой пещере, вдоль стен которой стояло такое множество котелков и кастрюль, что в свете огней она походила на склад черепашьих доспехов, — и ощутила неведомый доселе трепет воровства. Кража! В ее собственном королевстве! А повар даже ничего не заподозрил и смотрел сквозь принцессу своими маслянисты-

ми, как копченый окорок, глазками.

Оставив позади конюшенный двор, Кели выбежала к задним воротам и беспрепятственно вышла на улицу под суровыми невидящими взглядами пары стражников.

На городских улицах ей было не так жутко, но ее все равно не покидало странное ощущение наготы. Непривычно было находиться среди людей, которые занимаются своими делами и даже не думают на тебя смотреть, когда весь твой предыдущий опыт говорил о том, что мир обращается вокруг тебя. Прохожие натыкались на нее и отшатывались, лишь на секунду задумываясь, во что это они врезались, а еще ей несколько раз пришлось отскакивать, чтобы ее не задавила повозка.

Куриная ножка не слишком помогла заполнить пустоту, образовавшуюся в желудке из-за отсутствия обеда. Пришлось стянуть с прилавка пару яблок, пообещав себе приказать казначею узнать их стоимость и послать торговцу деньги.

Растрепанная, в перепачканном плаще, от которого слегка несло конским навозом, принцесса наконец оказалась у дома Кувыркса. С дверной колотушкой пришлось повозиться. По представлениям Кели, двери должны были распахиваться

перед ней сами; это обеспечивали специальные люди.

Она так извелась, что даже не заметила, как колотушка ей подмигнула.

После очередной попытки Кели достучаться до хозяина в глубине дома что-то загрохотало. Через некоторое время дверь приоткрылась на несколько дюймов, и принцесса успела заметить круглое раскрасневшееся лицо под шапкой курчавых волос. Собственная правая ступня удивила ее тем, что, проявив недюжинную сообразительность, втиснулась в дверную щель.

— Я требую встречи с волшебником, — провозгласила Кели. — Прошу сию же минуту отворить мне дверь.

— В настоящее время волшебник очень занят, — ответило круглое лицо. — Вы за приворотным зельем?

— За чем?

— У меня… у нас сегодня скидка на средство «Кувырксов Щит Страсти», — сообщило лицо и самым возмутительным образом подмигнуло. — Дает возможность сеять грешки юности, не пожиная урожаев; ну, ты понимаешь.

Кели высокомерно вздернула нос.

— Нет, — холодно солгала она, — не понимаю.

— Овцевтирка? Девичий заслон? Глазные капли с белладонной?

— Я требую…

— К сожалению, мы закрыты, — отрезало лицо и захлопнуло дверь. Кели едва успела отдернуть ногу.

У нее вырвалось несколько слов, которые поразили и потрясли бы ее наставников, и она забарабанила в деревянную дверь.

Неожиданно стук замедлился — принцесса кое-что осознала.

Он ее увидел! Он ее услышал!

Кели с новыми силами атаковала дверь, вопя во всю мощь своих легких.

Кто-то заговорил прямо у нее над ухом:

— Напрафный труд. Он флифком упрям.

Принцесса медленно огляделась и поймала на себе нахальный взгляд дверной горгульи. Вздернув металлические брови, та говорила нечто малопонятное: ей мешало дверное кольцо в зубах.

— Я — принцесса Кели, наследница престола Сто Лата, — заносчиво сказала Кели, изо всех сил стараясь не показать своего ужаса. — Мне не пристало разговаривать с дверной фурнитурой.

— А я — фкромная дверная колотуфка, и мне

прифтало рафговаривать ф кем угодно, — любезно произнесла горгулья. — И я могу тебе фкафать, что у хофяина выдалфя тяфелый день и он не хофет, фтобы его бефпокоили. Но ты мофеф попробовать фкафать волфебное флово, — добавила она. — Волфебное флово иф уфт юной крафотки работает в девяти флуфаях иф вофьми.

— Волшебное слово? И какое же оно, это волшебное слово?

Горгулья презрительно усмехнулась.

— Тебя фто, нифему не уфили?

Кели распрямилась во весь рост, но это ни к чему не привело. У нее тоже выдался тяжелый день. В свое время ее отец собственноручно зарубил в бою сотню врагов. Так неужели она не одолеет какую-то колотушку?

— Моим *образованием*, — сообщила она безупречно-ледяным тоном, — занимались самые выдающиеся ученые государства.

На горгулью это заметного впечатления не произвело.

— Ефли они не науфили тебя волфебному флову, — спокойно откликнулась она, — фнафит, не такие уф они и выдаюфиефя.

Ухватившись за тяжеленное кольцо, принцесса заколотила им о дверь. Горгулья откровенно

насмехалась.

— О да, фделай мне больно, — прошепелявила она. — Мне это нрафитфя!

— Ты отвратительна!

— О да-а… Уфф, дафай ефе рафок…

Дверь приоткрылась, за ней вновь мелькнули кудряшки.

— Госпожа, ясно же сказано: мы сегодня зак…

У Кели подогнулись колени.

– *Пожалуйста*, помогите мне, — взмолилась она. — Пожалуйста!

— Вот видиф? — торжествующе заявила горгулья. — Рано или пофдно *вфе* припоминают волфебное флово!

* * *

Кели доводилось бывать на официальных приемах в Анк-Морпорке и встречаться со старшими волшебниками Незримого Университета — ведущего магического учебного заведения Плоского мира. Среди них попадались великаны, но преобладали толстяки; почти все были дорого одеты или, по крайней мере, думали, что дорого одеты.

На самом деле в волшебстве, как и в других, более приземленных видах искусства, правит мода, и это стремление выглядеть престарелы-

ми вельможами было лишь веянием времени. Предыдущие поколения делали ставку на бледность и оригинальность, или на друидскую неряшливость, или на таинственную мрачность. Но, в представлении Кели, любой волшебник походил на отороченный мехом бугор с одышкой, а Огнеус Кувыркс не вполне соответствовал этому образу.

Он был молод. Что ж, с этим было ничего не поделать: предположительно, даже волшебникам приходится начинать с юности. Борода у него не росла, а засаленная мантия не знала иной оторочки, кроме истрепанного в бахрому края.

— Не угодно ли чего-нибудь из напитков? — спросил Кувыркс, тайком заталкивая под стол сброшенный жилет.

Кели покачала головой и огляделась, ища, куда бы присесть, но все поверхности были заняты нестиранной одеждой или немытой посудой. Кувыркс заметил выражение ее лица.

— К сожалению, тут все немножко запущено, — торопливо добавил он, смахивая локтем со стола обрезки чесночной колбасы. — Госпожа Зануджент обычно приходит делать уборку два раза в неделю, но сейчас она уехала к сестре — у той случился очередной припадок. Ты уверена,

что ничего не хочешь? Мне нетрудно. Не далее как вчера видел где-то здесь чистую чашку.

— У меня возникла сложность, господин Кувыркс, — сказала Кели.

— Одну секунду. — Потянувшись к крючку над камином, он снял с него остроконечную шляпу, которая знавала лучшие дни, пусть даже — судя по ее виду — *не сильно* лучшие, и объявил: — Порядок. Теперь можем приступать!

— Чем так важна эта шляпа?

— О, без шляпы никак. Для волшебства правильная шляпа просто необходима. Кто-кто, а мы, волшебники, на этом собаку съели.

— Поверю на слово. Скажите: вы меня видите?

Он посмотрел на нее в упор.

— Да. Да, я определенно могу сказать, что я тебя вижу.

— И слышите? Вы ведь меня слышите?

— И очень хорошо. Да. Все до последнего слога. Без помех.

— Тогда вы, наверное, удивитесь, если я скажу, что больше никто в этом городе меня не видит и не слышит?

— Кроме меня?

Кели фыркнула:

— И вашей дверной колотушки.

Кувыркс подтащил к себе стул и уселся. Немного поерзал. По его лицу скользнула тень задумчивости. Он привстал, пошарил позади себя и отлепил от сиденья плоскую красноватую лепешку, когда-то, возможно, бывшую половинкой пиццы[2],[3]. Лепешка удостоилась его скорбного взгляда.

— Подумать только: я сегодня утром обыскался, — сказал Кувыркс. — А ведь это была всеначиночная пицца с дополнительными перчиками.

Печально ковыряя раздавленную массу, он внезапно вспомнил о Кели.

— Ох, прошу прощения, — воскликнул волшебник, — где мои манеры! Что ты теперь обо мне подумаешь? Вот, возьми анчоус. Угощайся.

Прошу.

---

[2] Примечания: 2

Первая в Плоском мире пицца была приготовлена клатчским мистиком Ронроном Шувадхи по прозванию Пророк Джо, утверждавшим, что рецепт был надиктован ему во сне Самим Творцом Плоского мира, который, судя по всему, добавил, что изначально замышлял создать именно это. Те путешественники, которым довелось побывать в пустыне и увидеть оригинал, чудесным образом сохранившийся в Запретном городе Ии, утверждают, что первоначальный замысел Творца представлял собой лишь небольшую лепешку с сыром, пеперони и парочкой маслин, а вот штуки вроде гор и морей, как нередко бывает, он добавил ближе к концу, в припадке энтузиазма.

[3] Примечания: 3

После Раскола Повращательных и гибели примерно 25 000 человек в ходе последующего джихада правоверным было позволено добавлять к указанному рецепту один небольшой лавровый листочек.

— Вы меня вообще слушаете? — возмутилась Кели.

— Ты чувствуешь себя невидимой? В душе, я имею в виду? — невнятно уточнил Кувыркс.

— Естественно, нет. Я чувствую себя только злой. Поэтому я хочу, чтобы вы мне погадали.

— Ну, не знаю: как по мне, здесь чисто *клинический* случай, а стало быть…

— Я могу заплатить.

— Это незаконно, пойми, — приуныл Кувыркс. — Старый король наложил строжайший запрет на гадание в Сто Лате. Он вообще волшебников не жаловал.

— Я могу *хорошо* заплатить.

— Госпожа Зануджент говорила, что эта новенькая девица будет еще хуже. Она, мол, вся из себя надменная. Не из тех, опасаюсь, кто благосклонен к магистрам тонких искусств.

Кели улыбнулась. Придворные, которым доводилось видеть эту улыбку, поспешили бы уволочь волшебника подальше и спрятать от гнева принцессы в каком-нибудь безопасном месте — к примеру, на другом континенте, — но Кувыркс даже бровью не повел — он пытался отскрести от мантии кусочки грибов.

— Я так понимаю, что характер у нее и вправду

скверный, — сказала Кели. — Но не удивлюсь, если она все-таки не станет выгонять вас из города.

— Надо же, — поразился Кувыркс. — Ты и вправду так думаешь?

— Послушайте, — продолжила Кели, — мне ведь не нужно, чтобы вы заглядывали в будущее — только в настоящее. Против этого даже она не сможет возразить. Если хотите, я замолвлю перед ней словечко, — великодушно добавила она.

— О, так вы знакомы? — просветлел Кувыркс.

— Да. Но иногда мне кажется, что не слишком хорошо.

Кувыркс вздохнул и закопался в завалы на обеденном столе, обрушивая лавины из грязных тарелок и давно мумифицированных останков множества обедов. Наконец он извлек на свет толстый кожаный футляр, прилипший к куску сыра.

— Вот, — нерешительно начал Кувыркс, — это карты Каро. Концентрированная мудрость древних и много чего еще. Как вариант, могу предложить гадание по пупземельскому методу И-Дзынь. Он сейчас в большой моде у высшего света. На чайных листьях не гадаю.

— Попробуем И-Дзынь.

— Тогда подбрось эти стебельки тысячелистника.

Кели так и сделала. Они взглянули на получившийся узор.

— Хм-м, — через некоторое время протянул Кувыркс. — Что мы имеем: один на камине, один в кружке из-под какао, один на улице — жаль, что с окном так получилось, — один на столе и один, нет, *два*… завалились за буфет. Остальные, надеюсь, отыщет госпожа Зануджент.

— Вы не уточнили, с какой силой надо подбрасывать. Мне попробовать снова?

— Не-ет, не думаю, что это необходимо. — Кувыркс полистал страницы пожелтевшей от времени книги, которая еще недавно была подложена под ножку стола. — Расклад, по-моему, ясен. Да, вот он: октограмма 8887: Беззаконие, Нераскаявшийся Гусь. По перекрестной ссылке проходим сюда… так… так… есть! Нашел.

— Ну?

– *Минуя вертикальность, мудро шествует за чаем карминный император; в темноте моллюск безмолвствует среди цветков миндаля.*

— Вот как? — уважительно сказала Кели. — И что это означает?

— Если ты не моллюск, то, наверное, ничего

особенного, — отозвался Кувыркс. — По-моему, тут что-то потерялось при переводе.

— А вы уверены, что владеете этим гаданием?

— Давай попробуем колоду Каро, — поспешно предложил Кувыркс, расправляя карты веером. — Вытащи карту. Любую.

— Смерть, — объявила Кели.

— Ох. М-да. Разумеется, карта «Смерть» не обязательно предвещает *смерть*, — торопливо заверил Кувыркс.

— Вы хотите сказать, она не предвещает смерти в тех случаях, когда заказчик гадания чересчур взволнован, а вы сами слишком боитесь сказать правду, так?

— Знаешь что, вытащи-ка еще одну карту.

— Опять Смерть, — сообщила Кели.

— Ты что, вернула ее в колоду?

— Нет. Вытащить еще одну?

— Почему бы и нет.

— Вот так совпадение!

— Неужели Смерть номер три?

— Именно так. Это что, особая колода для фокусов? — Кели старалась сдерживаться, но даже она слышала в собственном голосе легкий истерический звон.

Кувыркс нахмурился, тщательно сложил и

перетасовал колоду, а потом раскинул карты на столе. На всех был изображен Смерть.

— О боги, — выговорил Кувыркс. — Похоже, тут дело нешуточное. Позволишь взглянуть на твою ладонь?

Изучение ладони затянулось. Через некоторое время Кувыркс направился к буфету, извлек из ящика ювелирную лупу, рукавом мантии стер с линзы присохшую овсяную кашу и в течение нескольких минут разглядывал тончайшие линии. Наконец он откинулся на спинку стула, вынул из глаза лупу и уставился на принцессу.

— Ты мертва, — сообщил он.

Кели выжидала. Ей так и не пришел в голову ни один подходящий ответ. Сказать: «Ничего подобного» — плоско, спросить: «Это серьезно?» — слишком легкомысленно.

— Кажется, я уже говорил, что это дело нешуточное? — спросил Кувыркс.

— По-моему, да, — осторожно, так, чтобы не дрогнул голос, ответила Кели.

— Я был прав.

— О.

— Исход этого дела может оказаться фатальным.

— Насколько фатальнее, — спросила Кели, —

чем смерть?

— Я не о тебе говорю.

— О.

— Что-то весьма фундаментальное пошло не так, понимаешь? Ты мертва во всех смыслах, кроме, э-э, прямого. То есть карты считают, что ты умерла. Твоя линия жизни считает, что ты умерла. Все и всё на свете считают, что ты умерла.

– *Я* так не считаю, — возразила Кели, но особенной уверенности в ее голосе не было.

— Боюсь, твое мнение здесь не имеет значения.

— Но люди могут меня видеть и слышать!

— При поступлении в Незримый Университет первым делом узнаешь, что люди не придают таким вещам большого значения. Для них важнее то, что говорят их извилины.

— Вы хотите сказать, люди не видят меня потому, что их извилины запрещают им меня видеть?

— Боюсь, что так. Если не ошибаюсь, это называется предопределением. — Кувыркс удрученно взглянул на принцессу. — Я волшебник. Мы на таких вещах собаку съели. Хотя, если честно, *первым* делом при поступлении узнаешь другое, — добавил он. — Где находятся туалеты и

все такое прочее. Но сразу после — то, о чем я говорил.

— Но вы-то меня видите.

— А-а. Скажем так. Волшебников специально учат видеть то, что есть, и не видеть то, чего нет. Есть особые упражнения…

Кели забарабанила пальцами по столу — или, во всяком случае, сделала такую попытку. Это оказалось затруднительно. В неясном ужасе она уставилась на столешницу.

Кувыркс вклинился перед ней и вытер стол рукавом.

— Прости, — пробормотал он, — вчера на ужин ел сэндвичи с патокой.

— И что мне теперь *делать?*

— Ничего.

– *Ничего?*

— Ну, из тебя, конечно, получится очень успешная воровка-домушница… прости. Неудачная шутка.

— Мне тоже так показалось.

Кувыркс неловко похлопал ее по ладони. Но Кели слишком углубилась в свои мысли, чтобы заметить это вопиющее оскорбление монаршего достоинства.

— Понимаешь, все предрешено. История уже

распланирована от начала и до конца. И неважно, что *происходит в реальности*: история просто-напросто подминает факты под себя и катится по ним дальше. Ты не сможешь ничего изменить, поскольку перемены изначально были частью истории. Ты умерла. Это судьба. Тебе надо просто принять этот факт. — Кувыркс виновато улыбнулся. — Но, рассуждая объективно, в сравнении с большинством покойных тебе повезло, — продолжил он. — Ты жива и можешь этим наслаждаться.

— Не хочу я этого принимать. С какой стати? Я в этом не виновата!

— Ты не понимаешь. История движется вперед. Ты больше не участвуешь в этом процессе. Для тебя в нем не осталось места, неужели не ясно? Лучше позволь событиям идти своим чередом.

Кувыркс опять похлопал ее по ладони. Кели покосилась на него. Он отдернул руку.

— И что мне тогда делать? — спросила принцесса. — Перестать есть, потому что еде не суждено попасть ко мне в желудок? Уползти жить в какой-нибудь склеп?

— Хороший вопрос, ты права, — согласился Кувыркс. — Боюсь, с судьбой иначе не бывает. Если мир тебя не воспринимает, значит, тебя не

существует. Я волшебник. Мы на таких вещах…

— Хватит уже.

Кели встала.

Пять поколений назад один из ее предков, остановив свою банду бродячих головорезов за пару миль до скалы, на которой стоял Сто Лат, окинул спящий город решительным взором, в котором читалось: «Ладно, сойдет. Если ты родился в седле, это вовсе не значит, что ты должен в нем же и окочуриться».

Как ни удивительно, многие из его характерных черт передались, в силу причуд наследственности, одной его родственнице по нисходящей линии[4], обеспечив ей весьма специфический тип привлекательности. Сейчас эти черты обозначились как нельзя более резко. Даже Кувыркс поразился. Когда дело требовало решимости, челюстями принцессы можно было дробить камни.

Тем же тоном, каким ее предок обратился перед наступлением к своим усталым, пропотевшим

[4] Примечания: 4

За исключением длинных усов и круглой меховой шапки с шипом на макушке.

воинам[5], она проговорила:

— Нет и нет. Этому не бывать. Я не собираюсь усыхать и превращаться в привидение. А ты мне поможешь, волшебник.

Подсознание Кувыркса распознало этот тон. В нем звучали обертоны, от которых даже личинки древоточца, угнездившиеся в деревянных половицах, бросили свои дела и вытянулись по стойке смирно. Тон этот не выражал мнений, а утверждал: быть посему.

— Я, госпожа? — пролепетал Кувыркс дрожащим голосом. — Но я даже не знаю, чем смогу…

Его сдернули со стула и выволокли на улицу, так что мантия отчаянно затрепыхалась. Расправив плечи, Кели решительно шагала в сторону замка и тащила за собой волшебника, словно

---

[5] Примечания: 5

Этот призыв вожака передается из поколения в поколение в виде эпической поэмы, заказанной его сыном, который родился не в седле и вполне сносно управлялся с ножом и вилкой. Начинается он так:

> *«Смотрите: спят вдали глупцы-враги,*
>
> *Разжиревшие на грабежах, порочные умом.*
>
> *Пусть же копья вашего гнева уподобятся степному пожару в ветреный день засушливого сезона,*
>
> *Пусть ваши честные клинки разят, как рога пятилетки-бычка с острой зубной болью…»*

И так на протяжении трех часов декламации. Суровая реальность, которая обычно не располагает средствами для оплаты труда поэтов, подсказывает, что на самом деле речь звучала так:

«Парни, покамест они отлеживают бока, мы пройдем сквозь них, как плоды кзак сквозь бабулю-коротышку, и уж не знаю, как вас, а меня от юрт уже воротит, усекли?»

упрямого щенка. Именно такой поступью мамаши устремляются к школе, откуда их отпрыски вернулись с фингалами; она была неостановима; она была подобна Течению Времени.

— Что вы намереваетесь сделать? — заикаясь, спросил Кувыркс, с ужасом понимая, что не сможет от этого отвертеться, чем бы оно ни было.

— Сегодня твой счастливый день, волшебник.

— А-а… Славно, — слабо откликнулся он.

— Ты назначен на должность Королевского Узнавателя.

— Ох… И каковы же будут мои обязанности?

— Напоминать всему свету, что я жива. Как видишь, ничего сложного. К тому же тебе полагается обильное трехразовое питание и прачечное обслуживание. Шагай веселее.

— Королевского, я не ослышался?

— Ты же волшебник. Думаю, пора тебе кое-что узнать, — сказала принцесса.

* * *

— ДА НУ? — спросил Смерть.

(Это был кинематографический трюк, адаптированный для печати. На самом деле Смерть говорил не с принцессой. Он говорил с Мором в своем кабинете. Но получилось эффектно,

правда? Кажется, для этого есть специальный термин: параллельный монтаж или как-то так. От индустрии, где человека, который отвечает за искусственный снег, зовут «снеговиком», можно ожидать чего угодно.)

— И ЧТО ЖЕ? — уточнил Смерть, наматывая черную шелковую нитку на зловещий крючок, зажатый в привинченных к письменному столу маленьких тисках.

Мор колебался. Главным образом из-за стыда и страха, но еще и потому, что от вида скелета в капюшоне, мирно обматывающего ниткой сушеных мух, у кого угодно язык отсохнет.

Вдобавок ко всему в другом конце кабинета сидела Изабель: для виду она склонилась над каким-то рукоделием, но в действительности наблюдала за Мором, кутаясь в облако мрачного неодобрения. Он так и чувствовал, как ее припухшие, покрасневшие глаза сверлят ему затылок.

Смерть добавил к приманке пучок вороньих перьев и принялся насвистывать сквозь зубы (за неимением других возможностей для свиста) какой-то живенький мотивчик. Взглянул на Мора.

— ХММ?

— Они… прошли не так гладко, как я ожидал, — признался Мор, нервно переминаясь с ноги на

ногу на ковре перед столом.

—

ТЫ СТОЛКНУЛСЯ С КАКИМИ-ТО ТРУДНОСТЯМИ? — спросил Смерть, подравнивая перья ножничками.

— Понимаете, ведьма не захотела уходить, а монах… ну… начал все сначала.

— ЗДЕСЬ НЕТ ПРИЧИН ДЛЯ БЕСПОКОЙСТВА, ЮНОША…

— …Мор…

— ТЫ УЖЕ ДОЛЖЕН ПОНИМАТЬ, ЧТО КАЖДЫЙ ПОЛУЧАЕТ ТО, ЧЕГО ОН, ПО СОБСТВЕННОМУ МНЕНИЮ, ЗАСЛУЖИВАЕТ. ТАК НАМНОГО УДОБНЕЕ ВО ВСЕХ ОТНОШЕНИЯХ.

— Я помню, сэр. Но ведь это значит, что злые люди, которые считают, что достойны попасть в рай, и впрямь туда попадут. А добрые люди, которые боятся попасть в какое-нибудь страшное место, обречены страдать. Как-то несправедливо получается.

— ЧТО ТЕБЕ БЫЛО ВЕЛЕНО ЗАЗУБРИТЬ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ПРИСТУПАТЬ К ИСПОЛНЕНИЮ ДОЛГА?

— Ну, вы…

— ХММ?

Мор запнулся и умолк.

— СПРАВЕДЛИВОСТИ НЕТ. ЕСТЬ ТОЛЬКО ТЫ.

— Но я же…

— ЗАРУБИ СЕБЕ НА НОСУ.

— Да, но…

— ДУМАЮ, ЧТО В КОНЦЕ КОНЦОВ ВСЕ УСТРОИТСЯ САМО СОБОЙ. МНЕ НЕ ДОВОДИЛОСЬ ВСТРЕЧАТЬСЯ С ТВОРЦОМ, НО ГОВОРЯТ, ОН ВЕСЬМА БЛАГОСКЛОНЕН К ЛЮДЯМ.

Смерть оторвал нитку и принялся развинчивать тиски.

— ТАК ЧТО ВЫБРОСЬ ИЗ ГОЛОВЫ ЭТИ МЫСЛИ, — добавил он. — ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ, В ТРЕТЬЕМ СЛУЧАЕ У ТЕБЯ НЕ ДОЛЖНО БЫЛО ВОЗНИКНУТЬ НИКАКИХ ПРОБЛЕМ.

Момент настал. Мор долго все обдумывал. Скрывать не имело смысла. Он нарушил весь последующий ход истории. Такие промахи не остаются незамеченными. Лучше сразу снять груз с души. Признать свою вину, как подобает мужчине. Проглотить горькую пилюлю. Раскрыть карты. Не ходить вокруг да около. Уповать на милосердие.

Пронзительные голубые глаза, сверкая, смотрели прямо на него.

Он ответил на этот взгляд, как ночной кролик, решивший поиграть в гляделки с фарами шестнадцатиколесной фуры, управляемой заядлым

кофеманом, который вознамерился задать жару всем тахометрам ада.

Затея не удалась.

— Так и вышло, сэр.

— ХОРОШО. МОЛОДЕЦ. НУ, ЧТО СКАЖЕШЬ?

Рыболовы считают, что хорошая сушеная муха должна успешно имитировать живую. Есть мухи для утренней ловли. Есть множество других, подходящих для вечернего клева. И так далее.

Но муха, которую победно держали костяные пальцы Смерти, была родом из начала времен. Такие мухи плавали в первичном бульоне. Они выводились из навоза мамонтов. Такая муха не стала бы биться в оконное стекло: она скорее просверлила бы стену. Такое насекомое способно было выползти из-под самой тяжелой мухобойки, источая яд и вынашивая план мести. Она была сплошь покрыта диковинными крыльями и свисающими отростками. И, похоже, отличалась изрядной зубастостью.

— Как она называется? — спросил Мор.

— Я НАЗОВУ ЕЕ... «СЛАВА СМЕРТИ». — Смерть в последний раз любовно оглядел приманку и приколол крючок к капюшону балахона. — СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ ХОЧУ НЕМНОГО ПОЖИТЬ В СВОЕ УДОВОЛЬСТВИЕ, — сказал он. — А ТЫ МОЖЕШЬ

ЗАНЯТЬСЯ ИСПОЛНЕНИЕМ ДОЛГА, РАЗ УЖ УСПЕЛ НАБИТЬ РУКУ. ФИГУРАЛЬНО ВЫРАЖАЯСЬ.

— Да, сэр, — удрученно откликнулся Мор. Будущее виделось ему зловещим черным тоннелем без малейшего света в конце.

Смерть побарабанил пальцами по столу, бормоча себе под нос.

— ДА, КСТАТИ. АЛЬБЕРТ МНЕ ДОЛОЖИЛ, ЧТО КТО-ТО БАЛУЕТСЯ В БИБЛИОТЕКЕ.

— Прошу прощения, сэр?

— ВЫТАСКИВАЕТ КНИГИ, РАЗБРАСЫВАЕТ ИХ ГДЕ ПОПАЛО. КНИГИ О ЮНЫХ ДЕВУШКАХ. ПОХОЖЕ, ЭТО КАЖЕТСЯ ЕМУ ЗАБАВНЫМ.

Как уже было отмечено, Святые Слушатели отличаются таким чувствительным слухом, что могут оглохнуть даже от яркого заката. На считаные мгновения Мору показалось, что кожа у него на затылке приобрела сходную чувствительность: он словно увидел, как Изабель окаменела, не закончив начатый стежок. И уловил приглушенный вдох, уже слышанный ранее среди стеллажей. Ему вспомнился кружевной носовой платочек.

— Да, сэр, — кивнул Мор. — Больше такое не повторится, сэр.

Кожа у него на затылке начала яростно зудеть.

— ВОТ И ОТЛИЧНО. ТЕПЕРЬ ВЫ ОБА СТУПАЙТЕ. СКАЖИТЕ АЛЬБЕРТУ, ПУСТЬ СОБЕРЕТ ВАМ КОРЗИНУ ДЛЯ ПИКНИКА ИЛИ ЧТО-НИБУДЬ В ЭТОМ РОДЕ. ПОДЫШИТЕ СВЕЖИМ ВОЗДУХОМ. ОТ МЕНЯ НЕ УСКОЛЬЗНУЛО, КАК ВЫ ДВОЕ ИЗБЕГАЕТЕ ДРУГ ДРУГА. — Смерть заговорщически подтолкнул Мора локтем — словно палкой ткнул — и добавил: — АЛЬБЕРТ МНЕ ОБЪЯСНИЛ, ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ.

— В самом деле? — мрачно переспросил Мор. Он ошибался: в конце тоннеля все-таки брезжил свет, и его источником служил огнемет.

Подмигивание Смерти напоминало взрыв сверхновой.

Подмигивать в ответ Мор не стал. Вместо этого он повернулся и побрел к выходу — такой походкой и с такой скоростью, что Великий А'Туин на его фоне мог бы показаться резвым ягненком на весеннем лугу.

Дойдя до середины коридора, Мор услышал за спиной легкий шорох торопливых шагов; чья-то рука схватила его за локоть.

— Мор?

Он обернулся и сквозь дымку тоски увидел Изабель.

— Зачем было говорить, что в библиотеке хо-

зяйничаешь ты?

— Сам не знаю.

— Это было… очень… благородно с твоей стороны, — осторожно сказала она.

— Правда? Не могу взять в толк, что на меня нашло. — Пошарив в кармане, он достал кружевной платочек. — Это, наверное, твое.

— Спасибо. — Она шумно высморкалась.

Мор двинулся дальше по коридору; его поникшие плечи смахивали на крылья стервятника. Изабель бросилась вдогонку.

— Я сказать… — окликнула она.

— Что?

— Я хотела сказать спасибо.

— Не стоит благодарности, — пробормотал он. — Ты больше не бери книги, так будет лучше. А то они вроде как огорчаются. — У него вырвался, как ему показалось, безрадостный смешок. — Ха!

— Что «ха»?

— Просто «ха!».

Он дошел до конца коридора. Здесь была дверь в кухню: Мор догадывался, что Альберт сейчас начнет понимающе ухмыляться, и решил, что не сможет этого вынести. Он остановился.

— Но я брала книги только ради того, чтобы они составили мне компанию, — сказала у него

за спиной Изабель.

Он сдался.

— Можем прогуляться по саду, — отчаявшись, выдавил он, а потом нашел в себе немножко жестокости и добавил: — Без обязательств, разумеется.

— Ты хочешь сказать, что не собираешься на мне жениться? — спросила она. Мор пришел в ужас.

— Жениться?

— Разве не для этого отец тебя сюда привез? — удивилась она. — Уж кто-кто, а ученик ему точно не нужен.

— Ты имеешь в виду все эти тычки, подмигивания и разговоры о том, что когда-нибудь, сын мой, все это достанется тебе? — удивился Мор. — Я старался не обращать на них внимания. Я пока что ни на ком жениться не хочу, — добавил он, отгоняя от себя мимолетный образ принцессы. — На тебе-то уж точно — ты только не обижайся.

— Да я бы за тебя нипочем не вышла, будь ты хоть единственным мужчиной на Диске, — сладким голосом ответила она.

Мора это задело за живое. Когда у тебя нет желания брать кого-то там в жены — это одно, а когда тебе заявляют, что *ты сам* не годишься в мужья, — это совсем другое.

— На моей физиономии хотя бы не написано, что я всю жизнь тишком лопаю пончики в шкафу, — съязвил Мор, когда они вышли на черный газон Смерти.

— А я хотя бы не хожу так, словно у меня в каждой ноге по несколько коленок, — срезала она.

— Зато у меня глаза нисколечко не напоминают сыродливые яйца.

Изабель кивнула.

— Зато у меня уши нисколечко не напоминают наросты на гнилом дереве. А что значит «сыродливые»?

— Ну, такие, как Альберт готовит.

— Когда белок липкий и жидкий, с какими-то склизкими сгустками.

— Вот-вот.

— Хорошее слово, — задумчиво протянула она. — Зато мои волосы, прошу заметить, не смахивают на ершик для чистки отхожего места.

— Не спорю, зато мои не вызывают мыслей о ежах-утопленниках.

— Осмелюсь заметить, что моя грудная клетка не похожа на решетку-гриль в намокшем бумажном пакете.

Скользнув глазами по верхней части ее платья, под которой скрывалось столько щенячьей

пухлости, что хватило бы на пару выводков ротвейлеров, Мор воздержался от комментариев.

— Зато мои брови не похожи на спаривающихся гусениц, — рискнул он.

— Верно. Зато мои ноги хотя бы способны остановить свинью в коридоре.

— То есть?

— Не страдают кривизной, — объяснила она.

— А-а.

Временно исчерпав запас колкостей, они прошли напрямик через клумбы с лилиями. В конце концов Изабель повернулась к Мору и протянула руку. Он пожал ее в благодарном молчании.

— Мир? — предложила она.

— Пожалуй.

— Хорошо. Теперь ясно, что жениться нам не стоит — хотя бы ради блага детей.

Мор кивнул.

Они уселись на каменную скамью между двумя рядами аккуратно подстриженных кустов. В этом уголке сада у Смерти был устроен прудик, питаемый ледяным родником, который извергался из пасти каменного льва. В глубине маячили раскормленные белые карпы, изредка всплывающие на поверхность среди бархатисто-черных кувшинок.

— Надо было крошек принести. — Мор благородно сделал выбор в пользу заведомо нейтральной темы разговора.

— Знаешь, он ведь сюда никогда не заходит, — сказала Изабель, наблюдая за рыбами. — Он сотворил этот уголок, чтобы я не скучала.

— И что же, не помогло?

— Он ненастоящий, — объяснила она. — Тут вообще нет ничего настоящего. Ну, по-настоящему настоящего. Просто ему нравится вести себя по-человечески. А сейчас он особенно усердствует, ты заметил? Сдается мне, это твое влияние. Ты знаешь, что он когда-то пробовал освоить игру на банджо?

— Мне кажется, ему больше подошел бы орган.

— У него так ничего и не получилось. — Изабель пропустила замечание Мора мимо ушей. — Понимаешь, он не способен создавать.

— Ты же сама сказала, что он сотворил этот пруд.

— Где-то увидел — и скопировал. Здесь кругом одни копии.

Мор неловко поерзал. Ему в штанину заползло какое-то мелкое насекомое.

— Все это довольно грустно. — Он понадеялся, что взял хоть сколько-нибудь правильный тон.

— Да.

Наклонившись, Изабель набрала с дорожки горстку гравия и принялась рассеянно бросать камешки в пруд.

— А что, у меня с бровями действительно беда? — спросила она.

— Эм-м, — замялся Мор, — боюсь, что так.

— Ох…

Шлеп, шлеп. Карпы презрительно следили за девушкой.

— А у меня — с ногами?

— Да. Ты уж прости.

Мор в тревоге перетасовал свой скудный запас светских оборотов речи и сдался.

— Да не страшно, — великодушно сказал он. — Тебе-то хотя бы пинцет помочь может.

— Он очень добр, — сказала Изабель, не слушая, — только немного рассеян.

— Он ведь тебе не родной отец, правда?

— Мои родители погибли очень давно, на пути через Великий Неф. По-моему, их накрыло бурей. Он меня нашел и взял к себе. Не знаю, почему он это сделал.

— Наверное, почувствовал жалость к тебе?

— Он никогда ничего не чувствует. Пойми, я говорю это не со зла. Ему просто нечем чувствовать.

У него отсутствуют эти, как их, железы. Наверное, он *помыслил* жалость ко мне.

Она обратила бледное круглое личико к Мору.

— Я никому не позволю говорить об отце плохо. Он старается изо всех сил. Просто у него слишком много забот.

— Вот и мой отец был примерно таким же. То есть, я хочу сказать, был и есть.

— Однако у твоего, подозреваю, железы имеются.

— Думаю, да, — кивнул Мор, опять неловко поерзав. — Хотя я о них — о железах — никогда всерьез не задумывался.

Сидя бок о бок, они разглядывали форель. Форель, в свою очередь, разглядывала их.

— Я только что нарушил весь ход истории, — признался Мор.

— Правда?

— Понимаешь, когда он попытался ее убить, я убил его, однако же история предписывала ей умереть, а герцогу — взойти на престол, но *хуже* всего, хуже всего то, что он, хоть и прогнил насквозь, сумел бы объединить города и создать федерацию, которой книги предрекают век мира и изобилия. Ну, то есть можно было подумать, что наступит какое-нибудь царство ужаса, только вот

истории, видимо, иногда требуются люди такого склада, а принцесса стала бы просто очередной правительницей. Пусть даже неплохой, пусть даже замечательной, но неподходящей, а теперь этого не произойдет: история пошла вразнос, и во всем виноват я.

Он умолк в напряженном ожидании ответа.

— Знаешь, ты был прав.

— Ты так считаешь?

— Нам действительно надо было принести крошек, — сказала она. — Хотя рыбы, наверное, питаются тем, что находят в воде. Жучками всякими…

— Ты хоть слышала, что я говорил?

— О чем?

— Ох… Так, ни о чем. О всякой ерунде. Извини.

Изабель со вздохом поднялась со скамьи.

— Должно быть, тебе не терпится приняться за дело, — сказала она. — Рада, что мы прояснили вопросы женитьбы и замужества. Приятно было с тобой поболтать.

— Можем остаться в отношениях ненависти — ненависти, — предложил Мор.

— Мне обычно не перепадает возможности поговорить с теми, с кем работает отец. — Она как будто не находила в себе сил уйти и, казалось,

ждала от Мора еще каких-то слов.

— Оно и понятно, — больше он ничего придумать не смог.

— Тебя, наверное, ждет работа.

— В общем, да.

Мор колебался: он чувствовал, что разговор необъяснимым образом снялся с мели и теперь плывет над какими-то глубокими, не до конца понятными ему омутами.

И тут раздался звук, подобный…

Мор с тоской вспомнил двор старого родительского дома. Суровыми овцепикскими зимами семья держала во дворе *тарг* — неприхотливую горную скотину, — по мере необходимости подбрасывая им солому. После весенней оттепели двор превращался в глубокую лужу, покрытую довольно прочной коростой. По ней можно было ходить, но с осторожностью. Тот, кто проявлял беспечность, рисковал провалиться по колено в концентрированный навозный перегной, и хлюпанье вытащенных из него сапог, зеленых и дымящихся, знаменовало смену времен года с той же определенностью, с какой это делали птичьи трели и жужжанье пчел.

Именно такой звук и донесся сейчас до слуха Мора. Он машинально осмотрел свои башмаки.

Но оказалось, что это был плач Изабель: не приглушенные дамские рыдания, а громогласные всхлипы, которые клокотали, как лава подводного вулкана, и сражались за право первенства, вырываясь наружу. Вызревшие в рутинной тоске, они вылетали на волю под давлением.

— Э-э? — сказал Мор.

Ее тело содрогалось не хуже водяного матраса в зоне землетрясения. Изабель принялась отчаянно шарить в рукавах, ища носовой платочек, но в сложившихся обстоятельствах от него было бы не больше проку, чем от бумажного колпака под грозовым ливнем. Она пыталась что-то сказать, но лишь извергала поток согласных, прерываемых рыданиями.

— Эм? — сказал Мор.

— Я спросила: сколько, по-твоему, мне лет?

— Пятнадцать? — предположил он.

— Шестнадцать, — простонала она. — И как ты думаешь, давно ли мне шестнадцать лет?

— Прости, не пони…

— Где тебе понять? Никто не поймет.

Она высморкалась и, несмотря на трясущиеся руки, аккуратно вернула в рукав изрядно промокший платочек.

— Тебе позволено отсюда выходить, — сказала

она. — Ты тут недавно и еще не успел заметить. Здесь время стоит на месте, неужели не видно? Нет, *что-то* здесь, конечно, течет, но это не настоящее время. Создать настоящее время ему не под силу.

— О-о.

Помолчав, Изабель заговорила снова — тонким, осторожным, но прежде всего *отважным* голосом девушки, которая потратила все силы на то, чтобы взять себя в руки, но может в любой момент снова себя из них выпустить.

— Мне шестнадцать уже тридцать пять лет.

— Правда?

— И я уже в первый год была этим по горло сыта.

Мысленно оглянувшись на последние недели, Мор сочувственно покивал.

— Так вот почему ты увлеклась этими книгами? — догадался он.

Изабель потупилась и принялась смущенно ковырять гравий носком сандалии.

— Они очень романтичные, — выговорила она. — Некоторые истории — просто чудо. Например, одна девушка выпила яд, узнав о смерти своего молодого человека, а другая бросилась с обрыва, потому что отец хотел насильно выдать

ее за старика; третья утопилась, чтобы не подчиниться…

Мор слушал в изумлении. Судя по тщательно отобранным Изабель книгам, редкая женщина в Плоском мире успевала износить свои первые взрослые чулки.

— …а потом подумала, что он мертв, и наложила на себя руки, а он проснулся и тоже покончил с собой; а еще была девушка, которая…

Здравый смысл подсказывал, что встречаются, по крайней мере, отдельные особи женского пола, которые не убивают себя из-за несчастной любви, но в этих драмах[6],[7] здравому смыслу не отводилось даже проходной роли без слов. Мор уже убедился, что от любви человека бросает из жара в холод, из жестокости в слабость, но еще не осознал, что любовь способна лишить человека мозгов.

— …каждую ночь переплывал реку, но однажды

---

[6] Примечания: 6

Величайшими любовниками на всем Диске были, конечно же, Меллий и Гретелина, чей непорочный, страстный, душераздирающий роман опалил бы, вне всякого сомнения, страницы Истории, не случись им по какой-то необъяснимой прихоти судьбы появиться на свет с промежутком в два столетия, причем на разных континентах. Однако боги, сжалившись над этой парой, превратили его в гладильную доску, а ее — в низенькую медную тумбу.

[7] Примечания: 7

Если ты — бог, ты не обязан ничего объяснять.

грянула буря, и когда он не появился, девушка…

Мор подозревал, что есть-таки молодые пары, которые знакомятся, скажем, на деревенских танцульках, сходятся, гуляют год-другой, пару раз скандалят, мирятся, женятся — и даже не помышляют о самоубийстве.

В какой-то момент он сообразил, что перечень несчастных влюбленных подошел к концу.

— Надо же, — слабо выговорил Мор. — Неужели теперь ни у кого все счастливо не складывается?

— Любить — значит страдать, — отчеканила Изабель. — В любви неизбежны темные страсти.

— А без них нельзя?

— Без них никак. И еще душевные муки.

Казалось, Изабель о чем-то вспомнила.

— Ты, кажется, говорил, будто что-то пошло вразнос? — спросила она напряженным голосом человека, изо всех сил старающегося не расклеиться.

Поразмыслив, Мор ответил:

— Нет.

— Боюсь, я слушала не очень внимательно.

— Ничего страшного.

К дому они шли в молчании.

Вернувшись в кабинет, Мор обнаружил, что Смерть куда-то ушел, оставив на столе четыре

жизнеизмерителя. Фолиант в надежно запертом кожаном переплете покоился на пюпитре.

Под жизнеизмерителями лежала записка.

Мору казалось, что почерк Смерти должен быть либо готическим, либо угловатым, как надгробные камни, однако Смерти довелось изучить один классический труд по графологии и в результате выработать для себя такие начертания букв, которые соответствуют уравновешенному и цельному складу характера.

В записке говорилось:

«Ушол на рыбалку. Задачи: казнь в Псевдополисе, истественные причины в Крулле, паденье с фотальным исходом в Карракских горах, малярия в Эль-Кинте. Остаток дня в твоем разпоряженье».

* * *

Мор воображал, что история разматывается подобно слетевшему с лебедки стальному тросу и хлещет по реальности то там, то здесь, разрушая все, к чему прикоснется.

Однако история не такова. История распускается мягко, как старая кофта. Заплатанная, заштопанная, не раз перешитая по меркам самых разных фигур, задвинутая в коробке под раковину цензуры, пущенная на половые тряп-

ки пропаганды, она всякий раз — постепенно, конечно, — ухитряется принимать знакомую первоначальную форму. У истории есть привычка менять людей, которые возомнили, будто меняют *ее*. В обтрепанном рукаве истории всегда припасены какие-нибудь сюрпризы. У нее богатый опыт.

Вот что происходило на самом деле.

Самовольный удар косы Мора рассек историю на две отдельные реальности. В городе под названием Сто Лат, как прежде, правила принцесса Кели, преодолевая определенные трудности при круглосуточной поддержке Королевского Узнавателя, который получал жалованье из казны за то, что напоминал другим о существовании принцессы. Однако на внешних территориях — за равниной, в Овцепикских горах, на берегах Круглого моря и далее, до самого Края — властвовала традиционная реальность, в которой принцесса была совершенно определенно мертва, герцог стал королем, а мир неторопливо двигался вперед согласно плану, каким бы он там ни был.

Штука в том, что эти реальности существовали одновременно.

Горизонт исторических событий проходил милях в двадцати от города и пока что не бросался

в глаза. А все потому, что… скажем так… разница исторических давлений была еще не слишком велика. Но она неуклонно росла. В воздухе над сырыми капустными полями плыло мерцание и слабое потрескивание, будто там жарили кузнечиков.

Как птицы не способны изменить небо, так и люди не способны изменить историю: они лишь оставляют на ней эфемерные разводы. Малопомалу неумолимая, как айсберг, и куда более холодная настоящая реальность прокладывала себе путь обратно в Сто Лат.

* * *

Мор заметил это первым.

День выдался непростой. Скалолаз до последнего цеплялся за обледенелый выступ, а приговоренный к смертной казни обозвал Мора прихвостнем монархического режима. И только старушка ста трех лет, перешедшая в лучший мир под рыдания скорбящих родственников, улыбнулась ему и сказала, что он чуток бледноват.

Солнце Плоского мира уже клонилось к горизонту, когда Бинки устало промчался по небесам над Сто Латом и Мор, посмотрев вниз, увидел границу реальности. Она изгибалась под ним

полумесяцем светло-серебристой дымки. Мор не знал, что это такое, но у него возникло неприятное чувство, что это зрелище каким-то образом связано с ним.

Натянув поводья, он мягко направил жеребца к земле, чтобы тот опустился в нескольких ярдах от переливчатого свечения. Оно двигалось чуть медленнее пешего человека и тихонько шипело, дрейфуя, как призрак, над промозглыми капустными полями и обледенелыми сточными канавами.

Вечер выдался холодным: так бывает, когда мороз и туман, приглушая все звуки, сражаются за главенство в природе. Дыхание Бинки облачными фонтанчиками взмывало в неподвижный воздух. Он негромко заржал, как будто извиняясь, и стал ковырять землю копытом.

Мор спешился и подкрался к границе. Она тихо потрескивала. На ней мерцали затейливые узоры: они плыли, смещались и исчезали из виду.

После непродолжительных поисков он подобрал какую-то палку и опасливо ткнул ею в стену. Стена подернулась странной рябью, которая медленно разошлась кругами, а потом исчезла.

В небесах проплыла какая-то тень, и Мор поднял голову. Тень оказалась черной совой, которая

патрулировала канавы в поисках любой мелкой и писклявой добычи.

Она врезалась в границу, подняв брызги искристого тумана, и оставила на стене образованный рябью силуэт совы, который рос и ширился, пока не слился с бурлящим калейдоскопом.

После чего исчезла. Мор видел, что происходит за прозрачным барьером, и на другой стороне никакая сова определенно не появлялась. Пока он ломал голову над этой загадкой, в нескольких шагах от него беззвучно взметнулся еще один сноп искр, и вновь возникшая сова как ни в чем не бывало понеслась над полями.

Собравшись с духом, Мор шагнул сквозь барьер, который вовсе и не был никаким барьером. Было щекотно.

В следующее мгновение на эту сторону прорвался и Бинки; глаза его отчаянно вращались, за копыта цеплялись ниточки границы. Он поднялся на дыбы, как-то по-собачьи тряхнул гривой, чтобы отделаться от налипших на нее волокон тумана, и умоляюще посмотрел на Мора.

Поймав коня за уздечку, Мор погладил его по морде и пошарил в кармане, где завалялся кусочек сахара. Он чувствовал, что здесь происходит что-то важное, но пока еще не понимал, что

именно.

Между рядами сырых и угрюмых ив отыскалась дорога. Мор вскочил в седло и направил Бинки через поле в мокрую тьму под кронами.

Впереди показались огни Сто Гелита — небольшого, в общем-то, городка, — а слабое свечение ближе к горизонту обозначало, по-видимому, Сто Лат. Мор с тоской посмотрел в ту сторону.

Его тревожил барьер. Сквозь деревья Мору было видно, как он ползет через поле.

Когда он уже решил было направить Бинки обратно в небо, прямо перед ним вспыхнул теплый манящий свет. Он лился из окон какого-то высокого здания в стороне от дороги. Такой свет, должно быть, мог согреть душу в любых обстоятельствах, но сейчас, в этом месте и на фоне настроения Мора, он вызвал подлинный восторг.

Подъехав ближе, Мор увидел мелькание теней и различил обрывки какой-то песни. Это был трактир; в нем кипело веселье — по крайней мере, то, что сходило за него у крестьян, мало что видевших на своем веку, кроме капустных кочанов. После капусты за веселье сойдет что угодно.

В трактире сидели живые люди, и занимались они простыми человеческими делами: пьянствовали, например, и забывали слова песен.

Мор никогда по-настоящему не скучал по дому — потому, наверное, что голова у него постоянно была занята чем-то другим. Но сейчас на него впервые нахлынула тоска — не по месту даже, а по душевному состоянию, по обыкновенным человеческим тревогам: о деньгах, о болезнях, о близких людях…

«Надо выпить, — подумал он, — может, хоть тогда полегчает».

Сбоку от трактира были открытые стойла, и для Бинки нашлось место в теплой, напитанной конским духом темноте, где уже стояли три лошади. Развязывая торбу, Мор гадал, чувствует ли скакун Смерти то же самое по отношению к другим лошадям, которые ведут не настолько сверхъестественный образ жизни. Те настороженно разглядывали нового соседа; на их фоне он определенно смотрелся внушительно. Бинки был настоящей лошадью (о чем свидетельствовали волдыри от черенка лопаты на руках Мора), а рядом с прочими выглядел еще более настоящим. Еще более реальным. Более конским. Живее самой жизни.

На пути ко входу в трактир Мор уже готов был сделать один важный вывод, но, к сожалению, его отвлекла вывеска над дверью с низкой при-

толокой. Изготовивший ее художник не мог похвастаться особыми талантами, но название «Галава каралевы» сопровождалось безошибочно узнаваемыми контуром подбородка и огненно-рыжей копной волос Кели.

Мор со вздохом толкнул дверь.

Завсегдатаи разом оборвали свои беседы и вперились в него тем честным сельским взглядом, который недвусмысленно намекает, что чужака здесь за пару булавок огреют по башке лопатой и при луне закопают под компостной кучей.

Пожалуй, сейчас имеет смысл приглядеться к Мору повнимательней, так как за последние несколько глав в нем произошли разительные перемены. Притом что локтей и коленок у него не убавилось, они, похоже, встали на свои места, и ходит он уже не так, словно суставы его наспех стянуты эластичными резинками. Прежде он выглядел так, будто не знал ничего, а теперь выглядит так, будто знает слишком много. По его глазам можно понять, что он повидал нечто такое, чего простой смертный никогда не увидит, по крайней мере дважды.

Во всем его облике есть что-то, намекающее наблюдателям, что досаждать этому парнишке будет столь же разумно, как ворошить осиное

гнездо. Короче говоря, Мор больше не похож на добычу, которую кот сначала поймал, а потом отпустил на волю из собственного желудка.

Трактирщик ослабил хватку на рукояти толстой терновой дубинки, которая хранилась у него под стойкой как орудие усмирения, и сложил черты своего лица в нечто, напоминающее — хотя и весьма отдаленно — жизнерадостную, приветливую улыбку.

— Вечер добрый, ваша светлость, — сказал он. — Чем побалуете себя в этот морозный, заиндевелый вечерок?

— Что? — Мор, заморгал от яркого света.

— Он спрашивает: чего пить будешь? — растолковал сидящий у очага коротышка с физиономией хорька; он разглядывал Мора, как мясник — отару овец на лугу.

— М-м. Не знаю, — ответил Мор. — У вас есть звездовуха?

— Впервые о такой слышу, уважаемый.

Мор обвел взглядом лица, освещенные пламенем очага. Про таких людей обычно говорят «соль земли». Иными словами, они тверды, квадратны и опасны для здоровья. Но Мор, слишком занятый своими мыслями, не обратил на это внимания.

— А что у вас обычно заказывают?

Хозяин покосился на завсегдатаев — ловкий трюк, учитывая, что сидели они прямо перед ним.

— У нас, конечно, на первом месте укипаловка, ваша светлость.

— Укипаловка? — переспросил Мор, не замечая приглушенного хихиканья.

— Да, ваша светлость. Из яблок. Ну, в основном из яблок.

Мору подумалось, что вреда от этого не будет.

— Ладно, — сказал он. — Укипаловка так укипаловка. Мне пинту.

Пошарив в кармане, он вытащил полученный от Смерти кисет с золотом. Почти полный. Во внезапной тишине звяканье монет уподобилось громовым раскатам легендарных Медных Гонгов Лешпа, в которые штормовыми ночами бьют течения в затонувших башнях на глубине трехсот морских саженей.

— И будь добр, обслужи этих господ — подай каждому, что он пожелает, — добавил Мор.

Растроганный хором благодарностей, он даже не заметил, что его новообретенным друзьям укипаловка подается крошечными стопочками размером с наперсток, тогда как перед ним поставили деревянную кружку.

Разные легенды ходят об укипаловке: о том, как она изготавливается на гнилых болтах, согласно древним рецептам, довольно невнятно передающимся от отца к сыну. Что касается крыс, змеиных голов и свинцовой дроби — это все домыслы. А слухи о дохлых овцах — так и вообще откровенное вранье. Оставим в стороне и все вариации на тему брючной пуговицы. Зато чистая правда, что готовый напиток не должен соприкасаться с металлом: когда трактирщик, внаглую обсчитав Мора, бросил на стойку пригоршню медяков, пролитая укипаловка тут же вспенилась.

Мор понюхал и пригубил напиток. Укипаловка слегка отдавала яблоками, каким-то подобием осеннего утра, но преимущественно нижним ярусом поленницы. Однако Мор не желал показаться невежливым и приложился к своей кружке.

Завсегдатаи, затаив дыхание, не сводили с него глаз и тихо считали глотки.

Мор ощутил, что от него чего-то ждут.

— Недурно, — сказал он, — хорошо освежает. — И отхлебнул еще. — Аромат довольно своеобразный, — добавил он, — но это, я уверен, вопрос привычки.

Откуда-то сзади послышался недовольный

ропот.

— Зуб даю, разбавлена у него укипаловка-то.

— Не-е, ты же знаешь, что бывает, когда в это зелье попадет хоть капля воды.

Хозяин старался не слушать.

— Понравилось? — осведомился он у Мора примерно таким тоном, каким люди спрашивали у Святого Георгия: «Кого-кого ты убил?»

— Пикантно, — отметил Мор. — Такой ореховый привкус.

— Прошу прощения. — Трактирщик мягко высвободил кружку из пальцев Мора. Принюхался, вытер заслезившиеся глаза.

— Ыыынг, — вырвалось у него. — Ох и забориста.

Он смотрел на Мора едва ли не с восхищением. Его поразило даже не то, что этот юнец залпом выдул чуть ли не треть пинты, а то, что он сохраняет вертикальное положение и, судя по всему, не думает умирать. Трактирщик вернул ему кружку, словно вручая главный приз за победу в каком-то немыслимом состязании. Когда парнишка отхлебнул еще, кое-кто из выпивох содрогнулся. Хозяин силился понять, из чего у Мора сделаны зубы, и заключил, что из того же, из чего и желудок.

— А ты, часом, не волшебник? — поинтересовался он на всякий случай.

— Нет, простите. А что, похож?

«В том-то и дело, что нет, — подумал хозяин, — походка — не как у волшебников, да и не курит». Глаза его вновь нашли бочонок укипаловки.

Что-то здесь не так. Что-то не так с этим парнем. Какой-то он неправильный. Слишком уж… материальный.

Нелепость, конечно. Стойка — да, материальная, пол тоже, клиенты — материальнее некуда. И все же Мор, несколько смущенный и небрежно потягивающий жидкость, которой впору чистить столовые приборы, словно излучал особо мощное ощущение материальности, как будто он был реальнее всего прочего. Волосы — более волосистые, чем положено, костюм — более костюмистый, башмаки — воплощение башмачности. От одного взгляда на него раскалывалась голова.

Однако Мор в конце концов показал себя всего лишь человеком. Кружка выпала из дрогнувшей руки и со стуком запрыгала по полу, а ее содержимое тут же принялось проедать каменные плиты. Мор указывал пальцем на дальнюю стену и беззвучно ловил ртом воздух.

Завсегдатаи вернулись к беседам и угощению в

полной уверенности, что все идет своим чередом; поведение Мора теперь выглядело совершенно нормальным. Убедившись, что его зелье реабилитировано, трактирщик потянулся через стойку и дружески похлопал Мора по плечу.

— Все путем, — бросил он. — Она часто так людей врасплох застает, но это ничего, всего-то голова месячишко поболит, но капелька укипаловки — и все как рукой снимет.

Это факт: в случае похмелья от укипаловки лучше всего выбивать клин клином, хотя в данном случае вместо слова «клин» уместнее будет «тесак», а то и «бензопила».

Но Мор, продолжая тыкать пальцем в ту же сторону, дрожащим голосом выговорил:

— Разве вы не видите? Она проходит сквозь стену! Она проходит прямо сквозь стену!

— После первого глотка укипаловки много чего проходит сквозь стену. Обычно — зеленые волосатые чудища.

— Эта дымка! Слышите, шипит?

— Дымка шипит, говоришь? — Хозяин посмотрел на голую стену, совершенно не таинственную и примечательную разве что клочьями паутины. Однако его взбудоражила тревога Мора. Он бы предпочел нормальных чешуйчатых тварей. С

ними хоть понятно что делать.

— Она движется прямо через зал! Неужели вы не чувствуете?

Завсегдатаи переглянулись. Мор повергал их в смятение. Впоследствии кое-кто клялся, будто ощутил какое-то ледяное покалывание, — впрочем, возможно, дело было просто в несварении желудка.

Мор попятился и ухватился за стойку. На миг его бросило в дрожь.

— Послушай, — сказал трактирщик, — шутки шутками, но…

— На тебе же перед этим была зеленая рубаха!

Хозяин опустил глаза. Теперь в его голосе зазвенели нотки ужаса.

— Перед чем? — проблеял он. Не успела его рука завершить свое тайное движение к терновой дубинке, как Мор перемахнул через стойку и ухватил его за фартук.

— У тебя ведь есть зеленая рубаха? — выкрикнул он. — Я сам видел — с мелкими желтыми пуговками!

— Ну да. Рубашек у меня целых две. — Трактирщик попытался подтянуться. — Чай, не голодранец какой-нибудь, — добавил он. — Просто сегодня я другую надел.

Ему не хотелось знать, как этот юнец разнюхал про пуговицы.

Отпустив трактирщика, Мор повернулся на сто восемьдесят градусов.

— Люди сидят на других местах! Где тот, кто сидел у очага? Все изменилось!

Он выскочил за дверь, и снаружи донесся приглушенный крик. Мор с вытаращенными глазами вбежал обратно и обратился к перепуганной толпе:

— Кто сменил вывеску? Кто-то поменял вывеску!

Трактирщик нервно облизнул пересохшие губы.

— После смерти старого короля, что ли?

Под взглядом Мора он похолодел. Глаза юноши превратились в черные озерца ужаса.

— Я о названии!

— Мы не… оно всегда такое было, — выдавил хозяин, отчаянно глядя на посетителей в поисках поддержки. — Верно, мужики? «Голова герцога».

Толпа ответила утвердительным бормотанием.

Мор задерживал взгляд на каждом по очереди; его заметно трясло. Потом он развернулся и вновь бросился на улицу.

Во дворе застучали копыта; цоканье постепенно ослабевало и вскоре оборвалось, будто лошадь просто-напросто исчезла с лица земли.

В трактире стояла мертвая тишина. Все избегали встречаться глазами. Никто не хотел первым признаваться, что он только что видел то, что, кажется, видел.

Поэтому право нетвердым шагом пересечь зал, протянуть руку и пробежаться пальцами по знакомым, ободряюще гладким доскам предоставили хозяину. Дверь была целой и невредимой — такой, какой и должна быть дверь.

Все видели, как Мор трижды сквозь нее пробежал. И ни разу при этом ее не открыл.

* * *

Бинки изо всех сил набирал высоту. Он поднимался почти вертикально, молотя копытами воздух; пар валил у него из ноздрей и кудрявился позади. Зарываясь лицом в конскую гриву, Мор держался коленями и руками, но в основном силой воли. Он отважился посмотреть вниз лишь тогда, когда воздух сделался холодным и пустым, как похлебка в работном доме.

В зимнем небе у него над головой беззвучно мерцало центральное сияние. А внизу серебри-

лось под лунным светом…

…перевернутую плошку диаметром во множество миль. Сквозь нее виднелись огни. Сквозь нее проплывали облака.

Нет. Мор вгляделся повнимательней. Облака определенно заплывали внутрь, и внутри плошки тоже плыли облака, но там они были клочковатее, двигались в другом направлении и вообще, похоже, никакого отношения не имели к тем, что оставались снаружи. И было что-то еще… ах да, центральное сияние. Из-за него тьма вне призрачной полусферы имела легкий зеленоватый оттенок, но под куполом от него не оставалось и следа.

Впечатление было такое, будто Мор смотрел на частицу другого, почти идентичного мира, пересаженную на Диск. Там, внутри, погода была немного иная, и сияние не освещало ночь.

И Диск отторгал эту частицу, обступал ее со всех сторон и стремился вытолкнуть в небытие. Мору не дано было увидеть сверху, как она сжимается, однако его внутренний слух улавливал саранчовое потрескивание границы, которая ползла по земле, делая все на своем пути таким, каким ему полагалось быть. Реальность исцеляла сама себя.

Мор точно знал, кто находится в центре купола.

Даже с такой высоты было видно, что сердцем ему служит Сто Лат.

Он пытался гнать от себя мысли о том, что случится, когда купол сожмется до размеров комнаты, затем до размеров человека, до размеров яйца. Но тщетно.

Логика могла бы подсказать Мору, что в этом и кроется его спасение. Через пару дней все образуется само собой: книги из библиотеки вновь будут правы; мир, подобно эластичному бинту, вернется в прежнее состояние. Логика могла бы подсказать ему, что вторичное вмешательство лишь усугубит положение. Все это могла бы подсказать ему Логика, если бы не взяла отгул именно в эту ночь.

* * *

Свет в Плоском мире распространяется довольно медленно: скорость его гасится сильнейшим магическим полем, и поскольку в данный момент та часть Края, где находился остров Крулл, проходила непосредственно под орбитой маленького солнца, там все еще стоял ранний вечер. Было довольно тепло, поскольку Краю достается больше солнечных лучей, благодаря чему он наслаждается мягким приморским климатом.

На самом деле Круллу, значительная часть которого (за неимением лучшего слова назовем ее береговой полосой) выступает за пределы Края, очень повезло. Те коренные крулльцы, которые этого не ценили, относились либо к тем, кто не смотрит, куда идет, либо к лунатикам, а потому благодаря естественному отбору таковых осталось немного. В любом социуме есть процент людей, выпадающих из структуры общества, но на Крулле если уж ты из нее выпал, то обратно уже не вернешься.

Терпсик Мимс к выпавшим не относился. Он относился к рыболовам. Разница была в том, что рыбалка — более дорогое удовольствие. Но Терпсик был счастлив. Наблюдая, как в ласковых тростниковых заводях реки Хакрулл покачивается перышко поплавка, он почти ничем не загружал свой ум. Единственное, что могло вывести его из равновесия, — это клев. Момент подсечки рождал в нем неподдельный ужас. Рыбины, холодные и склизкие, метались и действовали ему на нервы, а нервы у Терпсика и без того были ни к черту.

До тех пор, пока у Терпсика Мимса не было клева, он принадлежал к числу счастливейших удильщиков Плоского мира, поскольку река

Хакрулл протекала в пяти милях от его дома и, следовательно, от госпожи Гвлэдис Мимс, с которой он вкусил шестимесячное счастье супружеской жизни. С той поры минуло без малого двадцать лет.

Когда кто-то устроился с удочкой выше по течению, Терпсик не огорчился. Разумеется, некоторых его собратьев-рыбаков возмутило бы такое нарушение приличий, но у Терпсика был свой взгляд на вещи: все, что снижало его шансы поймать проклятущую рыбину, полностью его устраивало. Сейчас он краем глаза заметил, что незнакомец ловит на мушку: занятие, спору нет, увлекательное, но Терпсику оно не подходило, поскольку для подготовки оснастки нужно было проводить дома слишком много времени.

Такой способ ловли на мушку он увидел впервые. Бывают мушки тонущие, бывают не тонущие, а эта вгрызалась в воду с воем циркулярной пилы и возвращалась с уловом.

Не в силах оторваться от этого жуткого зрелища, Терпсик наблюдал, как скрытая за ивами фигура забрасывает удочку снова и снова. Вода вскипала: все рыбьи стаи торопились убраться с пути этого жужжащего кошмара. И надо же было такому случиться: здоровенная, совершенно

обезумевшая щука в смятении заглотила крючок Терпсика.

Только что он спокойно стоял на берегу, а в следующий миг рухнул в зеленый обволакивающий сумрак, где его дыхание всплывало пузырями, а перед мысленным взором раскручивалась вся жизнь, и даже сейчас, идя на дно, он страшился увидеть отрезок между днем свадьбы и настоящим временем. Ему пришло в голову, что Гвлэдис вот-вот останется вдовой, и эта мысль его немного приободрила. Вообще говоря, Терпсик во всем старался видеть позитивное начало и теперь, блаженно погружаясь в ил, вдруг осознал, что отныне его существование будет меняться только к лучшему…

Но чья-то рука схватила его за волосы и вытащила на поверхность, поразительно полную боли. Перед глазами плыли мерзкие иссиня-черные кляксы. Легкие горели. В горле угнездилась агония.

Руки — холодные, просто ледяные, на ощупь похожие на перчатки, набитые игральными костями, — протащили его по воде и швырнули на берег, где, невзирая на смелые попытки Терпсика продолжить тонуть, грубой силой заставили его вернуться к тому состоянию, которое он вынуж-

ден был называть своей жизнью.

Злился Терпсик редко, потому как Гвлэдис этого не терпела. Но сейчас он чувствовал себя обманутым. Его родили, не спросив, женили стараниями Гвлэдис и ее папаши, а единственное значительное достижение, которое принадлежало ему лично, теперь грубо вырвали у него из рук. Несколько мгновений назад все было так просто. А сейчас опять усложнилось.

И ведь не сказать, что он искал смерти. В вопросах самоубийства боги чрезвычайно суровы. Он просто не хотел, чтобы его спасали.

Сквозь маску из водорослей и слизи он красными глазами вперился в нависающую над ним фигуру и вскричал:

— Зачем было меня спасать?

Ответ вызвал у него тревогу. Хлюпая к дому, Терпсик обдумывал услышанное. Эти слова маячили у него на задворках сознания, пока Гвлэдис бранилась последними словами из-за его перепачканной одежды. Они сновали у Терпсика в голове, пока он отогревался у печки и чихал, сгорая со стыда, потому как болезней его Гвлэдис тоже не терпела. Потом он лежал в ознобе на холодной постели, а слова айсбергом вторгались в его сны. В горячечном бреду он то и дело бор-

мотал: «Как это понимать: „ОСТАНЕШЬСЯ НА ПОТОМ“?»

* * *

В городе Сто Лате пылали факелы. Целым взводам солдат было велено следить, чтобы огни не гасли. Улицы сияли. Шипящее пламя отгоняло тени, которые на протяжении веков спокойно занимались своими ночными делами. Факелами освещались даже древние закоулки, где из глубины крысиных нор поблескивали удивленные глазки. Факелы заставляли воровскую братию отсиживаться по домам. Факелы полыхали в ночных туманах, создавая желтое зарево, которое затмевало даже холодные языки небесного огня, струящиеся от Пупа. Но преимущественно они озаряли лицо принцессы Кели.

Это лицо было повсюду. Оно занимало собой каждый сантиметр любой плоской поверхности. Бинки галопом скакал по освещенным улицам мимо портретов принцессы Кели на дверях, стенах и фронтонах. Мор изумленно взирал на плакаты с изображением своей возлюбленной, висевшие везде, куда их только смогли приклеить рабочие.

Самым удивительным было то, что никто, по-

хоже, не обращал на портреты особого внимания. Хотя ночная жизнь Сто Лата не могла похвалиться такой колоритностью и насыщенностью, как жизнь Анк-Морпорка (куда уж простой корзине для бумаг соперничать с муниципальной свалкой), улицы тем не менее кишели народом и звенели от криков менял, игроков, торговцев сладостями, наперсточников, дамочек легкого поведения, карманников и редких честных торговцев, которые забрели сюда по ошибке и теперь не могли даже собрать денег на обратную дорогу. Пока Мор, проезжая верхом сквозь эти толпы, улавливал обрывки фраз на полудюжине разных наречий, к нему приходило безмолвное осознание того факта, что все они ему понятны.

Наконец он спешился и повел коня по Стенной улице, безнадежно пытаясь отыскать дом Кувыркса. И нашел его лишь благодаря тому, что под ближайшим плакатом обнаружился пузырь, который приглушенно ругался.

Осторожно протянув руку, Мор отвел в сторону полоску бумаги.

— Благодарфтвую, — сказала дверная колотушка в виде горгульи. — Не пофавидуефь, да? В одну минуту ты горя не знаефь, а в фледуюфую у тебя полон рот клейфтера.

— Где Кувыркс?

— В фамок перефелилфя. — Ухмыльнувшись Мору, колотушка подмигнула чугунным глазом. — Прифли какие-то типы и уволокли его вефи. А потом какие-то другие типы нафали лепить куда ни попадя портреты его подруфки. Фволофи, — добавила она.

Мор залился краской.

— Его подружки?

Горгулья, поскольку была сродни демонам, захихикала. Будто ногтем провели по слесарной пиле.

— Ага, — подтвердила она. — К твоему фведению, они, похофе, очень фпефили.

Мор уже вскочил на Бинки.

— Эй, мальфик! — прокричала горгулья ему в спину. — Мальфик! Мофет, отдерефь ф меня эту дрянь?

Поводья натянулись так резко, что конь встал на дыбы и, пятясь, заплясал по брусчатке. Не спешиваясь, Мор нагнулся и ухватился за дверное кольцо. Горгулья взглянула в его лицо и вдруг ощутила себя весьма перепуганной колотушкой. Глаза Мора сверкали, как два тигля, от лица шел жар, будто из раскаленной топки, а голос мог плавить железо. Горгулья не знала, на что он

способен, и предпочла бы вовек этого не знать.

— Как ты меня назвала? — прошипел Мор.

Горгулья соображала быстро.

— Гофподин? — нашлась она.

— А о чем ты просила?

— Отодрать ф меня эту дрянь?

— Не дождешься.

— Ну и флавненько, — зачастила колотушка, — флавненько. Не вофрафаю. Офтавим так.

Она проводила Мора взглядом и, содрогнувшись от облегчения, непроизвольно стукнула в дверь кольцом.

— Чу-у-уть не вли-и-ипли, — проскрипела одна из петель.

— Рот факрой!

* * *

Мор оставил позади нескольких ночных стражников, чья работа, по всей видимости, заключалась теперь в том, чтобы звонить в колокольчики и выкрикивать имя принцессы, но как-то неуверенно, будто с трудом припоминая. Он не обратил на них внимания, потому что слушал другие голоса — у себя в голове:

«Она и видела-то тебя всего раз, дуралей. С какой стати ей о тебе задумываться?»

«Да, но я как-никак спас ей жизнь».

«Но эта жизнь принадлежит ей. А не тебе. К тому же он — волшебник».

«И дальше что? С девушками гулять волшебникам не положено, они же дают это… обед бездрачия…»

«Обед бездрачия?»

«Ну, им не положено, это самое…»

«Что, совсем никакого этого самого?» — внутренний голос, похоже, ухмылялся.

«Считается, что это вредит магическим способностям», — с горечью подумал Мор.

«В интересном же месте у них хранятся магические способности».

Мор был неприятно поражен.

«А ты кто такой?» — требовательно спросил он.

«Я — это ты, Мор. Твой внутренний голос».

«В таком случае мне бы хотелось, чтобы я убрался из моей головы, а то мне и одному тут тесно».

«Как скажешь, — ответил голос, — я просто помочь хотел. Но помни, если тебе когда-нибудь понадобишься ты, то ты всегда рядом».

Голос затих.

«Что ж, — мрачно подумал Мор, — похоже, это действительно был я. Ведь я — единственный,

кто называет меня Мором».

Он был ошеломлен этим открытием и не осознал, что, погрузившись во внутренний монолог, проехал через замковые ворота. Разумеется, люди проезжали через них каждый день, но большинству требовалось, чтобы ворота были открыты.

Стражники по другую сторону ворот застыли от ужаса, подумав, что увидели привидение. Они ужаснулись бы куда сильнее, если бы знали, что это было никакое не привидение, а почти полная его противоположность.

Стражник у входа в главный зал тоже видел, как это произошло, но у него, по крайней мере, было время собраться с мыслями — теми, что остались, — и копьем преградить дорогу пересекающему внутренний двор Бинки.

— Стой, — прохрипел страж. — Стой. Кто зачем и ты пришел?

Мор заметил его только сейчас.

— Что-что? — переспросил он, все еще погруженный в свои мысли.

Облизнув пересохшие губы, стражник попятился. Мор соскочил с седла и шагнул к нему.

— Я спрашиваю: кто пришел и ты зачем? — сделал новую попытку стражник с той смесью настырности и самоубийственной глупости, ко-

торая немало способствовала его продвижению по службе.

Мор мягким движением отвел копье от двери. В этот миг ему на лицо упал свет факела.

— Мор, — тихо представился он.

Любому нормальному стражнику этого хватило бы с лихвой, но на посту стоял готовый кандидат в офицеры.

— Отвечай: друг ты или враг? — запинаясь, потребовал он, стараясь не смотреть Мору в глаза.

— А какой вариант тебе больше нравится? — ухмыльнулся в ответ Мор. Это была еще не совсем та ухмылка, которую ему случалось видеть на лице учителя, но уже вполне действенная, без тени юмора.

Стражник облегченно выдохнул и отступил в сторону.

— Проходи, друг, — сказал он.

Мор широкими шагами устремился через главный зал к лестнице, ведущей в королевские покои. Со времени его последнего визита зал изменился до неузнаваемости. Повсюду висели портреты Кели; они заменили даже ветхие от времени боевые знамена под сумрачными высокими сводами. Нельзя было и пары шагов пройти, чтобы не наткнуться на очередной портрет.

Какой-то уголок сознания Мора задавался вопросом: «Зачем так много?», другой думал только о мерцающем куполе, неуклонно смыкающемся над городом, однако большая часть его сознания представляла собой горячее, клубящееся облако гнева, недоумения и ревности. Права была Изабель, подумал он, не иначе как это любовь.

— Мальчик-который-проходит-сквозь-стены!

Он вздрогнул и поднял голову. На верхней площадке лестницы стоял Кувыркс.

Волшебник тоже сильно изменился, с горечью отметил Мор. Хотя как посмотреть… При том, что на нем была расшитая блестками черная с белым мантия и остроконечная шляпа высотой в ярд, украшенная таким количеством загадочных символов, какого не насчитаешь и на стоматологической карте; при том, что его красные сафьяновые башмаки с закрученными, как улитки, носами сверкали серебряными пряжками, на воротнике Кувыркса все равно виднелись жирные пятна, а сам он, похоже, даже сейчас что-то жевал.

Он не спускал глаз с Мора, пока тот поднимался по ступеням.

— Ты никак злишься? — спросил он. — Я начал работать над твоим вопросом, но тут навали-

лась масса других дел. Очень трудно проходить сквозь… Почему ты так на меня смотришь?

— Что ты здесь делаешь?

— Я могу адресовать такой же вопрос тебе. Клубники хочешь?

Мор скользнул взглядом по маленькому лукошку в руках волшебника.

— Среди зимы?

— На самом деле это мелкие кочанчики капусты, приправленные волшебством.

— А на вкус — как клубника?

Кувыркс вздохнул.

— Нет, капуста капустой. Заклинание не очень действенное. Я хотел чем-нибудь порадовать принцессу, а она ими в меня запустила. Не пропадать же добру. Угощайся.

Мор не поверил своим ушам.

— Она запустила ими в тебя?

— И, к сожалению, очень метко. До чего же решительная юная особа.

«Привет, — произнес голос из глубин сознания Мора, — это опять ты: напоминаю себе о ничтожно малой вероятности того, что принцесса допускает возможность вашего с этим типом знакомства».

«Иди отсюда», — подумал Мор. Подсознание

вызывало у него тревогу. Похоже, оно наладило прямую связь с теми частями тела, о которых ему сейчас меньше всего хотелось вспоминать.

— Так все-таки, что ты тут делаешь? — только и спросил он вслух. — Это как-то связано с портретами?

— Богатая идея, верно? — просиял Кувыркс. — Я собой горжусь.

— Прости, — слабым голосом ответил Мор. — День выдался тяжелый. Кажется, мне надо присесть.

— В Тронном зале можно. Там в ночные часы никого не бывает. Все спят.

Мор кивнул, а потом настороженно взглянул на молодого волшебника.

— А ты почему не спишь?

— Эм-м-м, — замялся Кувыркс, — эм-м-м… в общем, решил взглянуть, не завалялось ли чего-

нибудь в кладовой. — Он пожал плечами[8].

Надо сказать, Кувыркс тоже замечает, что Мор — даже изнуренный скачкой и недосыпом Мор — будто бы светится изнутри и приобрел странным образом не соотносящийся с физическими параметрами исполинский рост. Разница заключается в следующем: благодаря своему образованию Кувыркс более догадлив, чем многие другие, и понимает, что в оккультных вопросах самый очевидный ответ, как правило, ошибочен.

Мор способен рассеянно проходить сквозь стены и пить убийственно крепкую укипаловку, которая делает женщин вдовами, оставаясь при этом трезвым, — но вовсе не потому, что он превращается в привидение, а потому, что становится опасно реальным.

---

[8] Примечания: 8

Там завалялись полбанки престарелого майонеза, кусок очень старого сыра и помидор с белой плесенью на боку. Поскольку днем дворцовая кладовая города Сто Лата, как правило, содержала пятнадцать оленьих туш, связку из сотни куропаток, пятьдесят бочек масла, двести котелков зайчатины, семьдесят пять говяжьих боков, пару миль всевозможных колбас, разнообразные сорта дичи, восемьдесят дюжин яиц, несколько осетров из Круглого моря, тазик икры и фаршированную оливками слоновью ногу, Кувыркс лишний раз убедился в том, что одно из универсальных проявлений неприрученной природной магии, действующее в масштабах всей вселенной, таково: любое хранилище домашних припасов, как бы ни ломились днем его полки, во время тайного ночного визита сможет предложить тебе лишь полбанки престарелого майонеза, кусок очень старого сыра и помидор с белой плесенью на боку.

Если юноша, идя безмолвными коридорами, спотыкается и, сам того не замечая, преодолевает толщу мраморной колонны, то довольно очевидно, что, с его точки зрения, это мир становится довольно-таки эфемерным.

— Ты только что прошел сквозь мраморную колонну, — прокомментировал Кувыркс. — Как тебе это удалось?

— В самом деле? — Мор оглянулся. Колонна выглядела прочной. Он ткнул в нее локтем и заработал легкий ушиб.

— Клянусь, ты прошел сквозь мрамор, — заверил Кувыркс. — Волшебники такое замечают. — С этими словами он сунул руку в карман мантии.

— В таком случае ты, наверное, заметил и туманный купол над страной?

Кувыркс странно пискнул. У него из рук выпала банка и разбилась о каменные плиты; запахло слегка прогорклым майонезом.

– Уже?

— Не знаю, как насчет «уже», — сказал Мор, — но по земле скользит какая-то потрескивающая стена, причем никого это, похоже, не волнует, а ведь она…

— И быстро она движется?

— …она все меняет!

— Ты сам это видел? Она сейчас далеко? Как быстро движется?

— Разумеется, видел. Я дважды проскакал ее насквозь. Это было как…

— Но ты ведь не волшебник, так почему…

— И все-таки, что ты здесь…

Кувыркс набрал полную грудь воздуха.

— Заткнулись все! — завопил он.

Воцарилось молчание. Потом волшебник схватил Мора за руку.

— Идем, — приказал он и потащил его обратно по коридору. — Не знаю, кто ты такой на самом деле — надеюсь, у меня будет возможность однажды это выяснить, — но скоро случится нечто жуткое, и, думаю, ты как-то с этим связан.

— Нечто жуткое? Когда?

— Это зависит от того, где находится пограничная стена и с какой скоростью она движется, — ответил Кувыркс, увлекая Мора в боковой коридор. Когда они оказались перед низкой дубовой дверцей, он отпустил руку Мора и, вновь порывшись в кармане, извлек на свет твердокаменный кусочек сыра и неприятно мягкий помидор.

— Будь другом, подержи. Вот спасибо.

В очередной раз исследовав тот же карман, он вытащил ключ, чтобы отпереть дверцу.

— Эта штука ведь убьет принцессу? — спросил Мор.

— Да, — ответил Кувыркс, — и в то же время нет. — Он помолчал, держась за дверную ручку. — Ты обнаружил завидную проницательность. Как ты догадался?

— Я… — замялся Мор.

— Она поведала мне очень странную историю, — сообщил Кувыркс.

— Не сомневаюсь, — сказал Мор. — Если эта история была неправдоподобна, значит, она правдива.

— Ты — это он и есть, да? Помощник Смерти?

— Да. Впрочем, сейчас я не на службе.

— Рад слышать.

Кувыркс захлопнул дверь и завозился в поисках свечи. Раздался хлопок, полыхнуло голубым, и кто-то заскулил.

— Извини. — Кувыркс пососал обожженные пальцы. — Огненное заклинание. Не дается оно мне — и все тут.

— Ты ведь ожидал появления этого купола, верно? — с горячностью спросил Мор. — Что будет, когда нас накроет?

Волшебник медленно опустился на недоеденный сэндвич с беконом.

— Точно не знаю, — сказал он. — Тем интереснее будет понаблюдать. Но лучше не изнутри. *Мне* кажется, что прошлой недели просто не случится.

— Принцесса скоропостижно умрет?

— Ты не понимаешь. Она будет мертва уже неделю. Всего вот этого, — он неопределенно развел руками, — не произойдет. Убийца сделает свое дело. Ты — свое. История сама себя исцелит. Все встанет на свои места. С точки зрения Истории, естественно. На самом деле никакой другой точки зрения не существует.

Мор смотрел в узкое окошко. Оттуда был виден внутренний двор, а за ним — освещенные улицы, где улыбались небу портреты принцессы.

— Расскажи мне об этих портретах, — попросил Мор. — Похоже, без волшебства тут не обошлось.

— Не уверен, что это работает. Понимаешь, люди начали тревожиться, а почему — не знали, и это только усугубляло положение. Рассудком они находились в одной реальности, а телесно — в другой. Крайне неприятно. Они никак не могли свыкнуться с мыслью, что принцесса еще жива. Я думал, что портреты помогут, но дело в том, что люди просто не видят того, чего, по мнению их рассудка, не может быть.

— Это я и сам мог бы тебе сказать, — с горечью заметил Мор.

— Днем я выгонял на улицы глашатаев, — продолжал Кувыркс. — Мне казалось, что стоит только людям поверить в существование принцессы — и новая реальность станет единственной настоящей.

— М-м-м-м? — Мор оторвался от окна. — В каком смысле?

— Ну, видишь ли… Я полагал, что если достаточно большое количество людей поверит, что принцесса жива, они смогут изменить реальность. С богами это работает. Как только люди перестают верить в бога, он умирает. А если в него верят многие, он становится сильнее.

— А я и не знал. Я думал, боги — это просто боги.

— Они не любят, когда об этом болтают, — сказал Кувыркс, роясь в грудах книг и пергаментов на своем рабочем столе.

— Что ж, возможно, для богов это и так, они ведь особенные, — ответил Мор. — А вот люди… более материальны. С людьми так не получится.

— Ты неправ. Допустим, ты выйдешь отсюда и начнешь слоняться по замку. Скорее всего, тебя заметит кто-нибудь из стражников, решит, что

ты — воришка, и выстрелит из арбалета. Так вот, в его реальности ты останешься воришкой. На самом деле это неправда, но мертв ты будешь точно так же, как если бы это было правдой. Вера — мощная штука. Я волшебник. Мы на таких вещах собаку съели. Смотри сюда.

Он вытащил из книжного завала какой-то фолиант и раскрыл его на странице, заложенной ломтиком бекона. Заглянув ему через плечо, Мор нахмурился при виде затейливого магического письма. Строки двигались по странице, вертелись, извивались, лишь бы их не прочитал тот, кто не является волшебником, и тем самым создавали пренеприятнейший эффект.

— Что это? — спросил Мор.

— «Книга магии» Альберто Малиха по прозванию Мудрый, — объяснил волшебник, — что-то вроде учебника по теории волшебства. Не советую слишком пристально вглядываться в слова: они этого не выносят. Вот послушай, тут говорится…

Кувыркс беззвучно зашевелил губами. На лбу его выступили бусины пота, которые решили дружной компанией сгонять вниз и посмотреть, как дела у носа. Глаза начали слезиться.

Есть люди, которые любят устроиться в кресле

с увлекательной книгой. Однако ни один человек в здравом уме и твердой памяти не захочет коротать время с книгой по магии, потому что в них даже отдельные слова обладают скрытным и мстительным нравом; если коротко, то чтение такого тома подобно ментальной индийской борьбе. Не один начинающий волшебник пытался прочесть гримуар, который был ему не по силам, и люди, прибегавшие на вопли, находили только остроносые башмаки, от которых поднимался классический кудрявый дымок, да еще книгу, ставшую, быть может, чуть-чуть толще. В волшебных библиотеках с теми, кто дерзнул пролистать какой-нибудь фолиант, случаются такие вещи, по сравнению с которыми отрывающие тебе лицо щупальца тварей из Подземельных Измерений — все равно что руки массажиста.

По счастью, Кувырксу принадлежало адаптированное издание, в котором наиболее жуткие страницы были скреплены специальными зажимами (хотя тихими ночами он слышал, как слова-узники раздраженно скребутся в своей темнице, словно паук в спичечном коробке; кому доводилось сидеть рядом с обладателем аудиоплеера, тот отчетливо представит себе этот звук).

— Вот этот фрагмент, — указал Кувыркс. — Тут сказано, что даже боги…

— Я его уже видел!

— Кого?

Мор ткнул в книгу дрожащим пальцем.

— Его!

Недоверчиво покосившись на Мора, Кувыркс пристально изучил левую страницу разворота. На ней помещалась иллюстрация с изображением пожилого волшебника, который с достигавшей чуть ли не терминальной стадии горделивостью держал в руках свечу и книгу.

— К магии это не относится, — брюзгливо сказал Кувыркс. — Это всего лишь портрет автора.

— А что написано внизу?

— Э-э. Здесь говорится: «Буде ты с охотой прочтешь сию книгу и пожелаешь узреть и прочие труды, вышедшие из-под пера…»

— Нет, я имею в виду — под самой картинкой!

— А, тут все просто. Это сам старик Малих. Знаком каждому волшебнику. Основатель Университета как-никак. — Кувыркс хохотнул. — Там в главном зале стоит его знаменитая статуя — так вот, как-то раз во время Развеселой Недели я на нее залез и нацепил…

Мор не отрываясь смотрел на изображение.

— Слушай, — тихо произнес он, — у той статуи с носа, случайно, не свисала капля?

— Вроде нет, — ответил Кувыркс. — Статуя была мраморная. Не пойму только: с чего ты так разволновался? Многие знают, как он выглядел. Заменитость как-никак.

— Он ведь жил очень давно, правда?

— Где-то две тысячи лет назад, кажется. Слушай, я не знаю, с чего…

— Спорим, он не умер, — заявил Мор. — Спорим, однажды он просто исчез. Я прав?

Некоторое время Кувыркс хранил молчание.

— Любопытно, что ты об этом заговорил, — медленно начал он. — Я слышал такую легенду. Он вроде как творил очень странные вещи. Говорят, он пытался провести обряд АшкЭнте задом наперед, и его утянуло в Подземельные Измерения. И осталась от него только шляпа. Грустно, если подумать. Весь город на сутки погрузился в траур из-за какой-то шляпы. Даже не очень красивой — опалило ее изрядно.

— Альберто Малих… — проговорил Мор, обращаясь отчасти к самому себе. — Надо же. Подумать только.

Он побарабанил пальцами по столу, но звук получился странно приглушенным.

— Прости, — промямлил Кувыркс. — До сих пор не приноровился готовить сэндвичи с патокой.

— Мне показалось, что пограничная стена движется со скоростью медленно идущего человека, — сказал Мор, рассеянно облизывая пальцы. — А ее нельзя остановить силой магии?

Кувыркс покачал головой.

— Лично я не смогу. Меня расплющит в лепешку, — жизнерадостно пояснил он.

— И что же с тобой будет, когда она досюда доберется?

— Вернусь к прежней жизни на Стенной улице. Точнее, окажется, что я оттуда и не съезжал. Всего этого не случится. Жаль, конечно. Готовят здесь весьма недурно, белье стирают бесплатно. Кстати, как далеко, ты говорил, от нас сейчас стена?

— Милях в двадцати.

Закатив глаза к небесам, Кувыркс зашевелил губами. И в конце концов подытожил:

— Значит, она доберется сюда завтра, около полуночи, аккурат к моменту коронации.

— Чьей коронации?

— Принцессы.

— Но ведь она уже королева, разве нет?

— В известном смысле — да, но официально ею не станет, пока не будет коронована. — Кувыркс

усмехнулся; на его лице в свете свечи дрожали теневые узоры. — Если угодно, рассмотри такое сравнение: «перестать жить» и «умереть» — не одно и то же, согласись.

Двадцать минут назад Мор так изнемогал от усталости, что готов был пустить корни. Но теперь в нем бурлила кровь. Это была та бешеная ночная энергия, за которую неизбежно приходится расплачиваться на следующий день, однако прямо сейчас ему необходимо было к чему-нибудь себя приложить, иначе его мышцы полопались бы от прилива жизненных сил.

— Я хочу ее увидеть, — сказал он. — Если ты ничего не можешь сделать, то, может, у меня что-нибудь получится.

— Ее покои охраняет стража, — сообщил Кувыркс. — Но это так, замечание. Ни минуты не сомневаюсь, что стражники помехой не станут.

* * *

На Анк-Морпорк опустилась полночь; в этом великом двойном городе ночь и день отличались лишь тем, что ночью было, ну, темнее. На рынках не утихала суета; зеваки плотной толпой окружали бордели; проигравшие в вечной и запутанной борьбе городских банд медленно погружались в

холодные воды реки со свинцовыми гирями на ногах; поставщики множества незаконных, а то и нелогичных, удовольствий обстряпывали свои скользкие делишки; грабители грабили; ножи отражали звездный свет в темных переулках; астрологи только-только приступали к работе; а заплутавший в Тенях стражник, звоня в колокольчик, выкрикивал: «Двенадцать ночи, и все споку-у-уй...»

Однако в Торговой палате Анк-Морпорка не рады были бы услышать, что вся разница между их городом и болотом — в количестве ног у аллигаторов, и действительно, стоит признать, что в более престижных районах Анка, расположенных в основном на холмах, где есть хоть какой-то шанс уловить дуновение ветерка, ночи нежны и полнятся ароматами губискуса и мигнулии.

Правда, в эту ночь по воздуху плыл еще и запах селитры: патриций, отмечавший десятую годовщину своего вступления в должность[9], созвал к себе пропустить по стаканчику немногочисленных — на сей раз всего лишь полтысячи

---

[9] Примечания: 9

Анк-Морпорк, испробовав на себе разные формы правления, остановился на форме демократической власти, известной как «Один Человек — Один Голос». Этим Человеком был патриций; Голос принадлежал ему.

— друзей и устроил фейерверк. Дворцовые парки оглашались раскатами хохота, а кое-где и нутряным ревом страсти; празднество достигло той любопытной стадии, когда все уже выпили больше, чем стоило бы, но еще не падают с ног. В этом состоянии гость творит такое, о чем до скончания века будет вспоминать со жгучим стыдом: скажем, дует в бумажную дуделку и гогочет до рвоты.

В данный момент, например, сотни две гостей патриция, спотыкаясь и дрыгая ногами, отплясывали Змеиный танец; эта самобытная морпоркская народная забава требовала, чтобы каждый основательно набравшийся гость ухватился за пояс впереди стоящего и тем самым сросся с туловищем длинного крокодила, дабы с вихлянием и гоготом прошлепать по максимально большому числу помещений (желательно изобилующих хрупкими предметами), вскидывая то одну, то другую ногу приблизительно в такт музыке, а если не получится, то в такт чему-нибудь другому. Танец длился уже с полчаса и не обошел стороной ни одно помещение, по пути вобрав двух троллей, повара, главного палача патриция, троих подавальщиков, просто проходившего мимо грабителя и мелкого ручного

болотного дракончика.

Примерно в середине крокодилова туловища колыхался упитанный лорд Родли Щеботанский, наследник обширных владений, которому сейчас более всего досаждали тонкие пальцы, впившиеся в поясницу. Затопленные алкоголем извилины пытались привлечь внимание хозяина.

— Послушай, — сказал лорд через плечо, когда они в десятый — уморительно смешной — раз пересекали огромную кухню, — нельзя ли ослабить хватку?

—

ПРИНОШУ СВОИ ГЛУБОЧАЙШИЕ ИЗВИНЕНИЯ.

— Ничего страшного, старина. Мы знакомы? — Лорд Родли энергично, хотя и запоздало, взбрыкнул.

— ЭТО МАЛОВЕРОЯТНО. МОЖЕШЬ ЛИ ТЫ РАССКАЗАТЬ МНЕ, В ЧЕМ СМЫСЛ ЭТОГО ЗАНЯТИЯ?

— Что-что? — Лорд Родли перекрикивал веселое гиканье, которым было встречено попадание чьей-то ноги в дверцу застекленного шкафчика.

— ЧТО МЫ ТАКОЕ ДЕЛАЕМ? — с холодной терпеливостью спросил голос.

— Неужто на пирушках бывать не приходилось? Осторожно, кстати: под ногами стекло.

— К СОЖАЛЕНИЮ, Я НЕ ТАК ЧАСТО ВЫХОЖУ В СВЕТ, КАК ХОТЕЛОСЬ БЫ. ПОЖАЛУЙСТА, ОБЪЯСНИ МНЕ. ЭТО КАК-ТО СВЯЗАНО С СЕКСОМ?

— Ну, если все мы резко остановимся, тогда конечно, дружище, — понимаешь, о чем я? — Его светлость толкнул невидимого собеседника локтем.

— Ай, — вырвалось у него. Где-то впереди раздался грохот, возвестивший кончину стойки с холодными закусками.

— НЕТ.

— Что «нет»?

— НЕ ПОНИМАЮ.

— Осторожней, тут крем, не поскользнись… Слушай, это просто пляска, неужели неясно? Потеха такая.

— ПОТЕХА.

— Вот именно. Пам, пам, пампа-ра-ра-рам… брык!

Повисла физически ощутимая пауза.

— КТО ТАКАЯ ПОТЕХА?

— Да никто! Потеха — это не тетка. Потеха — это для души.

— У НАС СЕЙЧАС ПОТЕХА ДЛЯ ДУШИ?

— Мне казалось, у меня — да, — без особой уверенности сказал его светлость. Чем-то его смутно

тревожил этот голос: он как будто возникал прямо в мозгу.

— КАК ВЫГЛЯДИТ ЭТА ПОТЕХА?

— Да вот так!

— ДРЫГАТЬ НОГАМИ — ЭТО ПОТЕХА?

— Ну, часть потехи. Брык!

— СЛУШАТЬ ОГЛУШИТЕЛЬНУЮ МУЗЫКУ В ДУШНОМ ПОМЕЩЕНИИ — ЭТО ПОТЕХА?

— Возможно.

— ТАК В ЧЕМ ПРОЯВЛЯЕТСЯ ПОТЕХА?

— Даже не знаю… пойми: тебе либо потешно, либо нет, так что меня спрашивать не нужно, ты и сам это почувствуешь, ясно? А тебя вообще как сюда занесло? — спохватился он. — Ты друг патриция?

— СКАЖЕМ ТАК: ОН НЕ ОСТАВЛЯЕТ МЕНЯ БЕЗ РАБОТЫ. Я ПОДУМАЛ, ЧТО МНЕ СТОИТ ПОБЛИЖЕ ПОЗНАКОМИТЬСЯ С ЛЮДСКИМИ РАДОСТЯМИ.

— Как видно, недалеко ты продвинулся.

— ВЕРНО. ПРОСТИ МОЕ ПРИСКОРБНОЕ НЕВЕЖЕСТВО. Я ЛИШЬ ХОЧУ КОЕ-ЧТО УЯСНИТЬ. СКАЖИ, ПОЖАЛУЙСТА, ВСЕ ЭТИ ЛЮДИ… ОНИ НАШЛИ СЕБЕ ПОТЕХУ?

— Да!

— ЗНАЧИТ, ВСЕ ЭТО И ЕСТЬ ПОТЕХА.

— Рад, что мы наконец-то с этим разобрались.

Осторожно, кресло, — предостерег лорд Родли, вдруг неприятно и вовсе не потешно протрезвевший.

Голос у него за спиной негромко затверживал:

— КАКАЯ ПОТЕХА. НАПИТЬСЯ — ЭТО ПОТЕХА. ПОТЕХА НАМ ПО ДУШЕ. ОН НАШЕЛ СЕБЕ ПОТЕХУ. ВОТ ЭТО ПОТЕХА. НУ И ПОТЕХА.

За спиной у Смерти любимец патриция, болотный дракончик, мрачно цепляясь за костлявые бедра, думал: «Плевать на стражу, вот поравняюсь сейчас с открытым окном — и рвану отсюда так, будто за мной черти гонятся».

* * *

Кели села в кровати.

— Больше ни шагу, — приказала она. — Стража!

— Мы не смогли его остановить, — пожаловался первый стражник, виновато высунув голову из-за косяка.

— Он просто сюда ворвался… — добавил второй с другой стороны дверного проема.

— К тому же волшебник сказал не беспокоиться, а нам сказали, что его все должны слушаться, потому что…

— Конечно, конечно. Пускай вокруг люди гиб-

нут, — проворчала Кели, опустила арбалет на прикроватный столик, но — вот незадача — забыла поставить его на предохранитель.

Щелчок, удар натянутой тетивы о металл, свист разрезаемого воздуха — и стон. Это застонал Кувыркс. Мор развернулся к нему.

— Цел? — спросил он. — Тебя не задело?

— Нет, — слабо ответил волшебник. — Не задело. А ты как себя чувствуешь?

— Устал немного. А что?

— Да нет, ничего. Ровным счетом ничего. Нигде не сквозит? Ощущения легкой протечки не наблюдается?

— Нет. А в чем дело?

— Не бери в голову, сущие пустяки. — Кувыркс обернулся и пристально всмотрелся в стену позади Мора.

— Неужто даже мертвым нет покоя? — с горечью спросила Кели. — Я-то думала, мертвым гарантировано по крайней мере одно: крепкий ночной сон. — Ее лицо выдавало недавние слезы. Дивясь собственной проницательности, Мор понял, что Кели и сама об этом знает, а оттого злится еще больше.

— Вообще говоря, это несправедливо, — сказал он. — Я пришел помочь. Правда ведь, Кувыркс?

— Хм-м-м? — рассеянно протянул Кувыркс, который обнаружил впившуюся в штукатурку стрелу и рассматривал ее с глубоким подозрением. — Ах да. Он и правда пришел помочь. Только это не сработает. Простите, не найдется ли у кого-нибудь веревочки?

— Помочь?! — взвилась Кели. — Помочь? Да если бы не ты…

— …ты все равно была бы мертва, — перебил Мор. Кели уставилась на него с открытым ртом.

— Но сейчас я об этом знаю, — ответила она наконец. — А это хуже всего.

— Думаю, вам двоим лучше удалиться, — сказал Кувыркс стражникам, старавшимся не привлекать к себе внимания. — Только вот это копье попрошу передать мне. Спасибо.

— Послушай, — начал Мор. — Снаружи стоит мой конь. Ты поразишься. Я могу отвезти тебя куда угодно. Тебе не обязательно ждать здесь.

— Ты, видимо, слабо представляешь, что такое монархия? — спросила Кели.

— Э… Да?

— Она хочет сказать, что лучше быть мертвой королевой в собственном замке, чем живой простолюдинкой где-нибудь еще, — пояснил Кувыркс, который, вонзив копье в стену рядом

со стрелой, теперь прикидывал что-то на глаз. — Все равно ничего не выйдет. Купол окружает не замок, а ее.

– *Кого?* — переспросила Кели таким ледяным тоном, какой мог бы на месяц сохранить свежесть молока.

— Ее высочество, — машинально поправился Кувыркс, щурясь на древко.

— Впредь не забывайся.

— Ни в коем случае, но речь сейчас не о том, — сказал волшебник. Он выдернул из штукатурки стрелу и попробовал пальцем наконечник.

— Но если ты останешься здесь, то умрешь! — воскликнул Мор.

— Что ж, пусть весь Плоский мир увидит, как надлежит умирать королеве, — заявила Кели с таким горделивым видом, какой только допускала вязаная розовая ночная сорочка.

Мор присел в изножье кровати, обхватив голову руками.

— Я *и так* знаю, как умирают королевы, — прошептал он. — Точно так же, как и все остальные. И кое-кто из нас предпочел бы этого не видеть.

— Прошу прощения, я только хочу взглянуть на этот арбалет, — как бы между прочим сказал Кувыркс, протягивая мимо них руку. — Не обра-

щайте внимания.

— Я гордо встречу свою участь, — сказала Кели, но в голос ее закралась тончайшая нотка неуверенности.

— Нет, не встретишь. Я знаю, о чем говорю. Уж поверь мне. Ничего гордого в этом нет. Ты просто умираешь.

— Да, но уйти из жизни можно по-разному. Я уйду благородно, как королева Изириэль.

Мор наморщил лоб. История оставалась для него тайной за семью печатями.

— А это кто?

— Она жила в Клатче, имела кучу любовников и села на змею, — ответил за принцессу Кувыркс, который взводил тетиву.

— По доброй воле! Из-за несчастной любви!

— Я помню только, что она еще принимала ванны из молока ослиц. Странная штука эта история, — задумчиво проговорил Кувыркс. — Вот стала ты королевой, тридцать лет правила страной, издавала указы, объявляла войны, а потомкам запомнилась лишь тем, что благоухала простоквашей и была ужалена змеей прямо в…

— Она приходится мне дальней родственницей, — возмутилась Кели. — Я не потерплю таких разговоров о ней.

— Да умолкните же вы, дайте хоть слово сказать! — вскричал Мор.

Их накрыла тишина, подобная савану.

А потом Кувыркс, тщательно прицелившись, выстрелил Мору в спину.

* * *

Оправившись от первых боевых потерь, ночь продвигалась вперед. Утихли даже самые буйные пирушки. Гости, выписывая кренделя, разошлись по домам и рухнули в постели — кто в свои, кто в чужие. Без этих попутчиков — дневных людей, забредших за пределы своего временно́го ареала, — истинные люди тьмы приступили к серьезным ночным делам.

В Анк-Морпорке дела эти мало чем отличались от дел дневных, разве что ножи сверкали чаще, а улыбки — реже.

В Тенях стояла тишина, нарушаемая только воровским посвистом да бархатистыми шорохами: десятки людей решали свои частные вопросы без лишнего шума.

А в Ветчинном переулке только-только начал свою знаменитую игру в парящие кости Калека Ва. Несколько десятков фигур, чьи лица скрывались под капюшонами, опустились на колени

или же присели на корточки подле утоптанного кружка, где вращались и подскакивали три восьмигранных кубика Калеки Ва, давая игрокам обманчивый урок статистической вероятности.

— Три!

— Глаза Туфала, клянусь Ио!

— Он тебя обставил, Бугор! Этот парень знает, как с костями обращаться!

— ЭТО У МЕНЯ ВРОЖДЕННОЕ.

Бугор М'гук, сын одного из пупземельских племен, плосколицый коротышка, о чьем игровом мастерстве слыхали везде, где двое мужчин сходились, чтобы обобрать третьего, поднял с земли игральные кости и яростно воззрился на них. Он мысленно проклял Ва, чье умение подменять кости, столь же славившееся среди ценителей, на этот раз, похоже, подвело его, и пожелал мучительной безвременной кончины державшемуся в тени сопернику, после чего швырнул кости в грязь.

— Двадцать одно, учись!

Ва сгреб кости и протянул их незнакомцу. Повернувшись к Бугру, он еле заметно блеснул одним глазом. Бугор поразился: он сам едва заметил, как мелькнули обманчиво кривые пальцы Ва, а ведь глаз не спускал!

Кости зловеще брякнули в руке чужака, а потом медленно выплыли из нее по дуге и опустились на землю, обратив к звездам двадцать четыре точки.

Те из наблюдателей, что были поопытнее, отодвинулись от чужака, ибо знали, что когда играешь в кости с Калекой Ва, такое везение — это очень большое невезение.

Под ладонью Калеки кости щелкнули, будто передернутый затвор.

— Три восьмерки, — выдохнул он. — Невероятный фарт, господин.

Остаток толпы испарился, как роса, оставив после себя лишь суровых квадратных парней, которые, будь Ва образцовым налогоплательщиком, значились бы у него в декларации как «Основные средства производства и оргтехника».

— А может, и не фарт, — добавил он. — Уж не волшебство ли?

—

Я РЕШИТЕЛЬНО ОТВЕРГАЮ ЭТО ОБВИНЕНИЕ.

— Занесло как-то раз к нам волшебника: разбогатеть надумал, — сказал Ва. — Да вот только запамятовал я, что ним сталось. А, парни?

— Потолковали мы с ним за жизнь…

— …и оставили в Свином проезде…

— …и на Медовом переулке…

— …и в паре других мест — сейчас уж и не вспомнить.

Чужак поднялся с земли. Парни взяли его в кольцо.

— ЭТО ИЗЛИШНЕ. Я СТРЕМЛЮСЬ ТОЛЬКО К ЗНАНИЯМ. КАКОЕ УДОВОЛЬСТВИЕ НАХОДЯТ ЛЮДИ,
МНОГОКРАТНО НАБЛЮДАЯ ЗА СЛУЧАЙНЫМ РАСПРЕДЕЛЕНИЕМ ВЕЛИЧИН?

— Случайность тут ни при чем. Давайте-ка проверим, что он за фрукт, парни.

Последующие события сохранила в памяти одна-единственная живая душа — бездомная кошка, каких в городе были тысячи: она как раз шла через переулок на романтическое свидание. Но остановилась и с интересом пригляделась к происходящему.

Замахнувшись ножами, головорезы оцепенели. Вокруг них мерцал нестерпимый лиловый свет. Незнакомец, откинув капюшон, подобрал с земли кости и вложил их в безвольную руку Калеки Ва. Тот ловил ртом воздух; глаза его безуспешно пытались не видеть представшего перед ними зрелища. Зрелище ухмылялось.

— БРОСАЙ.

Ва с трудом опустил взгляд на свою руку.

— А какая ставка? — прошептал он.

— ЕСЛИ ТЫ ВЫИГРАЕШЬ, ТО ОТКАЖЕШЬСЯ ОТ ЭТИХ СМЕХОТВОРНЫХ ПОПЫТОК ДЕЛАТЬ ВИД, БУДТО ЛЮДСКИМИ ДЕЛАМИ УПРАВЛЯЕТ СЛУЧАЙ.

— Конечно. Конечно. А… если проиграю?

— ТОГДА ПОЖАЛЕЕШЬ, ЧТО НЕ ВЫИГРАЛ.

Ва попытался сглотнуть, но у него пересохло в горле.

— Я знаю, конечно, что по моему приказу было убито много народу…

— ЕСЛИ БЫТЬ ТОЧНЫМ — ДВАДЦАТЬ ТРИ ЧЕЛОВЕКА.

— Может, еще не поздно сказать, что я раскаиваюсь?

— МЕНЯ ЭТО НЕ КАСАЕТСЯ. А ТЕПЕРЬ БРОСАЙ КОСТИ.

Зажмурившись, Ва уронил кости на землю, от волнения даже не попытавшись исполнить свой фирменный замах с подкруткой. Глаза он открывать не стал.

— ТРИ ВОСЬМЕРКИ. НУ ВОТ, НИЧЕГО СЛОЖНОГО, ПРАВДА?

Ва грохнулся в обморок.

Смерть пожал плечами и пошел прочь, задер-

жавшись лишь для того, чтобы почесать за ухом попавшуюся на пути бездомную кошку. Он что-то напевал себе под нос. Он сам не знал, что на него нашло, но ощущение было приятное.

* * *

— Но ты же не мог знать, что у тебя получится?

Кувыркс примирительно развел руками.

— Ну не мог, — согласился он, — но мне просто подумалось: а что, собственно, я теряю? — Он попятился.

— Что ТЫ теряешь? — вскричал Мор.

Тяжелой поступью прошагав вперед, он выдернул стрелу из столбика балдахина над кроватью принцессы.

— Не хочешь ли ты сказать, что эта штука пролетела сквозь меня? — рявкнул он.

— Я намеренно не спускал с нее глаз, — ответил Кувыркс.

— Я тоже видела, — вклинилась Кели. — Это было жутко. Стрела вышла прямо из того места, где у тебя сердце.

— А еще я видел, как ты прошел сквозь каменную колонну, — добавил Кувыркс.

— А *я* видела, как ты верхом на коне въехал в мое окно.

— Да, но *тогда* я был на работе, — размахивая руками, заявил Мор. — Такое не каждый день бывает, это особый случай. И еще…

Он осекся.

— Как-то странно вы смотрите, — отметил он. — Вчера вечером на меня точно так же глазели в трактире. Что-то не так?

— Ты взмахнул рукой, и она прошла сквозь столбик, — еле слышно объяснила Кели.

Мор уставился на свою руку, а потом постучал ей по древесине.

— Видели? — сказал он. — Все твердое. Рука твердая, деревяшка твердая.

— Говоришь, в трактире на тебя глазели так же? — уточнил Кувыркс. — А там ты что учудил? Сквозь стенку прошел?

— Да нет же! Ничего такого, я просто-напросто выпил местного пойла — кажется, выкипаловки…

— Может, укипаловки?

— Вот-вот. На вкус — как гнилое яблоко. А они так уставились, будто это яд какой был.

— И много ты выпил? — осведомился Кувыркс.

— Около пинты, наверное, я не очень внимательно…

— А известно ли тебе, что укипаловка — самый

крепкий алкогольный напиток отсюда и до Овцепикских гор? — сурово спросил волшебник.

— Нет. Меня не предупредили, — ответил Мор. — Да и какое это имеет отношение к…

— Нет, — медленно повторил Кувыркс, — ты не знал. Хмм… А не видится ли тебе в этом ключ к разгадке?

— Этот ключ как-нибудь связан со спасением принцессы?

— Вероятно, нет. Однако я должен свериться со своими книгами.

— В таком случае это неважно, — твердо сказал Мор.

Он повернулся к Кели, во взгляде которой начинало проступать уважение.

— Мне кажется, я смогу помочь, — сказал он. — Мне кажется, я смогу заполучить в свое распоряжение очень мощную магию. Магия ведь удержит купол, правда, Кувыркс?

— Моя магия — нет. Для этого нужна совершенно особая сила, да и то я не уверен. Реальность прочнее, чем…

— Я отправляюсь в путь, — объявил Мор. — Ждите меня завтра!

— Так ведь завтра уже наступило, — заметила Кели.

Мор слегка сдулся.

— Ладно, тогда сегодня вечером, — сказал он с некоторой досадой. — А теперь меня призывает судьба!

— Куда призывает?

— Это геройский лексикон, — любезно пояснил Кувыркс. — Он не может выражаться иначе.

Мор испепелил его взглядом, одарил Кели храброй улыбкой и вышел из комнаты.

— Мог бы и дверь открыть, — заметила Кели, когда он скрылся.

— Думаю, он немножко смутился, — сказал Кувыркс. — Нам всем суждено пройти через этот этап.

— Какой? Ходьбу сквозь предметы?

— В некотором роде. Просто другие в них врезаются.

— Я ложусь спать, — объявила Кели. — Даже мертвым требуется отдых. Кувыркс, сделай милость, оставь в покое арбалет. И вообще волшебнику не пристало находиться одному в комнате дамы.

— Хмм? Но я же тут не один, правда? Я тут с вами.

— Вот-вот, — сказала она. — И я о том же.

— Ох. Да. Простите. Э-э… Тогда увидимся утром.

— Спокойной ночи, Кувыркс. И закрой за собой дверь.

* * *

Солнце высунулось из-за горизонта, решило попытать счастья и начало подниматься.

Но пройдет еще немало времени, прежде чем оно коснется спящего Плоского мира своими медлительными лучами и погонит впереди себя ночь, а пока что городом правят ночные тени.

Сейчас они сгрудились на Филигранной улице, вокруг «Залатанного барабана» — самого примечательного питейного заведения во всем городе. Славилось оно не только пивом — на вид как моча, на вкус как аккумуляторная кислота, — но и клиентурой. Поговаривали, что, если просидеть в «Барабане» достаточно долго, рано или поздно твою лошадь перекрадут все выдающиеся герои Плоского мира.

В зале не смолкал шум разговоров и не развеивался табачный дым, хотя хозяин всеми возможными способами давал понять, что закрывается: частично гасил свет, подводил часы, укрывал бочонки тканью и — на всякий случай — проверял, на месте ли утыканная гвоздями дубина. Но публике, естественно, не было до

этого никакого дела. Даже вид дубины с гвоздями был бы воспринят большинством посетителей «Барабана» как тонкий намек, не более.

Впрочем, всем им хватало наблюдательности, чтобы испытывать смутное беспокойство при взгляде на высокую темную фигуру, которая, не отходя от стойки, методично дегустировала весь ассортимент.

Одинокие сосредоточенно пьющие люди всегда создают вокруг себя ментальное поле, которое обеспечивает им полную приватность, но от этого посетителя исходил настолько фатальный мрак, что трактир все же мало-помалу начал пустеть.

Не тревожился только сам хозяин, поскольку одинокий клиент ставил весьма дорогостоящий эксперимент.

Они есть в каждом злачном месте множественной вселенной — те полки, на которых стоят причудливых форм липкие бутылки, содержащие в себе не только жидкости (зачастую синие и зеленые) с экзотическими названиями, но и всякую всячину, которую бутылки с серьезными напитками ни в жизнь бы к себе не подпустили: например, цельные плоды, наломанные ветки, а в особенно запущенных случаях — мелких ящерок-утопленниц. Никто не может сказать, зачем

барменам такие запасы, поскольку у всех этих зелий одинаковый вкус патоки, разболтанной в скипидаре. Была выдвинута теория, что они мечтают о прекрасном дне, когда с улицы зайдет какой-нибудь незваный гость и потребует рюмку «Горного персика с нотками мяты», после чего бар приобретет славу заведения Где Обязательно Нужно Засветиться.

Клиент задался целью перепробовать всю полку.

— ЧТО ЭТО ВОТ ТАМ, ЗЕЛЕНОЕ?

Хозяин вгляделся в этикетку.

— Написано, дынный бренди, — с сомнением озвучил он и добавил: — Тут еще приписка: изготовлен какими-то монахами по старинному рецепту.

— Я ПОПРОБУЮ.

Хозяин исподволь окинул взглядом вытянувшиеся на стойке вереницы пустых рюмок и стаканов — в некоторых остались кусочки фруктовой смеси, вишенки на шпажках и миниатюрные бумажные зонтики.

— Не пора ли на сегодня остановиться? — спросил он. Его смутно тревожило, что он никак не может разглядеть лицо незнакомца.

Стопка — напиток уже кристаллизовался на

краях — исчезла в недрах капюшона и тут же вынырнула опорожненной.

— НЕТ. А ЧТО ЭТО ТАКОЕ ЖЕЛТОЕ, ГДЕ ПЛАВАЮТ ОСЫ?

— Написано «Ликер „Весенний“». Будешь?

— БУДУ. И ЕЩЕ ВОН ТО, СИНЕЕ, С ЗОЛОТЫМИ ИСКОРКАМИ.

— Э-э… «Старая шинель»?

— ДА. А ПОТОМ ОБРАТИМСЯ К ЗАДНЕМУ РЯДУ.

— К чему именно?

— КО ВСЕМУ.

Незнакомец сидел прямо, точно шест проглотил, и рюмки, полные сиропом и растительным ассорти, исчезали под капюшоном, словно увлекаемые конвейером.

«Вот оно, — думал хозяин, — вот что такое настоящий стиль, вот теперь-то я прикуплю себе красный пиджак, может, даже арахис на стойку поставлю, корнишончиков маринованных штук несколько, зеркала развешу, свежие опилки на полу рассыплю». Взяв мокрую от пива тряпку, он принялся с энтузиазмом протирать стойку, смешивая капли из рюмок с ликерами в единое радужное пятно, разъедающее полировку. Последний из завсегдатаев надел шляпу и нетвердой походкой вышел за порог, бормоча себе под

нос что-то невнятное.

— НЕ ВИЖУ СМЫСЛА, — сказал клиент.

— Прошу прощения?

— КАКОЙ У ЭТОГО ДОЛЖЕН БЫТЬ РЕЗУЛЬТАТ?

— А сколько рюмок ты выпил?

— СОРОК СЕМЬ.

— Тогда какой угодно, — сказал хозяин и, поскольку знал свое дело и понимал, чего от него ждут люди, пьющие в одиночестве в предрассветные часы, спросил, протирая стакан все той же тряпкой:

— Благоверная из дома выставила, да?

— ПРОШУ ПРОЩЕНИЯ?

— Печали заливаешь?

— У МЕНЯ НЕТ ПЕЧАЛЕЙ.

— Ну да, ну да, конечно нет. Забудь. — Он еще пару раз провел тряпкой по стакану. — Просто подумал, что иногда полезно бывает с кем-нибудь поговорить.

Клиент ненадолго погрузился в свои мысли. А потом уточнил:

— ТЫ ХОЧЕШЬ СО МНОЙ ПОГОВОРИТЬ?

— Да. Конечно. Я хороший слушатель.

— ДО СИХ ПОР НИКОМУ И НИКОГДА НЕ ХОТЕЛОСЬ СО МНОЙ ПОГОВОРИТЬ.

— Какая жалость.

— ЗНАЕШЬ, МЕНЯ НИКОГДА НЕ ПРИГЛАШАЮТ НА ВЕЧЕРИНКИ.

— Ай-ай-ай.

— МЕНЯ НЕНАВИДЯТ. ВСЕ МЕНЯ НЕНАВИДЯТ. У МЕНЯ НЕТ НИ ОДНОГО ДРУГА.

— Друг нужен каждому, — мудро заметил трактирщик.

— КАЖЕТСЯ…

— Да?

— КАЖЕТСЯ, Я МОГ БЫ ПОДРУЖИТЬСЯ С ТОЙ ЗЕЛЕНОЙ БУТЫЛКОЙ.

Хозяин подтолкнул к нему по стойке восьмигранную бутыль. Смерть наклонил ее над стаканом. Соприкоснувшись с жидкостью, тот зазвенел.

— ТЫ ЧТО, Я, ДУМАЕШЬ, НАПИЛСЯ?

— Я обслуживаю каждого, кто более-менее стоит на ногах, — ответил хозяин.

— И ЭТО ПРРРАЛЬНО. НО Я…

Незнакомец застыл с назидательно поднятым пальцем.

— О ЧЕМ ЭТО Я?

— Ты говорил, что я думаю, будто ты напился.

— АГА. ДА, *НО* Я МОГУ ПРОТРЕЖВЕТЬ, КОГДА ЖАХОЧУ. ЭТО ЭКШПЕРИМЕНТ. И ТЕПЕРЬ МНЕ ОХОТА ШНОВА ПОЭКШПЕРИМЕНТИРОВАТЬ Ш

АПЕЛЬШИНОВЫМ БРЕНДИ.

Трактирщик со вздохом посмотрел на часы. Оно конечно, деньги текли к нему рекой, тем более что чужак не замечал накруток и не пересчитывал сдачу. Но время было уж очень позднее, такое позднее, что уже раннее. Да и сам одинокий клиент как-то выбивал из колеи. Случалось, завсегдатаи «Залатанного барабана» пили, будто в последний раз, но в данном случае хозяину казалось, что это вовсе не метафора.

— ВОТ Я И СПРАШИВАЮ: ЧТО ТАКОГО ЖДЕТ МЕНЯ В БУДУЩЕМ? КАКОЙ В ЭТОМ СМЫСЛ? ЗАЧЕМ ВСЕ ЭТО?

— Не могу сказать, друг мой. Но, полагаю, крепкий сон принесет тебе облегчение.

— СОН? СОН? Я НИКОГДА НЕ СПЛЮ. ДАЖЕ В… КАК ИХ ТАМ… ПОСЛОВИЦЫ ЗА ЭТО ВОШЕЛ.

— Сон нужен каждому. Даже мне, — намекнул хозяин.

— ЗНАЕШЬ, МЕНЯ ВСЕ НЕНАВИДЯТ.

— Да, ты говорил. Но дело уже к трем.

Пошатываясь, чужак обернулся и обвел взглядом притихший зал.

— ЗДЕСЬ НИКОГО НЕТ, КРОМЕ НАС ДВОИХ.

Хозяин поднял откидную доску и вышел из-за стойки, чтобы помочь незнакомцу слезть с та-

бурета.

— У МЕНЯ НЕТ НИ ЕДИНОГО ДРУГА, ДАЖЕ КОШКИ НАДО МНОЙ ПОСМЕИВАЮТСЯ.

Резко вскинувшаяся рука схватила бутылку ликера «Аманита», прежде чем хозяин успел подтолкнуть гостя к выходу, удивляясь, как этот мешок костей может быть настолько тяжелым.

— ГОВОРЮ ЖЕ: МНЕ НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО ОСТАВАТЬСЯ
ПЬЯНЫМ. ЗАЧЕМ ЛЮДИ НАПИВАЮТСЯ? ЭТО ПОТЕХА?

— Потеха не потеха, а помогает забыть об этой жизни, старина. Дай-ка я тебя к стеночке прислоню, чтобы дверь отворить…

— ЗАБЫТЬ ОБ ЭТОЙ ЖИЗНИ. ХА. ХА.

— Заходи когда угодно, слышишь?

— ТЫ ВПРАВДУ ХОЧЕШЬ УВИДЕТЬ МЕНЯ СНОВА?

Хозяин обернулся: на стойке красовался холмик из монет. Ради такого можно и потерпеть чужие причуды. Этот, по крайней мере, не горланит и не бузит.

— Еще бы! — ответил он, выталкивая незнакомца на улицу и одним плавным движением забирая у него бутылку. — Как будет желание, так и заходи.

— ЭТО САМЫЕ ЛЮБЕЗНЫЕ СЛОВА…

Дверь захлопнулась и отсекла конец фразы.

* * *

Изабель села в кровати.

Стук возобновился, негромкий, но настойчивый. Она подтянула одеяло к подбородку.

— Кто там? — шепнула она.

— Это я, Мор, — прошипели под дверью. — Открой, пожалуйста!

— Подожди!

Изабель стала лихорадочно шарить на ночном столике в поисках спичек, опрокинула флакон туалетной воды и свернула коробку шоколадных конфет — хорошо, что там оставались в основном пустые обертки. Как только ей удалось зажечь свечу и найти для нее самое выигрышное положение, она одернула ночную сорочку, чтобы та открывала чуть-чуть побольше, и сказала:

— Не заперто.

Мор, пошатываясь, вошел в спальню, неся с собой запахи конюшни, мороза и укипаловки.

— Надеюсь, — высокомерно начала Изабель, — ты не для того вторгся в мои покои, чтобы воспользоваться своим положением в этом доме.

Мор огляделся. Изабель обожала кружавчики.

Даже ночной столик будто бы носил подъюбник. Да и вообще вся комната была не столько декорирована, сколько обряжена в нижнее белье.

— Слушай. У меня нет времени на глупости, — сказал он. — Перенеси свечу в библиотеку. И, ради всего святого, накинь что-нибудь приличное, а то ты из берегов выходишь.

Изабель опустила взгляд, но тут же вздернула подбородок.

— Ну знаешь!

Мор просунул голову обратно в комнату.

— Это вопрос жизни и смерти, — добавил он и исчез.

Дверь со скрипом затворилась и открыла взору голубой халат с бахромой, который Смерть измыслил ей в подарок на прошлое Страшдество; Изабель так и не решилась его выбросить, хотя он был на размер меньше, чем нужно, да еще и с кроликом на кармашке.

В конце концов она спустила ноги на пол, набросила этот позорный халат и пошлепала в коридор. Мор ее ждал.

— Отец не услышит? — забеспокоилась она.

— Он еще не вернулся. Идем.

— А ты откуда знаешь?

— Когда он здесь, это место совсем другое. Раз-

ница примерно такая… ну… как между надетым плащом и плащом, висящим на крючке. Неужели ты не замечала?

— Что у нас за неотложные дела такие?

Мор толкнул дверь в библиотеку. Изнутри повеяло теплым сухим воздухом; петли протестующе заскрипели.

— Нам с тобой предстоит спасти кое-кому жизнь, — ответил он. — Принцессе, если быть точным.

Изабель мгновенно воодушевилась.

— Настоящей принцессе? Которая через дюжину перин способна почувствовать горошину?

— Что способна?.. — Мор ощутил, что одной мелкой тревогой у него стало меньше. — Конечно. Да. Я так и подумал, что Альберт ошибся.

— Ты ее любишь?

Мор замер между книжными стеллажами, среди неустанного шороха, доносившегося из-под переплетов.

— Трудно сказать, — ответил он. — По мне что-нибудь заметно?

— По тебе заметно, что ты волнуешься. А она как к тебе относится?

— Понятия не имею.

— Так-так, — со знанием дела произнесла Иза-

бель. — Безответная любовь — самый тяжелый случай. Но пить яд или накладывать на себя руки, наверное, не лучшая идея, — задумчиво добавила она. — Так зачем мы сюда пришли? Ты хочешь отыскать ее книгу, чтобы узнать, выйдет ли она за тебя?

— Я ее уже читал, и принцесса мертва, — сказал Мор. — Но лишь формально. То есть не вполне мертва.

— Это хорошо, иначе нам пришлось бы заниматься некромантией. И что же мы ищем?

— Биографию Альберта.

— Зачем? Я даже не знаю, есть ли она у него.

— Биография есть у всех.

— Понимаешь, он не любит отвечать на личные вопросы. Как-то раз я уже ее искала, но не нашла. Одного имени Альберт мало. А что в нем такого интересного?

От свечи, принесенной из комнаты, Изабель зажгла еще две, и по библиотеке заплясали тени.

— Мне нужен могучий волшебник, а он, подозреваю, как раз из таких.

— Кто, Альберт?

— Да. Только искать надо Альберто Малиха. Мне кажется, ему больше двух тысяч лет.

— Кому, Альберту?

— Да. Альберту.

— У него даже шляпы волшебника нет, — усомнилась Изабель.

— Он ее потерял. Да и вообще шляпа — не главное. Откуда начнем поиск?

— Ну, если ты в этом уверен… тогда, наверное, с Архива. Там отец хранит все биографии, которым больше пятисот лет. Нам туда.

Она повела его за собой мимо шепчущих полок в сторону укрытой в закутке дверцы. Дверца поддалась не сразу, и стон ее петель разнесся по всей библиотеке; Мору на мгновение показалось, что все книги прервали свой труд, чтобы прислушаться.

Ступени вели вниз, в бархатный мрак. Здесь, среди паутины и пыли, в воздухе пахло тысячелетней затхлостью пирамид.

— Сюда нечасто спускаются, — объяснила Изабель. — Я покажу дорогу.

Мор почувствовал, что обязан ответить чем-нибудь приятным.

— Надо сказать, — заговорил он, — ты просто кремень.

— Такая же рябая, твердая и холодная? Да, умеешь ты сделать комплимент девушке, мальчик мой.

— Мор, — машинально поправил Мор.

В Архиве было темно и тихо, как в глубокой пещере. Стеллажи здесь стояли так плотно, что идти между ними бок о бок не стоило и пытаться, и уходили так высоко, что сияние свечей не дотягивалось до верха. Они производили особенно зловещее впечатление, потому что молчали. Жизни закончились, писать было не о чем; книги спали. Но Мор чувствовал, что спят они как кошки: поглядывая одним глазом. Они были настороже.

— Я сюда спускалась всего один раз, — прошептала Изабель. — Если долго идти вдоль стеллажей, книги кончатся и начнутся глиняные таблички, камни и шкуры; там всех зовут Уг и Зог.

Тишина была почти осязаемой. Шагая жаркими бесшумными коридорами вслед за Изабель, Мор ловил на себе взгляды книг. Где-то здесь были все, кто когда-либо жил, вплоть до самых первых людей, которых боги слепили из глины или неведомо из чего. Они были на него не в обиде за это вторжение, а просто любопытствовали, что его сюда привело.

— А дальше Угов и Зогов ты заходила? — шепнул он. — Думаю, многим хотелось бы узнать, что

там хранится.

— Нет, побоялась. Идти далеко, мне бы не хватило свечей.

— Жаль.

Изабель остановилась, да так резко, что Мор врезался ей в спину.

— Ну вот, где-то здесь, — сказала она. — Что теперь?

Мор вгляделся в поблекшие имена на корешках книг.

— Да тут никакого порядка! — простонал он.

Они посмотрели наверх. Заглянули в пару боковых проходов. Наугад сняли несколько фолиантов с нижних полок, взметнув клубы пыли.

— Глупо это все, — сказал наконец Мор. — Здесь миллионы жизнеописаний. Шансы найти биографию Альберта меньше…

Изабель накрыла ему рот ладонью.

— Слушай!

Мор попытался что-то еще пробормотать сквозь ее пальцы, но потом все же внял совету. Он напряг слух, стремясь услышать хоть что-нибудь сквозь тяжелую, оглушительную тишину.

И был вознагражден. Слабое, раздраженное царапанье. Где-то высоко-высоко, в непроницаемой тьме этой отвесной книжной стены, все еще

писалась чья-то биография.

Они переглянулись, распахнув глаза. Потом Изабель припомнила:

— Мы проходили мимо лестницы. Передвижной.

Когда Мор начал толкать лестницу, ее колесики заскрипели. Верх ее двигался так, словно тоже был снабжен колесиками, скрытыми во тьме.

— Ну вот, — сказал Мор. — Дай мне свечу, я…

— Если свеча отправится наверх, то лишь вместе со мной, — решительно прервала его Изабель. — А ты останешься внизу, чтобы по моей команде двигать лестницу. И не спорь.

— Наверху может быть опасно, — галантно сказал Мор.

— Внизу тоже может быть опасно, — резонно заметила Изабель. — Так что мы со свечой отправляемся наверх, спасибо большое.

Она поставила ногу на нижнюю ступеньку и вскоре превратилась в отделанную рюшами тень, окруженную ореолом свечного пламени, который постепенно уменьшался.

Удерживая лестницу на месте, Мор гнал от себя мысли о давящей на него тяжести чужих жизней. Время от времени к его ногам падал метеорит горячего воска, образуя кратер в толще пыли.

Изабель напоминала о себе лишь слабым свечением в вышине да легкой вибрацией от каждой преодоленной ступени.

Потом она замерла. Казалось, ничего не происходило очень долго.

Наконец сверху через плотную тишину долетел ее голос:

— Мор, я нашла.

— Отлично. Тащи ее сюда.

— Мор, ты был прав.

— Это хорошо, спасибо. Теперь неси ее сюда.

— Да, Мор, но которую?

— Не мешкай: свеча скоро догорит.

— Мор!

— Что?

— Мор, их здесь целая *полка!*

* * *

Пришел настоящий рассвет — тот краешек дня, который принадлежал только чайкам в морпоркских доках, приливу, что гнал волны вверх по течению реки, да теплому повращательному ветерку, разбавлявшему сложный городской дух ароматами весны.

Смерть сидел на тумбе и созерцал море. Он решил протрезветь. Теперь у него болела голова.

Познакомившись с рыбной ловлей, плясками, азартными играми и выпивкой, он так и не уяснил до конца смысл этих четырех занятий, которые почитаются величайшими радостями жизни. Вот еду он понимал — вкусно поесть Смерть любил не меньше прочих. Другие услады плоти ему на ум не приходили; точнее, приходили, но уж слишком они были… ну… *плотскими*, а значит, требовали полной телесной перестройки, о которой он не собирался даже думать. А кроме того, с возрастом люди, похоже, отказывались от этих услад — как видно, не столь уж привлекательных.

Смерть начал подозревать, что не поймет людей, даже если положит на это всю свою жизнь.

Булыжники мостовой, согретые солнцем, начали куриться паром, и Смерти коснулся легчайший трепет того весеннего нетерпения, которое гонит тысячи тонн соков на высоту пятидесяти футов по древесине лесных стволов.

Вокруг взмывали и камнем падали вниз чайки. Из своего укрытия в груде бесхозных ящиков из-под рыбы выбралась одноглазая кошка, из девяти жизней истратившая без малого восемь, попутно лишившись уха; она зевнула, потянулась и потерлась о ноги Смерти. Морской бриз, прорезавший

знаменитую вонь Анка, приносил с собой едва уловимые ароматы пряностей и свежего хлеба.

Смерть был очень озадачен. Он не мог с этим бороться. Ему очень нравилось быть живым и очень не хотелось быть Смертью.

«НАВЕРНОЕ, Я ЗАБОЛЕЛ», — подумал он.

* * *

Осторожно взобравшись по ступенькам, Мор оказался рядом с Изабель. Лестница шаталась, но вроде держалась. Хотя бы высота его не пугала: внизу была только густая тьма.

Некоторые из ранних томов жизни Альберта оказались совсем ветхими: тронь — и рассыплются в прах. Мор протянул руку, отчего лестница слегка задрожала, достал первый попавшийся и открыл примерно на середине.

— Поднеси свечу вот сюда, — попросил он.

— А ты можешь это прочесть?

— Вроде как…

«…мановением длани своей, но был зело удручен, что все люди в конце пути своего встречают ништо, т. е. Смерть, и в гордости своей поклялся снискать Безсмертия. „Ибо так, — рек он младым чародеям, — сможем мы премерить на себя одежды Богов“. Наутро, среди не настия, Альберто…»

— Это язык древних, — сказал Мор. — До введения правописания. Давай пролистаем последнюю.

Да, это точно был Альберт. Взгляд Мора выхватил несколько упоминаний поджаренного хлеба.

— Давай-ка посмотрим, чем он сейчас занимается, — предложила Изабель.

— По-твоему, так можно? Немного напоминает слежку.

— Ну и что? Струсил?

— Ладно, давай.

Он быстро пролистал том до чистых страниц, а потом вернулся назад, к истории жизни Альберта, которая с поразительной скоростью — учитывая, что дело было среди ночи, — дополнялась новыми строчками; жизнеописания по большей части лишь мимоходом затрагивали время сна, делая исключение для наиболее ярких сновидений.

— Будь добра, держи свечу ровно. Не хочу замаслить страницы его жизни.

— А что такого? Он любит масло.

— Прекрати хихикать, а то свалимся. Вот, пожалуйста…

— «Он крался сквозь пыльную темень Архива, — прочла Изабель, — не спуская глаз с

язычка пламени, мерцающего в вышине. „Шпионят, — думал он, — суются, куда не следует, дьяволята…“». Мор! Да он же…

— Тихо! Я читаю! «„…и вскоре я положу этому конец“. Альберт бесшумно подобрался к основанию лестницы и, поплевав на руки, примерился, как бы половчее толкнуть. „Хозяин ничего не узнает — он вообще в последнее время ведет себя странно, а все из-за этого мальчишки, так что…“»

Мор поднял взгляд и уставился в перепуганные глаза Изабель.

В следующий момент она забрала у него книгу, подержала на расстоянии вытянутой руки, а потом, не сводя с Мора застывшего взгляда, разжала пальцы.

Заметив, как шевелятся ее губы, Мор осознал, что тоже ведет неслышный счет.

Три, четыре…

Глухой удар, негромкий вскрик — и тишина.

— Как по-твоему, мы его убили? — через некоторое время спросил Мор.

— Что, *здесь?* И вообще, от тебя предложений не поступало.

— Да, но… в конце концов, он глубокий старик.

— Ничего подобного, — отрезала Изабель и начала спускаться.

– *Две* тысячи лет?

— Шестьдесят семь и ни днем больше.

— В книгах сказано…

— Говорю же тебе, время здесь не течет. *Настоящее* время. Ты что, меня не слушаешь, мальчик?

— Мор, — поправил Мор.

— Не наступай мне на пальцы. Я быстрее не могу.

— Прости.

— И нечего ныть. Ты хоть представляешь, какая здесь скука?

— Пожалуй, не представляю, — ответил Мор и добавил с искренним сожалением: — Я слышал о скуке, но не имел случая испытать ее на себе.

— Она ужасна.

— Ну, если уж на то пошло, приключения тоже не так прекрасны, как их рисуют.

— Да что угодно лучше, чем такая жизнь.

Снизу донесся стон, а за ним — поток брани.

Изабель вгляделась в темноту.

— Ругательные мышцы явно не задеты, — сказала она. — Не думаю, что мне пристало выслушивать подобные речи. Они могут ослабить мои нравственные фибры.

Альберта они нашли прислонившимся к нижней полке: он бормотал что-то себе под нос и

держался за локоть.

— Вот только не надо симулировать, — вскинулась Изабель. — Ты не пострадал — отец здесь такого не допускает.

— Что на вас нашло? — простонал Альберт. — Я ничего плохого не замышлял.

— Ты собирался нас столкнуть, — напомнил Мор, пытаясь помочь ему подняться. — Я своими глазами прочел. Удивительно, что ты не применил магию.

Альберт свирепо уставился на него.

— Ага, докопались, значит? — тихо сказал он. — Ну что ж, поздравляю. Никто не давал вам права шпионить.

Оттолкнув руку Мора, он с усилием встал и поплелся назад вдоль молчаливых стеллажей.

— Нет, постой! — вскричал Мор. — Мне нужна твоя помощь!

— Еще бы, — бросил через плечо Альберт. — Все логично, верно? Ты решил: пойду-ка я покопаюсь в чужой жизни, потом уроню ее на голову хозяину, а потом попрошу его о помощи.

— Я только хотел узнать, действительно ли ты — это ты и есть. — Мор бросился за ним следом.

— Да. Каждый из нас — это он сам и есть.

— Но если ты откажешься мне помочь, произой-

дет страшное! Понимаешь, есть одна принцесса, и она…

— Страшное происходит ежеминутно, юноша…

— …Мор…

— …и никто не ждет, чтобы я что-нибудь с этим сделал.

— Но ты — величайший!

Альберт на миг остановился, но оборачиваться не стал.

– *Был* величайшим. Да, *был*. И нечего меня умасливать. Я тебе не каша.

— Тебе памятники ставят, и все такое, — продолжал Мор, подавляя зевоту.

— Ну и дураки. — Альберт дошел до ступеней, ведущих в библиотеку, с топотом поднялся к выходу и остановился силуэтом в пламени свечи.

— То есть ты мне не поможешь? — отчаялся Мор. — Даже если это в твоих силах?

— Догадался, возьми с полки пирожок! — прорычал Альберт. — Не стоит думать, что ты способен воззвать к моим лучшим чувствам сквозь эту заскорузлую наружность, — добавил он, — ведь нутро у меня такое же заскорузлое.

Они услышали, как он прошелся по библиотечному полу так, словно тот был его персональным

врагом, и захлопнул за собой дверь.

— Ну надо же, — неуверенно сказал Мор.

— А на что ты надеялся? Он никого в грош не ставит, за исключением отца.

— Мне казалось, только такой, как он, и сумеет нас выручить, если внятно ему объяснить. — Мор понурился. Тот прилив энергии, что гнал его через эту долгую ночь, иссяк, и его череп наполнился свинцом. — Ты знаешь, что он был прославленным волшебником?

— Это ничего не значит: волшебники не обязательно бывают добрыми. «Не вмешивайся в дела волшебников, потому что отказ нередко наносит обиду» — где-то я такое вычитала. — Изабель на шаг приблизилась к Мору и с некоторой тревогой вгляделась в его лицо. — Вид у тебя помятый.

— Я ф прядке, — сказал Мор, тяжело поднимаясь по ступеням в скребущиеся тени библиотеки.

— Отнюдь. Тебе бы выспаться, мальчик.

— Мр, — пробормотал Мор.

Он почувствовал, как Изабель забросила его руку себе на плечо. Стены плавно двигались, даже его собственный голос доносился откуда-то издалека, и он смутно представил себе, как хорошо будет вытянуться на удобной каменной плите и уснуть навеки.

Смерть скоро вернется, сказал он себе, чувствуя, как его безвольное тело не без посторонней помощи продвигается по коридорам. Тут уж ничего не попишешь, придется все рассказать Смерти. Он, в конце концов, не такое уж бесчувственное бревно. Смерть поможет; главное — суметь объясниться. А уж потом можно будет отбросить беспокойство и лечь поспа…

* * *

— Прежний род занятий?

— ПРОШУ ПРОЩЕНИЯ?

— Чем вы зарабатывали на жизнь? — пояснил сухопарый молодой человек за конторским столом.

Сидящая напротив фигура неловко заерзала.

— Я ПРОВОЖАЛ ДУШИ В СЛЕДУЮЩИЙ МИР. Я БЫЛ МОГИЛОЙ ЛЮБЫМ НАДЕЖДАМ. Я БЫЛ КОНЕЧНОЙ РЕАЛЬНОСТЬЮ. Я БЫЛ УБИЙЦЕЙ, КОТОРОГО НЕ МОГЛА УДЕРЖАТЬ НИКАКАЯ ДВЕРЬ.

— Да, это впечатляет, но какие у вас есть конкретные навыки и умения?

Смерть задумался.

— КАК НАСЧЕТ НЕКОТОРЫХ НАВЫКОВ ОБРАЩЕНИЯ С СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫМ

ИНВЕНТАРЕМ? — рискнул он наконец.

Молодой человек решительно помотал головой.

— НЕТ?

— Это город, господин… — Он опустил глаза и уже в который раз испытал смутное, непонятно откуда взявшееся беспокойство. — Господин… господин… господин, и полей тут маловато.

Положив перо, он улыбнулся одной из тех улыбок, каким обучаются по книжкам.

Анк-Морпорк еще не дошел в своем развитии до таких вершин, как создание биржи труда. Кто-то из горожан перенимал отцовское ремесло, кто-то находил применение своим врожденным талантам, кто-то получал место по протекции. Но спрос на прислугу и разнорабочих был высок, и когда в городе начался коммерческий бум, этот сухопарый молодой человек по имени Лайона Хлипп изобрел профессию агента по трудоустройству, которая в данный момент казалась ему очень непростой.

— Мой дорогой господин… — он снова опустил глаза, — господин, в город прибывает много народу из дальних мест, поскольку они, увы, считают, что жизнь здесь сытнее. Я, конечно, извиняюсь, но вы производите впечатление благородного

человека, оказавшегося в тяжелой жизненной ситуации. Я ожидал бы, что вы предпочтете что-нибудь более утонченное, нежели, — он вновь опустил взгляд и нахмурился, — «какое-нибудь приятное дельце по уходу за кошками или цветами».

— ПРОШУ ПРОЩЕНИЯ. МНЕ ПОКАЗАЛОСЬ, ЧТО НАСТАЛО ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН.

— Вы играете на музыкальных инструментах?

— НЕТ.

— Владеете столярным мастерством?

— НЕ ЗНАЮ, НИ РАЗУ НЕ ПРОБОВАЛ.

Смерть уткнулся взглядом в собственные ноги. Его постепенно охватывал жгучий стыд.

Хлипп переворошил лежащие на столе бумаги и вздохнул.

— Я УМЕЮ ПРОХОДИТЬ СКВОЗЬ СТЕНЫ, — осторожно сказал Смерть, ощущая, что беседа зашла в тупик.

Хлипп оживился.

— Я бы хотел убедиться, — сказал он. — Это было бы весьма полезным умением.

— ХОРОШО.

Смерть отодвинул стул и уверенно направился к ближайшей стене.

— ОЙ.

Хлипп ждал.

— Ну же, — поторопил он.

— М-М… ЭТО ВЕДЬ САМАЯ ОБЫЧНАЯ СТЕНА?

— Полагаю, что так. Но я не специалист.

—

У МЕНЯ ВОЗНИКЛИ НЕКОТОРЫЕ ЗАТРУДНЕНИЯ.

— Это заметно.

— КАК ЭТО НАЗЫВАЕТСЯ, КОГДА ТЫ ЧУВСТВУЕШЬ СЕБЯ ОЧЕНЬ МАЛЕНЬКИМ И ТЕБЕ ОЧЕНЬ ЖАРКО?

Хлипп покрутил в пальцах карандаш.

— Пигмей?

— НАЧИНАЕТСЯ НА «КА».

— Канфуз?

— Да, — ответил Смерть. — Я ХОТЕЛ СКАЗАТЬ — «ДА».

— Похоже, у вас нет ни единого полезного навыка или таланта, — заключил Хлипп. — Вы не думали заняться преподаванием?

Лик Смерти превратился в маску ужаса. Точнее, он всегда был маской ужаса, но на этот раз внешнее совпадало с внутренним.

— Видите ли, — участливо продолжил Хлипп и, отложив перо, сцепил пальцы, — мне крайне редко приходится подбирать новую работу для… как вы сказали?

— АНТРОПОМОРФНОЙ ПЕРСОНИФИКАЦИИ.

— Да-да. Кстати, а что это такое вообще?

Терпение Смерти лопнуло.

— ВОТ ЧТО.

На мгновение, на одно быстротечное мгновение господин Хлипп отчетливо разглядел его. И сам побелел почти как Смерть. Руки его судорожно дернулись. Сердце запнулось.

Смерть осмотрел его с умеренным любопытством, а затем извлек из глубин плаща песочные часы, поднес их к свету и придирчиво в них вгляделся.

— УСПОКОЙСЯ. У ТЕБЯ ВПЕРЕДИ ЕЩЕ НЕМАЛО ЛЕТ.

— Нннннннн…

— ЕСЛИ ХОЧЕШЬ, СКАЖУ ТОЧНО СКОЛЬКО.

Едва дыша, Хлипп заставил себя отрицательно покачать головой.

— ПОДАТЬ ТЕБЕ СТАКАН ВОДЫ?

— ннН… ннН…

В конторе раздался звон дверного колокольчика. Глаза Хлиппа закатились. Смерть решил, что должен ему помочь. Этот молодой человек рисковал потерять клиентуру, а у людей, судя по всему, клиентура ценилась очень высоко.

Он отодвинул занавеску из бусин, отделявшую

контору от приемной, где стояла приземистая толстая женщина, похожая на сердитую сдобную булку, и колотила по стойке пикшей.

— Я насчет места поварихи в Университете, — заявила она. — Ты мне говорил, что работа хорошая, а оказалось — позор один, студенты постоянно розыгрыши устраивают, так что я требую… ты обязан… я не…

Она осеклась.

— Эй, — сказала она, хотя было ясно, что кураж ее пошел на спад, — да ты ведь не Хлипп, а?

Смерть воззрился на нее. Ему еще не приходилась иметь дела с неудовлетворенными клиентами. Он не знал, что ему делать. И в конце концов сдался.

— СГИНЬ, ЧЕРНАЯ ПОЛУНОЧНАЯ ТЕТКА, — сказал он.

Глазки поварихи сощурились:

— Это ты кого придурочной щеткой назвал? — взвилась она и еще раз стукнула по стойке пикшей. — Вот сюда посмотри! Ночью у меня под боком была грелка, а утром глядь — рыбина. Я к тебе обращаюсь!

— ПУСТЬ ВСЕ ДЕМОНЫ АДА РАСТЕРЗАЮТ ТВОЙ ЖИВОЙ ДУХ, ЕСЛИ ТЫ СИЮ ЖЕ МИНУТУ НЕ УБЕРЕШЬСЯ ОТСЮДА, — еще раз попытался

Смерть.

— Про демонов не знаю, а как насчет грелки моей? Порядочной женщине в Университете не место, там пытались…

— ЕСЛИ ТЫ СОИЗВОЛИШЬ УЙТИ, — в отчаянии предложил Смерть, — Я ДАМ ТЕБЕ ДЕНЕГ.

— Сколько? — выпалила повариха со скоростью, которая впечатлила бы атакующую гремучую змею и посрамила молнию.

Смерть достал кошелек, откуда на прилавок высыпалась горка темных, покрытых патиной монет. Повариха осмотрела их с глубоким подозрением.

— СТУПАЙ СИЮ ЖЕ МИНУТУ, — велел Смерть, а потом добавил: — ПОКУДА ЗЛЫЕ ВЕТРЫ БЕСКОНЕЧНОСТИ НЕ ОПАЛИЛИ ТВОЮ БРЕННУЮ ПЛОТЬ.

— Мой супруг узнает об этом, — со значением предупредила повариха, выходя за порог. Смерти подумалось, что никакая из его угроз не могла соперничать с этой в кошмарности.

Он вернулся обратно через занавеску из бусин. У вжавшегося в кресло Хлиппа вырвалось какое-то сдавленное горловое бульканье.

— Значит, это правда! — воскликнул он. — А я-то думал, ты — страшный сон!

— Я ВЕДЬ МОГУ И ОСКОРБИТЬСЯ, — ответил Смерть.

— Ты в самом деле Смерть? — спросил Хлипп.

— ДА.

— А почему было сразу не назваться?

— НА ЛЮДЕЙ ЭТО ПРОИЗВОДИТ НЕ ЛУЧШЕЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ.

Истерически похохатывая, Хлипп принялся рыться в своих бумагах.

— Хочешь сменить род занятий? — уточнил он. — Зубная Фея? Водяной? Песочный человек?

— НЕ ГОВОРИ ГЛУПОСТЕЙ. Я ПРОСТО... ХОЧУ ПЕРЕМЕН.

В конце концов лихорадочное шуршание бумагами принесло свои плоды. Хлипп с маниакальным смехом сунул в руки Смерти какой-то листок.

Смерть прочитал его.

— ЭТО РАБОТА? ЛЮДЯМ ЗА ЭТО ПЛАТЯТ?

— Да-да, для тебя в самый раз, ты — лучшая кандидатура. Только на меня не ссылайся.

* * *

Бинки резвым галопом мчался сквозь ночь; далеко под его копытами разворачивался Плоский мир. Теперь Мор убедился, что меч достигает

невообразимых далей и способен дотянуться даже до звезд; он замахнулся, рассекая глубины космоса, и вогнал клинок в сердце желтого карлика, из которого получилась вполне приличная новая. Привстав в седле, Мор со смехом раскрутил меч над головой, и в небе веером полыхнуло голубое пламя, оставляя за собой след из темноты и тлеющих углей.

И не остановилось. Мор пытался совладать с мечом, который рассекал горизонт, вгрызался в горы, иссушал моря, превращал зеленеющие леса в щепу и пепел. Отчаянно вращаясь, он слышал у себя за спиной голоса, краткие вскрики родных и близких. От мертвой земли поднимались пыльные вихри; он силился разжать стиснувшие рукоять пальцы, но меч обжигал его ладонь ледяным холодом и обрекал его на танец, который мог закончиться лишь тогда, когда не останется ничего живого.

И этот миг настал, и Мор оказался наедине со Смертью, и тот сказал:

— Отличная работа, юноша.

И Мор поправил:

— МОР.

— Мор! Мор! Да проснись же ты!

Как утопленник в пруду, Мор медленно всплы-

вал на поверхность. Он сопротивлялся этому, цепляясь за подушку и за ужасы сна, но кто-то настойчиво дергал его за ухо.

— Мммф? — спросил он.

— Мор!

– *Шшшт?*

— Мор, с отцом что-то не то!

Разлепив глаза, он непонимающим взглядом вперился в лицо Изабель. Тут-то события минувшей ночи и ударили его по голове, как носок, набитый мокрым песком.

Все еще окутанный обрывками сна, Мор быстро спустил ноги на пол.

— Ладно, понял, — сказал он. — Уже бегу к нему.

— Но его здесь нет! Альберт вне себя! — Изабель, стоя подле кровати, теребила в руках носовой платок. — Мор, как по-твоему, с ним не случилось ничего ужасного?

Мор непонимающе уставился на нее.

— Не городи чепухи, — ответил он, — он же Смерть.

Мор почесался. Его сухую, горячую кожу терзал зуд.

— Но он никогда не исчезал так надолго! Даже во время той великой чумы в Псевдополисе! Ему

ведь по утрам нужно быть на месте: подбивать итоги, вычислять узловые события и…

Мор схватил ее за руки.

— Ладно, ладно, — как мог, попытался он ее успокоить. — Я уверен, ничего не случилось. Не переживай, сейчас схожу посмотрю… А почему ты стоишь с закрытыми глазами?

— Мор, сделай одолжение, оденься, — попросила Изабель тонким, напряженным голоском.

Мор посмотрел вниз.

— Извини, — робко произнес он. — Не сообразил… А кто укладывал меня спать?

— Я, — ответила она. — Но при этом отворачивалась.

Мор натянул штаны, набросил рубашку и впереди Изабель поспешил в сторону кабинета Смерти. Там обнаружился Альберт, который перескакивал с ноги на ногу, как селезень на сковороде. Когда вошел Мор, на лице старика отразилось чувство, отдаленно напоминающее благодарность.

А в глазах его Мор с изумлением увидел слезы.

— В кресле никто не сидел, — простонал Альберт.

— Прости, а это правда важно? — спросил Мор. — Мой дед, бывало, сутками не возвращался

домой после удачной торговли на базаре.

— Но по утрам он всегда здесь, — сказал Альберт. — Сколько я его знаю, сидит тут за письменным столом, высчитывает узловые точки. Это его работа. Он никогда бы ее не пропустил.

— Думаю, узловые точки могут и сами пару дней за собой приглядеть, — сказал Мор.

Воцарившийся в кабинете холодок намекнул ему, что это не так. Мор всмотрелся в лица Изабель и Альберта.

— Не могут? — уточнил он.

Оба помотали головами.

— Если как следует не просчитать узловые точки, то нарушится Равновесие, — сказала Изабель. — И случиться может все что угодно.

— Неужели он ничего не объяснял? — спросил Альберт.

— Вообще-то нет. Я занимался только практической стороной дела. Он сказал, что теорию мы разберем позднее, — пояснил Мор. Изабель расплакалась.

Альберт взял Мора за руку и, драматически подергав бровями, показал, что им нужно потолковать в уголке. Мор неохотно последовал за ним.

Порывшись в карманах, старик достал видав-

ший виды бумажный пакетик.

— Мятную пастилку? — предложил он.

Мор помотал головой.

— Он никогда не рассказывал тебе об узловых точках? — осведомился Альберт.

Мор опять помотал головой. Альберт пососал мятную пастилку; звук был — как будто из ванны Бога выдернули пробку.

— Сколько тебе лет, парень?

— Мор. Шестнадцать.

— Есть вещи, которые парню следует узнать до своего шестнадцатилетия, — сказал Альберт, глядя через его плечо на Изабель, рыдающую в кресле Смерти.

— О, про *это* я знаю. Мне папа рассказывал, когда мы с ним возили *тарг* на случку. Когда мужчина и женщина…

— Я имею в виду сведения о Вселенной, — поспешил прервать его Альберт. — Ты об этом хоть когда-нибудь размышлял?

— Я знаю, что Диск движется сквозь космос на четырех слонах, которые стоят на панцире Великого А'Туина, — сказал Мор.

— Это лишь часть. Я имею в виду всю вселенную пространства, и времени, и жизни, и смерти, и дня, и ночи, и всего остального.

— Об этом я не особо задумывался, — признал Мор.

— Ага. А стоило бы. Дело в том, что узловые точки для нее очень важны. Они держат под контролем смерть. Не Смерть, не его самого, а просто смерть как таковую. В том смысле, что, э… — Альберт не сразу подобрал нужные слова, — в том смысле, что смерть должна случаться точно в конце жизни, ни раньше ни позже, и точки пересечения требуется просчитывать, чтобы ключевые фигуры… да ты, я смотрю, не вникаешь?

— Прости.

— Их необходимо просчитывать, — без выражения продолжил Альберт, — чтобы забирать именно те жизни, которые требуется забрать. Символ этого процесса — песочные часы. А Долг сам по себе — дело нехитрое.

— А ты умеешь это делать?

— Нет. А ты?

— Нет!

Альберт в задумчивости почмокал мятной пастилкой.

— Значит, всему миру крышка, — заключил он.

— Послушай, я не понимаю, почему вы так

беспокоитесь. Наверное, его просто что-то задержало, — сказал Мор и сам понял, что этот довод не стоит выеденного яйца. Даже представить немыслимо, чтобы люди ловили Смерть за пуговицу, желая рассказать очередную байку, или хлопали по спине, приговаривая нечто вроде: «Да ладно, приятель, мы еще успеем опрокинуть по маленькой, чего тебе домой спешить», или же зазывали поиграть с их командой в кегли, а потом заскочить в клатчскую забегаловку, или же… Тут Мора настигла внезапная щемяще-горькая мысль о том, что Смерть, должно быть, самое одинокое существо во Вселенной. На великом празднике мироздания место Смерти всегда на кухне.

— Ума не приложу, что в последнее время нашло на хозяина, — пробормотал Альберт. — Освободи-ка кресло, девочка моя. Давайте взглянем на эти самые узловые точки.

Они открыли книгу учета.

И долго на нее смотрели.

Наконец Мор спросил:

— Что все это значит?

— Sodomy non sapiens, — пробормотал себе под нос Альберт.

— А это что значит?

— Драть меня, если я знаю.

— Это ведь волшебничий язык был? — спросил Мор.

— О волшебничьем языке не заикайся. Не знаю я никакого волшебничьего языка. Лучше пораскинь мозгами насчет вот этого.

Мор вновь присмотрелся к ажурному рисунку из линий. Казалось, на этой странице сплел паутину паук, который останавливался на каждом пересечении нитей, чтобы добавить пометки. Мор вглядывался до рези в глазах, ожидая хоть какой-то искры озарения. Искры появляться не спешили.

— Ну что, есть какие-нибудь идеи?

— Для меня это сплошная клатчская грамота, — признался Мор. — Я даже не понимаю, как это читать: вверх ногами или наискосок?

— По спирали от центра к краям, — всхлипнула Изабель со своего стула в углу.

Они столкнулись головами, уставившись в центр страницы. Потом посмотрели на Изабель. Та пожала плечами.

— Отец научил меня разбирать узловые графики, — сказала она, — когда я занималась шитьем в его кабинете. Иногда он кое-что зачитывал мне вслух.

— Поможешь? — спросил Мор.

— Нет, — ответила Изабель и высморкалась.

— Что значит «нет»? — прорычал Альберт. — Это слишком важно, чтобы капризнич…

— Это значит, — отрезала Изабель, — что читать буду я, а вы вдвоем — помогать.

* * *

Гильдия торговцев Анк-Морпорка обыкновенно нанимает большие бригады работников, у которых уши — что кулаки, а кулаки — что мешки грецких орехов; этим служащим вменяется в обязанность переучивать тех невежд, которые публично отказываются признавать бесчисленные красоты этого прекрасного города. Так, например, философ Котожар был найден плывущим по реке лицом вниз через считаные часы после произнесения знаменитого афоризма «Кто устал от Анк-Морпорка, тот устал от слякоти по колено».

Поэтому разумно будет сосредоточиться на одной — из множества, разумеется, — на одной из вещей, которые выделяют Анк-Морпорк среди великих городов множественной вселенной.

А именно — на еде.

Через этот город или по его довольно вязкой реке проходит добрая половина торговых путей

Плоского мира. На обширных городских территориях проживают представители большей части племен и народов, населяющих Плоский мир. В Анк-Морпорке сошлись кухни всего мира: в меню — тысяча сортов овощей, полторы тысячи сыров, две тысячи приправ, триста сортов мяса, двести видов дичи, пятьсот видов рыбы, сто вариаций на тему макаронных изделий, семьдесят сортов яиц того или иного рода, пятьдесят разновидностей насекомых, тридцать видов моллюсков, двадцать видов змей и других рептилий, а также нечто бледно-коричневое и бородавчатое, известное как клатчский бродячий болотный трюфель.

Заведения общественного питания варьируются от роскошных ресторанов, где порции микроскопические, зато подаются на серебре, до подпольных закусочных, где наиболее экзотические обитатели Плоского мира, по слухам, жрут все, что только могут затолкать себе в горло.

«Реберный Дом Харги», расположенный рядом с доками, едва ли можно отнести к ведущим едальням города, поскольку его здоровяки-завсегдатаи более всего ценят количество, а недополучив его, начинают крушить столы. Они не гонятся ни за вычурностью, ни за экзотикой: им подавай простую еду, например эмбрионы нелетающих птиц,

рубленые органы в оболочке из кишок, куски свиной плоти и подгоревшие молотые семена травянистых растений, плавающие в животном жире, или же, как говорится на местном наречии, яичницу с колбасками и беконом да ломоть жареного мяса.

Меню в таком заведении не требовалось. Чтобы ознакомиться с ассортиментом блюд, достаточно было посмотреть на жилет хозяина.

При этом Харга вынужден был признать, что новый повар оказался ценнейшим приобретением. Сам Харга, лучшая ходячая реклама своих фирменных высокоуглеводных блюд, сиял при виде зала, полного довольных едоков. А как быстро он готовил! Пугающе быстро, по правде сказать.

Харга постучал в заслонку между залом и кухней.

— Двойная глазунья, жареный картофель, фасоль и троллльбургер, без лука, — прохрипел он.

— БУДЕТ СДЕЛАНО.

Заслонка поднялась через считаные мгновения; из-под нее выскользнула пара тарелок. Харга только покачал головой в благодарном изумлении.

И так весь вечер. Желтки глазуньи получались

яркими и лучистыми, красная фасоль поблескивала рубинами, а золотисто-коричневые ломтики жареного картофеля напоминали загорелые тела отдыхающих на дорогом пляже. У предыдущего повара картофельные ломтики смахивали на бумажные кульки с гноем.

Харга обвел взглядом жаркую от пара забегаловку. Никто за ним не следил. Он решил разобраться, в чем тут дело. И вновь постучал в заслонку.

— Гепардовый сэндвич, — потребовал он, — да пошустре…

Заслонка уже скользнула вверх. Через несколько секунд, собравшись с духом, Харга заглянул под верхний слой оказавшегося перед ним длинного сэндвича. Трудно было сказать, действительно ли это мясо гепарда, но и обратное было недоказуемо. Харга снова забарабанил костяшками в заслонку.

— Ладно, — сказал он, — нареканий нет. Я только хочу узнать, как это ты так быстро управился.

— ВРЕМЯ НЕ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЯ.

— Что, правда?

— ЧИСТАЯ.

Харга счел за лучшее не спорить.

— В общем, работаешь ты чертовски хорошо,

дружок, — только и сказал он.

— КАК НАЗЫВАЕТСЯ СОСТОЯНИЕ, КОГДА ТЕБЕ ТЕПЛО, УЮТНО И ХОЧЕТСЯ, ЧТОБЫ ЭТО НЕ КОНЧАЛОСЬ?

— Думаю, я бы назвал это счастьем, — ответил Харга.

В тесной, загроможденной кухне, покрытой многолетними напластованиями жира, Смерть крутился и вертелся, шинковал, резал и жарил. Сковорода с длинной ручкой поблескивала среди зловонного пара.

Он отворил дверь и впустил холодный ночной воздух, а заодно — с десяток соседских кошек: их привлекли стратегически расставленные на полу миски с молоком и мясом самых лучших сортов, какие только нашлись в закромах у Харги — знал бы он… Время от времени Смерть делал небольшой перерыв в работе и почесывал за ушком кого-нибудь из котов.

— Счастье, — сказал он и не узнал собственный голос.

* * *

Кувыркс, волшебник на должности Королевского Узнавателя, с трудом преодолел последние башенные ступени и прислонился к стене, дожи-

даясь, когда успокоится сердце.

На самом деле башня не отличалась высотой — разве что по меркам Сто Лата. По своим очертаниям и конструкции это была самая что ни на есть типичная башня для заточения принцесс, но использовалась она главным образом для хранения всякой рухляди.

При этом из нее открывались несравненные виды на город и долину Сто; иными словами, отсюда можно было разглядеть очень много капусты.

Добравшись до раскрошившихся башенных зубцов, Кувыркс всмотрелся в утреннюю дымку. Она, кажется, была плотнее обычного. Приглядываясь, он вроде как замечал в небе какое-то мерцание. А хорошенько напрягая воображение, мог расслышать над капустными полями потрескивание, как будто там жарили саранчу. Кувыркс задрожал.

В такие минуты руки волшебника сами собой ощупывали карманы, но сейчас обнаружили в них только полпакета жевательного мармелада, слипшегося в вязкую массу, да яблочный огрызок. Ни от первого, ни от второго ждать утешения не приходилось.

На Кувыркса нахлынуло то желание, какое возникает в подобные моменты у всякого нор-

мального волшебника — желание покурить. За добрую сигару он готов был убить, а за раздавленный окурок — нанести резаную рану. Но пришлось взять себя в руки. Решимость полезна для души; вот только душа Кувыркса почему-то не ценила того, что он для нее делал. Говорят, по-настоящему велик тот волшебник, который всегда пребывает в напряжении. Из Кувыркса впору было делать тугую тетиву.

Повернувшись спиной к белокочанному пейзажу, он спустился по винтовой лестнице в основную часть замка.

А все равно, сказал он себе, задумка, похоже, работает. Население, судя по всему, не противится предстоящей коронации, хотя и не до конца понимает, кого планируется короновать. Улицы украсят флажками, а из фонтана на главной площади стараниями Кувыркса будет бить… ну, пусть не вино, но вполне сносное пиво из брокколи. Люди будут танцевать, даже если придется для этого грозить им мечами. Дети станут бегать наперегонки. Для народа зажарят бычью тушу. Королевскую карету заново позолотили, и Кувыркс с оптимизмом рассчитывал, что во время процессии хотя бы это привлечет внимание людей.

А вот первосвященник храма Слепого Ио мог стать проблемой. Кувыркс давно заметил, что этот милый старикан столь неуверенно обращается с ножом, что жертвенные животные, устав ждать, разбредаются кто куда. Когда он в последний раз пытался принести в жертву козу, та, покуда первосвященник собирался с мыслями, успела разродиться парой козляток и в порыве материнской отваги разогнала всех священнослужителей.

Даже при нормальных обстоятельствах вероятность того, что первосвященник возложит корону на правильную голову, была, по прикидкам Кувыркса, довольно невысокой; он решил, что будет стоять рядом со стариком и тактично направлять его трясущиеся руки.

Но главная сложность заключалась даже не в этом. Главная сложность была куда более сложной. Главную сложность после завтрака обрушил на Кувыркса сам канцлер.

— Фейерверки? — переспросил Кувыркс.

— Вы, волшебники, славитесь умением их организовывать, верно? — откликнулся этот залежалый сухарь. — Вспышки, грохот и все, что полагается. Помню, когда я был маленьким, один волшебник…

— Боюсь, я ничего не знаю о фейерверках, — сказал Кувыркс тоном, подразумевавшим, что это незнание ему дорого.

— Множество ракет, — предавался счастливым воспоминаниям канцлер. — Анкские свечи. Громовые петарды. И такие штучки, которые можно держать в руке. Что за коронация без фейерверков?

— Да, но, видите ли…

— Друг мой, — энергично оборвал его канцлер, — я знал, что мы сможем на тебя положиться. Понимаешь, главное — не скупиться на ракеты, а под конец — не забудь — надо обеспечить гвоздь программы: что-то по-настоящему захватывающее, например портрет… портрет… — Его взор заволокла пелена, удручающе знакомая Кувырксу.

— Принцессы Кели, — устало напомнил он.

— Вот-вот. Да. Ее, — подхватил канцлер. — Портрет… этой, про которую ты говорил… составленный из фейерверков. Понятно, что для вашего брата-волшебника это сущий пустяк, но народу нравится. Я всегда говорил: чтобы держать верноподданнические мышцы в тонусе, самое верное средство — это взрывы, вспышки и махание с балконов. Так что обеспечь их нам. Ракеты. И

чтоб с рунами.

Час назад Кувыркс пролистал оглавление «Гримуара крутой потехи», тщательно смешал ряд имеющихся в каждом доме ингредиентов и чиркнул спичкой.

Странная все-таки штука — брови, размышлял он. Пока они есть, о них даже не вспоминаешь.

С покрасневшими глазами, слегка попахивая паленым, Кувыркс брел к королевским покоям, обходя стайки служанок, занятых своими служаночьими обязанностями, которые почему-то всегда требовали усилий по меньшей мере трех участниц. При виде Кувыркса служанки обычно умолкали, пробегали мимо, опустив головы, а отдалившись на безопасное расстояние, разражались приглушенным хихиканьем. У Кувыркса это вызывало раздражение. Не по каким-то личным причинам, поспешно напомнил он себе, а просто потому, что к волшебникам положено относиться более уважительно. Кроме того, некоторые из служанок поглядывали на него так, что пробуждали отнюдь не волшебничьи мысли.

Воистину, подумал он, путь просвещения — это как полмили босиком по битому стеклу.

Он постучал в дверь покоев Кели. Ему открыла служанка.

— Твоя госпожа у себя? — осведомился он со всей возможной надменностью.

Служанка зажала рот ладошкой. У нее затряслись плечи. Глаза засверкали. Из-под пальцев вырвалось шипение, какое издает струя пара.

«Ничего не попишешь, — подумал Кувыркс, — видно, таково мое поразительное воздействие на женщин».

— Там мужчина? — раздался голос Кели. Глаза служанки остекленели, и она склонила голову набок, как будто не поняла, что именно услышала.

— Это я, Кувыркс, — сказал Кувыркс.

— А, тогда ничего страшного. Можешь войти.

Кувыркс протиснулся мимо служанки и, когда та вылетела из комнаты, постарался не обращать внимания на донесшийся из-за двери сдавленный хохоток. Естественно, все знали, что присутствие волшебника не требует бдительной дуэньи. Но от брошенного принцессой «А, тогда ничего страшного» у него внутри все перевернулось.

Сидя перед зеркалом, Кели расчесывала волосы. Очень мало найдется мужчин, которым известно, что принцессы носят под платьем, и сейчас Кувыркс примкнул к их числу — с крайней неохотой, но с поразительным самообладанием. Если что-то и выдавало его чувства, то лишь

кадык, лихорадочно дергавшийся вверх-вниз. Сомневаться не приходилось: для магии он будет негоден еще много *дней*.

Она обернулась, и на него повеяло тальком. Много *недель*, проклятье, много *недель*.

— Ты как-то раскраснелся, Кувыркс. Что-то случилось?

— Н-неа…

— Что, прости?

Он встряхнулся. Сосредоточься на расческе, дружище, на расческе.

— Немного переусердствовал с магическими опытами, ваше высочество. Нестрашно, поверхностные ожоги.

— А *эта напасть* еще близится?

— К сожалению, да.

Кели повернулась обратно к зеркалу. Лицо ее застыло.

— А нам хватит времени?

Этого вопроса Кувыркс страшился. Он сделал все, что было в его силах. Придворный звездочет, специально для этого ненадолго выведенный из запоя, утверждал, что единственный подходящий день для церемонии — завтра, поэтому Кувыркс наметил ее начало на одну минуту первого ночи. Партитуру королевских фанфар пришлось

безжалостно урезать. Оценив, сколько времени занимает обращение первосвященника к богам, Кувыркс тщательно его отредактировал; когда боги узнают, будет большой скандал. Ритуал помазания священными маслами решили свести к быстрым мазкам за ушами. В Плоском мире не знали, что такое скейтборд, а если бы знали — шествие Кели по храмовому проходу совершилось бы с небывалой скоростью. Но всех принятых мер было недостаточно. Волшебник взял себя в руки.

— Вероятно, нет, — ответил он. — Возможно, его у нас будет в обрез.

В зеркале сверкнул суровый взгляд принцессы.

— До какой степени в обрез?

— Э-э. До крайней.

— По-твоему, нас может накрыть прямо во время церемонии?

— Э-э. Скорее… э-э… до ее начала, — уныло сообщил Кувыркс.

Единственный звук в комнате исходил от пальцев Кели, барабанивших по краю столика. Кувыркс гадал, не собирается ли она расплакаться или разбить зеркало. Но вместо этого принцесса спросила:

— Откуда ты это знаешь?

Сперва он хотел отделаться какой-нибудь фра-

зой вроде «Я волшебник, мы на таких вещах собаку съели», но потом передумал. В прошлый раз после этих слов Кели пригрозила ему топором.

— Расспросил одного стражника о той таверне, про которую рассказывал Мор, — ответил он. — А потом вычислил приблизительное расстояние, которое должна одолеть стена. Мор говорил, что ее скорость примерно равна скорости медленно идущего человека, а его собственная походка, по моим прикидкам…

— Так просто? Ты даже не пользовался магией?

— Только здравым смыслом. В конечном итоге это куда более надежный инструмент.

Принцесса погладила его по руке и сказала:

— Бедный старый Кувыркс.

— Мне всего двадцать лет, ваше высочество.

Поднявшись из-за столика, она устремилась к своей гардеробной. Помимо прочего, принцесс учат всегда быть старше тех, кто ниже положением.

— Да, вероятно, молодые волшебники действительно должны существовать, — сказала она через плечо. — Просто люди всегда видят в них стариков. Интересно, почему.

— Издержки ремесла, ваше высочество, — за-

катывая глаза, ответил Кувыркс. До его слуха доносилось шуршание шелка.

— Почему ты решил стать волшебником? — Голос ее звучал приглушенно, будто голова была чем-то накрыта.

— Работа в помещении, и тяжести поднимать не нужно, — ответил Кувыркс. — Ну и еще, наверное, хотелось постичь устройство мира.

— И как, удалось?

— Нет. — Кувыркс был не мастер вести светскую беседу, иначе он бы никогда не позволил себе спросить:

— А вы почему решили стать принцессой?

После задумчивого молчания она сказала:

— Знаешь ли, это за меня решили другие.

— Прошу прощения, я…

— Монархия — это, так сказать, фамильная традиция. Думаю, и с магией то же самое: твой отец ведь наверняка был волшебником?

Кувыркс скрипнул зубами.

— Э… мм… Нет, — сказал он, — не совсем так. Точнее, совсем не так.

Он знал, что она скажет дальше; слова ее, неизбежные, как закат солнца, прозвучали с насмешливым любопытством.

— Да? А правду говорят, что волшебникам не

дозволено…

— Если на этом все, то мне пора, — преувеличенно громко сказал Кувыркс. — Если я кому-то понадоблюсь, пусть идет на звуки взрывов. А я… гнннх!

Кели вышла из гардеробной.

Женская одежда, надо сказать, не слишком занимала Кувыркса; если ему случалось думать о женщинах, воображение обычно рисовало их вовсе без одежды, но от возникшего перед ним видения у него просто захватило дух. Создатель этого наряда явно не знал меры. Он обшил шелк кружевом, отделал черным дурностаем, протянул нити жемчуга там, где, как ему казалось, было пустовато, подкрахмалил буфы рукавов, потом добавил серебряной скани, а потом снова вернулся к шелку.

Вообще говоря, поразительно, что можно сотворить при помощи нескольких унций тяжелого металла, некоторого количества раздраженных моллюсков, парочки дохлых грызунов и кучи ниток, вышедших из заднего прохода насекомого. В такой наряд впору не облачаться, а вселяться; если к нижним воланам не крепились колесики, значит, Кели была куда выносливей, чем представлялось Кувырксу.

— Что скажешь? — спросила она, медленно поворачиваясь. — Это платье носили моя мать, моя бабушка и ее мать.

— Как, все вместе? — переспросил Кувыркс, готовый в это поверить. «Как же она его надела? — гадал он. — Не иначе как там сзади дверка…»

— Это фамильная реликвия. Лиф расшит настоящими бриллиантами.

— Лиф — это которая часть?

— Вот эта.

Кувыркса пробрала дрожь.

— Впечатляет, — выдавил он, когда к нему вернулся дар речи. — Но не кажется ли вам, что платье это, так сказать, довольно возрастное?

— Это платье королевы.

— Да, но оно, должно быть, сковывает движения?

— Я не собираюсь в нем бегать. Двигаться нужно с достоинством.

И вновь сжатые челюсти принцессы своими контурами напомнили о ее предке-завоевателе, который всегда предпочитал передвигаться бегом, а о достоинстве имел ровно столько представления, сколько могло бы уместиться на острие копья.

Кувыркс развел руками.

— Ладно, — сказал он. — Хорошо. Мы все делаем, что можем. Надеюсь только, что Мор что-нибудь придумал.

— Трудно доверять привидению, — заметила Кели. — Он ходит сквозь стены!

— Кстати, я над этим размышлял, — сказал Кувыркс. — Загадка, да? Он проходит сквозь преграды только тогда, когда сам об этом не знает. Мне кажется, это профессиональный недуг.

— Что?

— Вчера вечером я почти убедился. Он становится реальным.

— Но мы все реальны! Ты-то уж точно, да и я, наверное, тоже.

— Но он становится более реальным. В высшей степени реальным. Почти как Смерть — куда уж реальней. Реальней некуда.

* * *

— Уверена? — с подозрением спросил Альберт.

— Конечно, — ответила Изабель. — А ты, если хочешь, сам проверь.

Альберт — воплощенная неуверенность — оглянулся на фолиант.

— Что ж, может и так, — нехотя признал он и выписал на клочок бумаги два имени. — Все

равно убедиться можно только одним способом.

Из верхнего ящика письменного стола Смерти он вытащил большое железное кольцо. На нем болтался один-единственный ключ.

— ЧТО ДАЛЬШЕ? — спросил Мор.

— Надо принести жизнеизмерители, — ответил Альберт. — Ты должен пойти со мной.

— Мор! — прошипела Изабель.

— Что?

— Да то, что ты сейчас сказал… — Она помолчала, а затем добавила: — Ничего. Просто… прозвучало это как-то странно.

— Я всего лишь спросил, что дальше, — напомнил ей Мор.

— Да, но… ладно, неважно.

Альберт бочком протолкнулся мимо них, похожий на двуногого паука, выбрался в коридор и направился к той двери, которая всегда была заперта. Ключ вошел в скважину, как нож в масло. Дверь отворилась. Петли даже не скрипнули; был только взмах глубочайшей тишины.

И рев песка.

Пораженные Мор и Изабель застыли на пороге, глядя, как Альберт шагает по проходу между рядов стекла. Звук входил в сознание не только через уши: он поднимался по ногам, просачивал-

ся сквозь черепную коробку и заполнял мозг до такой степени, что невозможно было думать о чем-то ином, кроме ошеломительно шипящего серого шума — звука миллионов проживаемых жизней. Стремящихся к своему неизбежному пункту назначения.

Они смотрели вверх и вдаль, на бесконечные ряды жизнеизмерителей, где каждый отличался от других и каждый носил свое имя. Свет факелов отражался от них, зажигая звезды на стеклянных колбах. Вдали стены зала терялись в галактике огоньков.

Пальцы Изабель сжались на руке Мора.

Когда она заговорила, в ее голосе звучало напряжение.

— Мор, среди них есть совсем *маленькие*.

— ЗНАЮ.

Она ослабила хватку — очень медленно, как будто опустила верхний туз на карточный домик и осторожно отводила руку, чтобы не разрушить все строение.

— Повтори, — тихо попросила она.

— Я сказал «знаю». Я ничего не могу с этим поделать. Разве ты здесь прежде не бывала?

— Нет. — Она чуть-чуть отстранилась и заглянула ему в глаза.

— Это место ничем не хуже библиотеки, — продолжал Мор, почти веря своим словам. В библиотеке он об этом только читал; здесь же — видел, как это происходит. — Почему ты так на меня смотришь? — добавил он.

— Пытаюсь вспомнить, какого цвета были твои глаза, — ответила она, — потому что…

— Если вы там намиловались, — прокричал Альберт, перекрывая гул песка, — то давайте сюда!

— Карие, — напомнил Мор, обращаясь к Изабель. — Глаза у меня карие. А что?

— Поторапливайтесь!

— Лучше пойди помоги ему, — сказала Изабель. — А то он, похоже, сильно тревожится.

Мор оставил ее и, утопая мыслями в трясине беспокойства, направился по выложенному плиткой полу туда, где нетерпеливо притопывал ногой Альберт.

— Что я должен сделать? — спросил Мор.

— Просто не отставай.

От зала лучами расходились коридоры, где хранились песочные часы. Кое-где один стеллаж отделяли от другого каменные столбы с угловатыми отметинами. Время от времени Альберт поглядывал на них, но вообще шел через песоч-

ный лабиринт уверенно, будто наизусть знал все повороты.

— Альберт, скажи, ведь у каждого есть свои часы?

— Да.

— Но ведь они все здесь не поместятся.

— Слыхал когда-нибудь про *m*-мерную топографию?

— Э-э. Нет.

— Тогда я бы на твоем месте повременил с выводами, — сказал Альберт.

Остановившись перед каким-то стеллажом и вновь сверившись с клочком бумаги, он провел рукой по стеклянной шеренге и резко выхватил один жизнеизмеритель. Верхняя колба почти опустела.

— Подержи-ка, — сказал он. — Если расчет верен, то и второй будет где-то рядом. Ага. Вот он.

Мор повертел в руках и те и другие песочные часы. Первые несли на себе все приметы значительной жизни, тогда как вторые, какие-то приплюснутые, выглядели совершенно заурядными.

Он прочел имена. Первое, видимо, принадлежало вельможе из земель Агатовой империи. Второе представляло собой набор пиктограмм

родом — он без труда это распознал — из Повращательного Клатча.

— Теперь дело за тобой, — ухмыльнулся Альберт. — Раньше начнешь — раньше закончишь. Я приведу Бинки к парадной двери.

— Как по-твоему, у меня с глазами все в порядке? — озабоченно спросил Мор.

— Ничего особенного не вижу, — ответил Альберт. — Белки покраснели, радужка чуть синее обычного, а так все нормально.

Мор в задумчивости последовал за ним мимо длинных стоек с часами. Изабель смотрела, как он выхватил меч из подставки возле дверей, со свистом разрубил воздух, проверяя остроту клинка, — точно так же, как делал Смерть, — и безрадостно улыбнулся приятному для слуха раскату грома.

Изабель узнала эту походку. Он *шествовал.*

— Мор? — шепнула она.

— ДА?

— С тобой что-то происходит.

— Я ЗНАЮ, — ответил Мор. — Но, кажется, могу это контролировать.

Снаружи донесся стук копыт; Альберт распахнул дверь и вошел в дом, потирая руки.

— Ладно, парень, мешкать не…

Мор широко замахнулся мечом. Клинок вспорол воздух с таким звуком, точно рвался шелк, и вонзился в дверной косяк возле Альбертова уха.

— НА КОЛЕНИ, АЛЬБЕРТО МАЛИХ.

У Альберта отвисла челюсть. Он скосил глаза на сверкающее лезвие в паре дюймов от своей головы, а потом сощурил их до напряженных щелок.

— Ты не посмеешь, юнец, — сказал он.

— МОР.

Этот единственный слог был резок, словно удар хлыста, и в два раза более яростен.

— У нас был договор, — сказал Альберт, но в голосе его прозвучал комариный писк сомнения. — Было соглашение.

— Не со мной.

— Но соглашение было! Куда мы придем, если не будем чтить договоренности?

— Не знаю, куда приду я, — негромко сказал Мор. — НО ЗНАЮ, КУДА ОТПРАВИШЬСЯ ТЫ.

— Это несправедливо! — Теперь Альберт ныл.

— СПРАВЕДЛИВОСТИ НЕТ. ЕСТЬ ТОЛЬКО Я.

— Прекрати, — сказала Изабель. — Мор, не глупи. Здесь невозможно никого убить. И потом, ты ведь на самом деле не хочешь убивать Альберта.

— Здесь — нет. Но я могу отправить его назад, в обычный мир.

Альберт побледнел.

— Ты не посмеешь!

— Неужели? Я запросто переброшу тебя назад и там оставлю. Полагаю, там тебе отпущено не так уж много времени, я прав? Я ПРАВ?

— Не надо так разговаривать, — сказал Альберт, избегая смотреть ему в глаза. — Ты похож на хозяина, когда так разговариваешь.

— Я могу быть куда страшнее хозяина, — бесстрастно изрек Мор. — Изабель, сделай одолжение, сходи за биографией Альберта.

— Мор, мне правда кажется, что ты…

— МНЕ ПОВТОРИТЬ СВОЮ ПРОСЬБУ?

Она убежала, белая как полотно.

Сощурившись, Альберт скользнул глазами по мечу от острия до эфеса, уперся взглядом в Мора и улыбнулся кривой, безрадостной улыбкой.

— Ты не сможешь вечно это контролировать, — сказал он.

— Мне это и не нужно. Мне нужно контролировать это столько, сколько необходимо.

— Ты ведь понимаешь, что становишься сосудом? Чем дольше будет тянуться отсутствие хозяина, тем больше ты станешь походить на него. Только тебе придется хуже: ты будешь помнить, что значит быть человеком, и…

— А как насчет тебя? — взвился Мор. — Ты сам-то помнишь, что значит быть человеком? Если вернешься, сколько времени у тебя останется?

— Девяносто один день, три часа и пять минут, — без запинки ответил Альберт. — Я знал, что он у меня на хвосте, ясно тебе? Но здесь я в безопасности, а он не так уж плох. Порой и представить не могу, как бы он справлялся без меня.

— Действительно, во владениях Смерти никто не умирает. И ты этим доволен? — спросил Мор.

— Чтобы ты понимал: мне больше двух тысяч лет. Я уже прожил дольше всех.

Мор покачал головой.

— А вот и нет. Ты лишь оттянул неизбежное. Но жизни как таковой здесь нет. А здешнее время — обман. Оно нереально. Здесь нет перемен. Чем коротать вечность в здешних краях, я предпочел бы умереть и поглядеть, что будет дальше.

Альберт в задумчивости потеребил нос.

— Ты-то, конечно, предпочел бы, — сказал он, — а я, видишь ли, был волшебником. И неплохо справлялся. Мне даже памятник поставили. Но пойми: невозможно долгое время быть волшебником и не нажить врагов — тех, которые… поджидают на Другой Стороне.

Он шмыгнул.

— Не все они — о двух ногах. Кое у кого и вовсе нету ног. Да и лиц тоже. Смерть меня не страшит. Страшно то, что ожидает после.

— Так помоги же мне.

— А какой мне от этого прок?

— Когда-нибудь тебе понадобятся друзья на Другой Стороне, — сказал Мор. Подумал несколько секунд и добавил: — Я бы на твоем месте решил, что не повредит почистить напоследок душу. Быть может, кое-кому из тех, кто тебя поджидает, не понравится вкус.

Альберт содрогнулся и закрыл глаза.

— Ты сам не понимаешь, об чем сам говоришь, — сказал он, руководствуясь больше чувствами, нежели грамматикой, — а иначе промолчал бы. Чего тебе от меня надо?

Мор объяснил.

Альберт хохотнул.

— И всего-то? Просто изменить Реальность? Не выйдет. Такой сильной магии больше не существует. На это были способны только Великие Заклинания. И ничто иное. Вот и все, дальше можешь делать что пожелаешь, и удачи тебе в твоих начинаниях.

Тут вернулась слегка запыхавшаяся Изабель, неся с собой новейший том жизнеописания

Альберта. Альберт вновь шмыгнул. Крошечная капля, повисшая на кончике его носа, зачаровывала Мора. Она вечно была готова сорваться, но никогда не набиралась смелости. «Прямо как он сам», — подумал Мор.

— Ты не сможешь навредить мне с помощью книги, — с опаской проговорил Альберт.

— Я и не собирался. Но сдается мне, что невозможно стать великим волшебником, если все время говорить правду. Изабель, прочти-ка вслух, что там сейчас пишется.

— «Альберт неуверенно посмотрел на него», — начала Изабель.

— Ты не можешь верить всему, что там сказано!

— «…вскричал он, понимая в самой глубине своей очерствевшей души, что на самом деле Мор очень даже может», — продолжала она.

— Прекрати!

— «…завопил он, пытаясь загнать в самый дальний уголок разума мысль о том, что даже если остановить Реальность нельзя, можно попробовать чуть-чуть ее замедлить».

— КАК?

— «…свинцовым тоном Смерти изрек Мор», — ответственно прочла Изабель.

— Да, да, понятно, мои реплики можешь не читать, — раздраженно рявкнул Мор.

— Прости, конечно, что еще жива.

— ЖИЗНЬ НИКОМУ НЕ ПРОЩАЕТСЯ.

— И попрошу так со мной не разговаривать. Меня этим не устрашить, — добавила Изабель и опустила взгляд в книгу, где свежая строка уличала ее во лжи.

— Объясни как, волшебник! — велел Мор.

— У меня ничего не осталось, кроме магии! — простонал Альберт.

— Она тебе не нужна, старый ты сквалыга.

— Тебе меня не запугать, юнец…

— ПОСМОТРИ МНЕ В ГЛАЗА И ПОВТОРИ.

Мор повелительно щелкнул пальцами. Изабель опять склонилась над книгой.

— «Всмотревшись в голубой свет этих глаз, Альберт лишился последних капель дерзости, — прочла она, — потому что узрел в них не просто Смерть, но Смерть со всеми человеческими приправами в виде жестокости и отвращения, а также проникся жуткой уверенностью, что это последний шанс и что Мор сейчас вышвырнет его назад во Время, и выследит его там, и за руку оттащит в темные Подземельные Измерения, где ужасные твари примутся точка, точка, точка,

точка, точка», — закончила она. — Дальше на полстраницы только точки.

— Потому что даже книга не смеет о них рассказывать, — прошептал Альберт. Он попытался закрыть глаза, но образы там, во тьме под веками, оказались столь зримыми, что он снова их распахнул. Даже Мор был предпочтительнее.

— Ладно, — сдался Альберт. — Есть одно заклинание. Оно способно замедлить время, но лишь на небольшой территории. Я запишу слова, но тебе придется отыскать волшебника, чтобы он их прочел.

— С этим я справлюсь.

Альберт провел по пересохшим губам шершавым, как мочалка, языком.

— Но я назначу цену, — добавил он. — Сперва ты исполнишь Долг.

— Изабель? — окликнул Мор. Она вновь устремила взгляд на страницу.

— Он серьезно, — подтвердила она. — Иначе все пойдет наперекосяк, а его в любом случае выбросит обратно во Время.

Все трое обернулись и посмотрели на огромные часы, царившие в прихожей. Лезвие маятника неспешно рассекало воздух, нарезая время тонкими ломтиками.

Мор застонал:

— Времени слишком мало! Я не успею сделать и то и другое!

— А хозяин успел бы, — заметил Альберт.

Мор выдернул меч из косяка и яростно, но бестолково погрозил им отшатнувшемуся Альберту.

— Тогда пиши заклинание! — заорал он. — Да поскорее!

Развернувшись, он прошествовал обратно в кабинет Смерти. Там в углу располагался диск мира, выполненный весьма тщательно, вплоть до серебряных слонов, стоящих на спине Великого А'Туина, чей метровой длины панцирь был отлит из бронзы. Крупнейшие реки изображались прожилками нефрита, пустыни — алмазной крошкой, а наиболее значительные города — драгоценными камнями: Анк-Морпорк, например, был отмечен карбункулом.

Мор небрежно поставил два жизнеизмерителя примерно в те места, где должны были находиться их владельцы, а сам рухнул в кресло Смерти, не сводя взгляда с песочных часов и мысленно приказывая им сблизиться. Кресло негромко поскрипывало, когда он раскачивался из стороны в сторону, сверля глазами миниатюрный диск.

Вскоре в кабинет мягкой поступью вошла Иза-

бель.

— Альберт записал его, — вполголоса сообщила она. — Я сверилась с книгой. Он не обманул. А сам ушел и заперся у себя; теперь…

— Взгляни на эту пару! Нет, ты только посмотри!

— Я считаю, тебе надо немного успокоиться, Мор.

— Да как я могу успокоиться, посмотри сюда: вот этот находится чуть не в самом Великом Нефе, вон тот — прямо в Бес Пеларгике, а ведь мне еще в Сто Лат возвращаться. Это, как ни крути, десять тысяч миль в общей сложности. Положение безвыходное.

— Уверена, ты найдешь выход. А я помогу.

Впервые внимательно приглядевшись к Изабель, он заметил на ней пальто, совершенно ей не идущее, с большим меховым воротником.

— Ты? И чем же ты можешь помочь?

— Бинки легко выдержит двоих, — робко сказала Изабель. Потом неопределенно помахала бумажным пакетом. — Вот, захватила нам кое-что в дорогу. Я могу… двери придерживать, и не только двери.

Мор безрадостно усмехнулся.

—

В ЭТОМ НЕ БУДЕТ ОСТРОЙ НЕОБХОДИМОСТИ.

— Оставь, пожалуйста, этот тон.

— Я не могу брать с собой пассажиров. Ты меня замедлишь.

Изабель вздохнула.

— Слушай, давай так. Сделаем вид, будто мы с тобой поспорили, и я одержала верх. Видишь? Таким способом можно сберечь немало сил. И потом, без меня Бинки может и заартачиться. Я ведь не один год задабривала его кусками сахара. Итак… в путь?

* * *

Альберт сидел на своей узкой кровати, мрачно уставившись в стену. Когда до его слуха донесся стук копыт, резко оборвавшийся при взлете Бинки, он что-то буркнул себе под нос.

Прошло минут двадцать. По лицу старого волшебника скользили, как тени облаков по горному склону, самые разные чувства. Время от времени он шепотом заговаривал сам с собой: «Предупреждал я их», или «Никогда бы этого не потерпел», или «Хозяин должен знать».

В конце концов Альберт вроде бы достиг внутреннего согласия, с осторожностью опустился на колени и выдвинул из-под кровати потрепанный

жизнью сундук. С усилием откинув крышку, он извлек на свет и развернул пыльную серую мантию, с которой посыпались на пол шарики нафталина и потускневшие блестки. Набросив мантию на плечи, Альберт отряхнул ее от самых крупных клочьев пыли и снова залез под кровать. Оттуда понеслись глухие проклятия, изредка сопровождаемые звяканьем фарфора, и наконец Альберт выполз обратно, держа в руках длинный, выше своего роста, посох.

Он был массивнее любого другого посоха, главным образом потому, что сверху донизу его покрывала резьба. Узор на самом деле был неразборчив, но создавалось впечатление, что тот, кто смог бы увидеть его отчетливо, немедленно бы об этом пожалел.

Еще раз отряхнувшись, Альберт критически осмотрел свое отражение в зеркале над умывальником.

И спохватился:

— Шляпа. Шляпы-то нет. Какое волшебство без шляпы. Проклятье.

Он с топотом выскочил из комнаты и за каких-то пятнадцать минут успел вырезать круг из ковра в спальне Мора, разжиться серебристой бумагой, хранившейся за зеркалом в комнате

Изабель, прихватить иголку с ниткой из шкатулки под раковиной в кухне и, наконец, вернуться к своему сундуку, чтобы сгрести со дна опавшие блестки. Конечный результат оказался не так хорош, как ему хотелось бы, и имел склонность залихватски сползать на один глаз, но зато он был черным, с лунами и звездами, и однозначно указывал, что его владелец — не кто-нибудь, а волшебник, хотя, возможно, и находящийся в отчаянном положении.

Впервые за две тысячи лет Альберт чувствовал, что одет по всей форме. От этого ощущения ему даже сделалось немного не по себе; пришлось собраться с мыслями, прежде чем сдвинуть в сторону лоскутный прикроватный коврик и посохом начертить на полу окружность.

Кончик посоха оставлял за собой светящуюся полосу октарина — восьмого цвета радуги, цвета магии, пигмента воображения.

На этой окружности он отметил восемь точек и соединил их в октограмму. Комнату начала заполнять гулкая пульсация.

Альберто Малих ступил в центр круга и воздел над головой посох. Он ощутил, как тот просыпается в его руках, ощутил покалывание дремавшей силы, пробуждающейся медленно и неотвра-

тимо, словно тигр. Она возвращала старые воспоминания о могуществе и волшебстве, и они принимались с жужжанием летать по запыленным чердакам его сознания. Впервые за много веков он почувствовал себя живым.

Он облизнул губы. Пульсация стихла, и в комнате воцарилась странная, словно выжидающая, тишина.

Малих запрокинул голову и выкрикнул всего один слог.

Оба конца посоха вспыхнули сине-зеленым огнем. Волшебника окутали языки октаринового пламени, вырвавшиеся из восьми углов октограммы. На самом деле для сотворения заклинания все это было совершенно не нужно, однако для волшебников очень важны эффектные появления…

А также исчезновения. Он исчез.

* * *

Плащ Мора трепали ветра стратополусферы.

— Куда отправимся сначала? — прокричала ему в ухо Изабель.

— В Бес Пеларгик! — гаркнул в ответ Мор, и его слова тут же закружил порыв урагана.

— Это где?

— В Агатовой империи! На Противовесном континенте!

Он указал куда-то вниз.

Зная, что путь неблизок, Мор не пришпоривал Бинки, и сейчас белый жеребец легким аллюром несся над океаном. Изабель взглянула на ревущие зеленые валы с барашками пены и еще крепче вцепилась в Мора.

А Мор смотрел вперед, туда, где за грядой облаков лежал далекий континент, и сдерживал желание пустить Бинки галопом, плашмя шлепнув его по боку мечом. Он ни разу не бил коня и даже не представлял, к чему это может привести. Оставалось только запастись терпением.

У него из-под мышки высунулась рука, держащая сэндвич.

— Могу предложить с ветчиной или с сыром и чатни, — сказала Изабель. — Советую подкрепиться — делать-то все равно нечего.

Взглянув на размокший треугольник, Мор попытался вспомнить, когда в последний раз нормально ел. По часам не определить — тут календарь нужен. Он взял сэндвич.

— Спасибо. — Он вложил в ответ всю признательность, на какую только был способен.

Крошечное солнце уходило за горизонт, увле-

кая за собой ленивый дневной свет. Облака набухали, расцвечиваясь по краям розовым и оранжевым. Через некоторое время Мор начал различать внизу совсем темные, размытые очертания суши с редкими огоньками городов.

Через полчаса он убедился, что различает даже отдельные строения. Архитектура Агатовой империи тяготела к формам приземистых пирамид.

Бинки стал снижаться; копыта его уже были в считаных футах над морем. Вновь сверившись с песочными часами, Мор мягко натянул поводья, чтобы направить коня чуть краестороннее, к морскому порту.

Кораблей в порту стояло немного, в основном одномачтовые каботажные торговые суденышки. Империя не приветствовала дальние морские походы, ограждая своих подданных от разного рода зрелищ, способных вызвать смятение в умах. По той же причине всю страну обнесли стеной, на которой дежурили Небесные Стражи, чьим первейшим долгом было отдавливать пальцы тем, кому вздумалось погулять пять минуток снаружи и подышать свежим воздухом.

Но случалось такое нечасто, поскольку подданные Императора-Солнца были вполне довольны жизнью под защитой стены. Всеобщая истина:

каждый из нас живет либо по одну, либо по другую сторону какой-нибудь стены, а потому лучше вовсе о ней не думать или же укреплять пальцы.

— Кто здесь правит? — поинтересовалась Изабель, когда они пролетали над гаванью.

— Формально — какой-то малолетний император, — ответил Мор. — Но всеми делами, как я понимаю, заправляет Великий визирь.

— Никогда не доверяй Великому визирю, — мудро заметила Изабель.

Вообще-то Император-Солнце ему и не доверял. У визиря, которого звали Девять Вращающихся Зеркал, были весьма недвусмысленные представления о том, кто должен управлять страной — конечно же, он сам, — и теперь, когда мальчишка достиг того возраста, в котором дети начинают задавать вопросы вроде: «А разве стена не будет выглядеть лучше, если прорубить в ней несколько ворот?» или «Да, но как живется людям по ту сторону?», решил, что Императора надлежит жестоко умертвить ядом и похоронить в негашеной извести — для его же блага.

Бинки приземлился на разровненный гравий близ невысокого многокомнатного дворца, чем

грубо нарушил гармонию Вселенной[10]. Мор спешился и помог Изабель сойти на землю.

— Ты, главное, не вмешивайся, хорошо? — озабоченно напомнил он. — И вопросов не задавай.

Мор взбежал по лакированным ступеням и торопливо устремился сквозь безмолвные анфилады, лишь изредка останавливаясь, чтобы сориентироваться по песочным часам. В конце концов он скользнул в какой-то коридор и заглянул сквозь изящную решетку в длинную комнату с низким потолком, где собрался на ужин императорский двор.

Юный Император-Солнце сидел во главе ковра, поджав под себя ноги и расправив мантию из дурностая и перьев. Он уже заметно вырос из этого облачения. Вельможи расселись вокруг ковра в строгом и сложном порядке старшинства, но среди них нетрудно было узнать визиря, который с крайне подозрительным видом ковырял палочками свою порцию *сквиши* с отварными

[10] Примечания: 10

Каменный сад Вселенского Покоя и Простоты, заложенный по приказу покойного императора Одно Солнечное Зеркало (Который прославился также тем, что имел обыкновение отрезать врагам губы и ноги, а затем сулить им свободу, если они сумеют пробежать через весь город, играя на трубе.), был обустроен с использованием минимального количества предметов и теней и символизировал основополагающее единство души и тела, а также гармонию всего сущего. Считалось, что в этом строгом узоре камней скрыты глубинные тайны реальности.

водорослями. Похоже, умирать тут никто не собирался.

Мор прокрался по коридору, свернул за угол и едва не столкнулся с отрядом здоровенных Небесных Стражей, которые сгрудились у глазка в бумажной стене и по очереди затягивались сигаретой, передаваемой от одного к другому по-солдатски, в сложенных лодочкой ладонях.

На цыпочках он вернулся к решетке и подслушал такой разговор:

— Воистину я несчастнейший из смертных, о Вездесущий, ибо нашел вот это в моем во всех отношениях прекрасном *сквиши*, — изрек визирь, демонстрируя свои палочки.

Приглядываясь, вельможи вытянули шеи. Так же поступил и Мор. Он не мог не согласиться с жалобой: его взору предстал сине-зеленый комок с болтающимися резинового вида трубочками.

— Повар понесет наказание, Благородный Светоч Учености, — промолвил император. — У кого свиные ребрышки?

— Нет, о Проницательный Отец Своего Народа, я вел речь о том, что это, если глаза не изменяют мне, мочевой пузырь и селезенка глубоководного дутого угря, которые считаются изысканнейшим лакомством, с той лишь оговоркой, что вкушать

их — так, по крайней мере, пишут в книгах — дозволено только богоизбранным, к коим я, разумеется, не причисляю себя, ничтожного.

Ловким движением он отправил находку в пиалу императора, где она поколыхалась и замерла. Юный монарх внимательно осмотрел ее, а потом насадил деликатес на палочку.

— Однако, — произнес он, — разве не писал великий мудрец Лай Тин Видль, что иной ученый стоит многих князей? Я помню, как однажды получил из твоих рук соответствующий отрывок для чтения, о Верный и Усердный Поборник Знаний.

Яство описало в воздухе еще одну крутую дугу и виновато шлепнулось в пиалу визиря. Тот быстрым движением подхватил его и приготовился совершить новую подачу. Глаза его сузились.

— В широком смысле это действительно так, о Нефритовый Родник Мудрости, но конкретно меня невозможно поставить выше Императора, которого я люблю как родного сына и ни на миг не переставал любить с того злосчастного дня, когда оборвалась жизнь его отца, а посему я кладу этот скромный дар к твоим стопам.

Глаза придворных проследили за третьим полетом многострадального органа через ковер, но

император, схватив веер, отбил рыбий потрох в направлении пиалы визиря с изумительной ловкостью и такой силой, что расплескал повсюду водоросли.

— Да съешьте же это хоть кто-нибудь, во имя небес! — прокричал Мор, которого, впрочем, никто не услышал. — У меня времени в обрез!

— Воистину, ты наизаботливейший из подданных, о Искренний и Единственный Свидетель Смерти Моих Отца и Деда, а посему я повелеваю: наградой тебе будет это яство, изысканное и редкое.

Неуверенно потыкав комок палочкой, визирь вгляделся в императорскую улыбку, лучезарную и жуткую. И попытался отыскать отговорку.

— Увы, я, похоже, проявил непозволительное чревоугодие… — начал он, но император жестом приказал ему замолчать.

— Бесспорно, такое яство требует подобающей приправы, — объявил он и хлопнул в ладоши. Бумажную стену у него за спиной сверху донизу вспороли клинки, и в обеденный зал шагнули Небесные Стражи: трое потрясали мечами *кандо*, а четвертый судорожно пытался заглотить непотушенный окурок.

Визирь выронил пиалу.

— Самый верный из моих приближенных утверждает, что в животе у него не осталось места для этого последнего лакомства, — сказал император. — Не сомневаюсь, что вы сможете исследовать его желудок и удостовериться в правдивости сих слов. А почему у этого человека из ушей валит дым?

— От служебного рвения, о Небесное Блистательство! — торопливо ответил командир. — Прошу его простить, удержу не знает.

— Тогда пусть возьмет вот этот нож — и… Ага, визирь все же проголодался. Похвально.

В наступившей мертвой тишине ритмично двигались челюсти визиря. Наконец он сглотнул.

— Превосходно, — сказал он. — Восхитительно. Поистине пища богов, а теперь прошу меня извинить…

Он выпрямил ноги и попытался встать. На лбу у него проступили бисерины пота.

— Ты желаешь нас покинуть? — Император вздернул брови.

— Неотложные государственные дела, о Прозорливый…

— Сиди. После трапезы резкий подъем вреден — это прямой путь к несварению желудка, — сказал император, и стражники согласно закивали. — А

кроме того, неотложных государственных дел сейчас нет, если, конечно, не брать в расчет те, что таятся в красной склянке с наклейкой «Противоядие», которая хранится у тебя дома в черном лаковом шкафчике на бамбуковой циновке, о Яркий Полночный Светильник.

У визиря зазвенело в ушах. Лицо приобрело синюшный оттенок.

— Вот видишь? — заметил император. — Несвоевременная двигательная активность на полный желудок способствует выделению тлетворных гуморов. И пусть это предостережение долетит до самых дальних уголков моих владений, дабы все подданные извлекли для себя урок из твоего горького опыта.

— Преклоняюсь… перед твоей… заботой, Венценосный… — прохрипел визирь — и рухнул лицом в блюдо с вареными мягкопанцирными крабами.

— У меня был *прекрасный* учитель, — изрек император.

— НУ НАКОНЕЦ-ТО, — сказал Мор и взмахнул мечом.

В следующий миг душа визиря всплыла над циновкой и окинула взглядом Мора.

— А ты кто такой, варвар? — рявкнула она.

— СМЕРТЬ.

— Не мой Смерть, — отрезал визирь. — Где Черный Дракон Небесного Огня?

— ОН НЕ СМОГ ПРИЛЕТЕТЬ, — ответил Мор. Позади души визиря в воздухе собирались тени. Некоторые явились в императорском платье, но их оттесняло множество других, и все без исключения сгорали от нетерпения поприветствовать новоприбывшего в царство мертвых.

— Кажется, здесь кое-кто жаждет с тобой увидеться, — сказал Мор и заспешил прочь. Дойдя до коридора, он услышал крик души визиря…

Изабель терпеливо стояла рядом с Бинки; в качестве запоздалого обеда тот жевал пятивековой бонсай.

— Один есть, — сообщил Мор, вскакивая в седло. — Едем. У меня дурное предчувствие насчет следующего, а времени совсем мало.

* * *

Альберт материализовался в центре Незримого Университета — к слову, в том же месте, где простился с этим миром примерно два тысячелетия назад.

Он довольно крякнул и стряхнул с мантии парочку пылинок.

А потом ощутил, что за ним наблюдают; оглядевшись, он обнаружил, что явился в мир под строгим мраморным взглядом самого себя.

Поправив очки, Альберт неодобрительно изучил бронзовую табличку, прикрученную к его пьедесталу. Надпись гласила:

«Альберто Малих, основатель этого университета. 1222–1289. „Другого такого мы больше не увидим“».

Тоже мне, пророки, подумал он. Если уж они были о нем такого высокого мнения, могли бы нанять приличного скульптора. Это же позорище. Нос — просто курам на смех. А это, по-вашему, нога? О, да на ней еще и имена чьи-то нацарапаны. А чем надеть такую шляпу, он лучше сдохнет. А подыхать он, если от него тут хоть что-то зависит, не собирается.

Альберт метнул в жуткую карикатуру октариновую молнию и злобно ухмыльнулся, когда памятник разлетелся в пыль.

— Вот так-то, — обратился он ко всему Плоскому миру разом. — Я вернулся.

Покалывание от использования магии поднялось по его руке и достигло мозга, где обернулось теплым сиянием. Как же Альберт скучал по нему все эти годы!

Через высокие двустворчатые двери на грохот взрыва прибежали волшебники и с ходу пришли к неверному выводу.

Пьедестал оказался пуст. Вокруг висело облако мраморной пыли. А из него широким шагом, беседуя сам с собой, выходил Альберт.

Волшебники, замыкавшие толпу, попытались как можно тише и как можно быстрее удрать. В этой толпе каждый в годы бесшабашной юности хотя бы раз надел на голову старика Альберта известную ночную посудину, вырезал свое имя на какой-нибудь каменной части тела или облил постамент пивом. А то и чем-нибудь похуже, когда на Буйной Неделе напитки текли рекой, а ковылять до сортира было невмоготу. В ту пору эти затеи казались верхом остроумия. Но теперь почему-то нет.

В итоге лицом к лицу с разгневанной статуей остались лишь двое: у одного дверью защемило мантию, а другой, так уж вышло, был обезьяной и потому относился к человеческим делам довольно расслабленно.

Альберт схватил в охапку волшебника, отчаянно пытавшегося врасти в стену. Тот заныл:

— Ну хорошо, хорошо, каюсь! Был пьян, поверьте, я не со зла, мне жаль, мне очень жаль…

— Что ты такое блеешь? — в искреннем недоумении спросил Альберт.

— …страшно жаль, если бы я попытался объяснить вам, как мне жаль, мы бы с вами…

— Хватит молоть ерунду! — Альберт опустил взгляд на примата и был награжден теплой дружеской улыбкой. — Как тебя зовут?

— Умолкаю, господин, больше ни слова, никакой ерунды, господин… Ринсвинд, господин. Помощник библиотекаря, с вашего позволения.

Альберт смерил его взглядом. У Ринсвинда был какой-то несвежий вид, как будто по нему плакала прачечная. Если волшебное искусство так низко пало, с этим надо что-то делать, решил Альберт.

— И какой же библиотекарь взял тебя к себе помощником? — с досадой спросил он.

— Уук.

Ему попыталось пожать руку нечто теплое и мягкое, как лайковая перчатка.

— Обезьяна! В *моем* университете!

— Орангутан, господин. Раньше он и сам был волшебником, но попал в магический выброс, господин, и не позволяет нам превратить его обратно, а он единственный, кто знает, как все книги расставлены, — поспешно объяснил Ринс-

винд. — А я слежу, чтобы у него не переводились бананы, — добавил он, чувствуя, что без уточнений здесь не обойтись.

Альберт испепелил его взглядом.

— Умолкни.

— Немедленно умолкаю, господин.

— И скажи мне, где сейчас Смерть.

— Смерть, господин? — Ринсвинд еще сильнее вжался в стену.

— Высокий, скелетоподобный, глаза синие, походка величавая, РАЗГОВАРИВАЕТ ВОТ ТАК… Смерть. Не встречал его в последнее время?

Ринсвинд сглотнул.

— В последнее время — нет, господин.

— Так вот, он мне нужен. Этому безобразию надо положить конец. И я собираюсь положить его прямо сейчас, ясно? Потрудись созвать *сюда* восьмерых самых старших волшебников, скажем в течение получаса, причем со всем инвентарем, необходимым для совершения обряда АшкЭнте, — я понятно излагаю? Хотя вид вашей братии не внушает мне особого доверия. Все вы тут слюнтяи… да прекрати же ты хватать меня за руку!

— Уук.

— Я пошел в пивную, — рявкнул Альберт. — Где тут нынче подают мало-мальски сносную коша-

чью мочу?

— В «Барабане», господин, — без запинки ответил Ринсвинд.

— В «Дырявом барабане»? На Филигранной? Он все еще существует?

— Ну, его время от времени переименовывают, здание перестраивают, но место, эээ, на месте уже много лет. А у вас, наверное, изрядно в горле пересохло, да, господин? — с омерзительным подхалимством поинтересовался Ринсвинд.

— Много ли ты в этом смыслишь? — огрызнулся Альберт.

— Ровным счетом ничего, сэр, — поспешил ответить Ринсвинд.

— Стало быть, я пошел в «Барабан». И заруби себе на носу: через полчаса. А если они не соберутся здесь к моему возвращению, тогда… в общем, лучше пусть соберутся!

Он вышел из зала, окруженный облаком мраморной пыли.

Ринсвинд проводил его взглядом. Библиотекарь взял своего помощника за руку.

— Знаешь, что самое паршивое? — обратился к нему Ринсвинд.

— Уук?

— Я даже *не помню*, когда это мне разбитое

зеркало дорогу перебежало.

* * *

Примерно в то же самое время, когда Альберт спорил с хозяином «Залатанного барабана» по поводу пожелтевшего счета, который бережно передавался от отца к сыну и пережил одно цареубийство, три гражданские войны, шестьдесят один разрушительный пожар, четыреста девяносто разбойных нападений и более пятнадцати тысяч пьяных дебошей, а нынче удостоверял, что за Альберто Малихом числится долг заведению в размере трех медяков плюс пени (сумма которых к нынешнему времени сравнялась с общим содержимым большинства самых крупных деньгохранилищ Плоского мира), лишний раз доказывая, что у анкских торговцев такая память на неоплаченные счета, какая посрамила бы самого памятливого слона… так вот, примерно в то же самое время Бинки оставлял за собой клубы пара в небесах над великим и загадочным континентом под названием Клатч.

Далеко внизу, в благоуханных и тенистых джунглях, гремели барабаны, а столбы вихрящегося тумана указывали местонахождение невидимых глазу рек, под поверхностью которых

таились безымянные чудища, поджидая, когда мимо пройдет ужин.

— С сыром больше не осталось, бери с ветчиной, — сказала Изабель. — Что это там за огни?

— Световые Дамбы, — ответил Мор. — Мы близко.

Он достал из кармана песочные часы и проверил уровень песка.

— Но недостаточно близко, черт побери!

Пупстороннее их курса лежали озерцами света — чем они, собственно, и были — Световые Запруды; некоторые племена сооружали в горах пустыни зеркальные стены, чтобы собирать солнечный свет Плоского мира, медленный и тяжеловатый. Он использовался в качестве платежного средства.

Бинки скользил над кострами кочевников и безмолвными болотистыми заводями реки Цорт. Впереди, залитые лунным светом, начали обозначаться знакомые очертания.

— Пирамиды Цорта при луне! — выдохнула Изабель. — Как романтично!

— И РАСТВОР ИХ ЗАМЕШАН НА КРОВИ ТЫСЯЧ РАБОВ, — заметил Мор.

— Не надо, пожалуйста.

— Прости, но суть в том, что эти…

— Хорошо, хорошо, я тебя услышала, — с досадой перебила его Изабель.

— Похороны правителя — дело непростое, — сказал Мор, когда они облетали одну из небольших пирамид. — Его накачивают консервантом, чтобы он благополучно переместился в следующий мир.

— И что, это работает?

— Не заметно. — Мор свесился с шеи Бинки. — Внизу факелы, — сообщил он. — Держись крепче.

От двойного ряда пирамид, извиваясь, уходила процессия, во главе которой сотня потных рабов несла гигантскую статую Оффлера, бога-крокодила. Никем не замеченный, Бинки облетел процессию легким галопом и на утрамбованном песке у входа в пирамиду совершил идеальное приземление на четыре копыта.

— Очередного царя замариновали, — объяснил Мор. При лунном свете он вновь сверился с часами. Часы были самые простые — не из тех, что обычно принадлежат венценосным особам.

— Это определенно не он, — сказала Изабель. — Их ведь не маринуют заживо, правда?

— Надеюсь; я где-то читал, что перед консервированием их… ммм… вскрывают, чтобы

извлечь…

— Я не хочу этого слышать…

— …все мягкие кусочки, — сконфуженно закончил Мор. — В общем-то, даже хорошо, что консервирование не работает: представь, каково это — расхаживать без…

— Значит, ты прилетел сюда не за царем! — Изабель повысила голос. — А за кем же тогда?

Мор повернулся к темному входу. До рассвета он должен был оставаться незамурованным, чтобы оттуда могла вылететь душа покойного правителя. Глубокий и зловещий проход наводил на мысль о более мрачном предназначении, чем, к примеру, заточка бритвенных лезвий.

— Это мы сейчас узнаем, — ответил Мор.

* * *

— Берегитесь! Он возвращается!

Восемь самых почтенных волшебников университета шаркали гуськом, старательно приглаживая бороды и безуспешно пытаясь придать себе благообразный вид. Что было нелегко. Одних выдернули из личного кабинета, других оторвали от послеобеденного бренди перед жарко натопленным камином, третьих вывели из глубоких размышлений под носовым платком

в удобном кресле, и все они были чрезвычайно насторожены и весьма озадачены. Их взоры сами собой устремлялись на пустой пьедестал.

Единственным существом, которое сумело бы сравниться с ними выражением лица, мог бы стать голубь, прослышавший, будто лорд Нельсон не только слез со своей колонны, но и купил магазинную винтовку двенадцатого калибра с коробкой патронов.

— Идет по коридору! — прокричал Ринсвинд и юркнул за колонну.

Собравшиеся волшебники не сводили глаз с высокой двустворчатой двери, словно та грозила вот-вот взорваться, что доказывает их прозорливость, поскольку дверь и впрямь взорвалась. Дубовые щепки величиной со спичку посыпались им на головы, а в пустом освещенном проеме возникла тщедушная фигура. В одной руке она держала дымящийся посох. В другой — маленькую желтую жабу.

— Ринсвинд! — взревел Альберт.

— Сэр!

— Забери эту тварь и избавься от нее.

Жаба переползла на ладонь Ринсвинда и виновато на него посмотрела.

— Больше не бывать такому, чтобы этот про-

клятый трактирщик вздумал хамить волшебнику, — самодовольно заявил Альберт. — Стоило мне на несколько веков отлучиться — и местные жители вдруг возомнили, что могут препираться с волшебниками, да?

Один из старших волшебников что-то пробубнил.

— Что это было? Говори четко, да-да, вот ты!

— На правах казначея этого университета должен сказать, что мы всегда стремимся поддерживать добрососедские отношения с населением, — избегая сверлящего взгляда Альберта, забормотал тот. На его совести был перевернутый ночной горшок вкупе с тремя неприличными надписями.

У Альберта отвисла челюсть.

— С чего бы? — спросил он.

— Ну, эээ, из чувства гражданского долга; нам кажется, что важно на собственном приме…

арргх!

Казначей отчаянно пытался сбить пламя, вспыхнувшее в его бороде. Опустив посох, Альберт медленно обвел взглядом шеренгу волшебников. Они отшатнулись, как травинки под порывом ветра.

— Есть еще желающие проявить чувство граж-

данского долга? — спросил он. — Может, здесь найдутся добрые соседи? — Он выпрямился во весь рост. — Червяки бесхребетные! Я не для того основал этот университет, чтобы к вам по-соседски забегали за газонокосилкой! Какой прок от могущества, если ты им не пользуешься? Если какой-нибудь мужлан не выказывает тебе уважения, значит, ты должен сделать так, чтобы он на том, что осталось от его забегаловки, даже каштаны не смог поджарить, ясно?

Собравшиеся волшебники испустили нечто вроде тихого вздоха. Они с тоской смотрели на жабу в руке Ринсвинда. Почти все они, будучи юношами, именно в «Барабане» обучались искусству безобразно напиваться. Разумеется, все это осталось в далеком прошлом, но на следующий день в верхнем зале «Барабана» должен был пройти ежегодный торжественный ужин Гильдии Торговцев, и всем волшебникам Восьмой степени пришли приглашения; там были бы жареный лебедь, два вида кремовых бисквитов и множество братских тостов («За наших уважаемых, нет, досточтимых гостей»), обещавших длиться до того часа, когда потребуется вызывать из Университета слуг с тележками.

Альберт расхаживал вдоль шеренги, то и дело

тыча посохом в чье-нибудь брюшко. Его мысли пели и плясали. Вернуться? Ни за какие коврижки! Здесь — могущество, здесь — жизнь; он бросит вызов старой костяной морде и плюнет ему в пустую глазницу.

— Клянусь Дымящимся Зеркалом Гризма, здесь очень скоро кое-что изменится!

Те из волшебников, которые в свое время изучали историю, неловко покивали. Они предвидели возврат к каменным полам и подъемам затемно, к полному и бесповоротному запрету на алкоголь и к зазубриванию — до скрипа мозгов — истинных имен всего, что только есть на свете.

— *Что он себе позволяет?!*

Волшебник, который по рассеянности полез в карман за кисетом, выронил из трясущихся пальцев наполовину свернутую самокрутку. Под тоскливыми взглядами его коллег она упала на пол, поскакала, затем покатилась и была раздавлена Альбертовой ногой.

Альберт резко развернулся. На него едва не налетел Ринсвинд, следовавший за ним, словно неофициальный адъютант.

— Вот ты! Рин-свин! Ты куришь?

— Нет, господин! Это дурная привычка!

Ринсвинд старался не смотреть на старших. Он

вдруг осознал, что нажил себе заклятых врагов, и то, что нажил он их, скорее всего, ненадолго, особенным утешением не было.

— Точно! Подержи-ка мой посох. Значит, так, кучка жалких ренегатов, со всем этим покончено, усвоили? С завтрашнего дня подъем на рассвете, пробежка — три полных круга по университетскому двору, затем утренняя гимнастика! Сбалансированное питание! Обучение! Здоровый образ жизни! Но первым делом — отправить в цирк эту гнусную мартышку!

— Уук?

Волшебники постарше зажмурились.

— А прямо сейчас, — Альберт понизил голос, — вы меня очень обяжете, если проведете обряд АшкЭнте. — И добавил: — У меня есть кое-какие незаконченные дела.

* * *

Мор шествовал черными, как кошка, коридорами пирамиды; Изабель едва поспевала за ним. Слабый отблеск его меча освещал неприятные картины. В сравнении с кое-какими тварями из тех, которым поклонялись жители Цорта, Оффлер, бог-крокодил, был моделью из рекламы косметики. Вдоль всего пути в нишах стояли

изваяния каких-то существ, явно собранных Творцом из обрезков, оставшихся от других его творений.

— Зачем они здесь? — прошептала Изабель.

— По мнению цортских жрецов, они оживают в замурованных пирамидах и бродят по коридорам, охраняя тело царя от расхитителей гробниц, — ответил Мор.

— Какое кошмарное суеверие.

— Кто сказал хоть слово о суевериях? — рассеянно переспросил Мор.

— Они в самом деле оживают?

— Могу сказать только одно: когда цортцы проклинают какое-нибудь место, они не церемонятся.

Мор свернул за угол, и на какой-то жуткий до замирания сердца миг Изабель потеряла его из виду. Она поспешила следом и наткнулась на Мора. Он рассматривал птицу с собачьей головой.

— Бр-р-р, — вырвалось у Изабель. — У тебя по спине не бегут мурашки?

— Нет, — без выражения ответил Мор.

— Почему же?

— ПОТОМУ ЧТО Я — МОР.

Он обернулся, и она увидела, что в темноте его глаза светятся двумя синими точками.

— Прекрати!

— Я… НЕ МОГУ.

Изабель попробовала рассмеяться. Не получилось.

— Ты же не Смерть, — напомнила она. — Ты просто выполняешь его работу…

— СМЕРТЬ — ЭТО ВСЯКИЙ, КТО ВЫПОЛНЯЕТ РАБОТУ СМЕРТИ.

Последовавшее за этим потрясенное молчание нарушил стон, раздавшийся где-то впереди, в темном коридоре. Повернувшись на пятках, Мор устремился туда.

А ведь он прав, подумала Изабель. Даже его походка…

Но страх перед темнотой, которую подтаскивал к ней свет, пересилил все сомнения, и она бесшумно бросилась следом, обогнула очередной угол и увидела перед собой в неверном сиянии его меча какое-то помещение — не то сокровищницу, не то до предела захламленный чулан.

— Что это за место? — прошептала она. — Никогда не видела столько вещей сразу!

— ЦАРЬ ЗАБЕРЕТ ВСЕ ЭТО С СОБОЙ, В СЛЕДУЮЩИЙ МИР.

— Вот что значит не иметь привычки путешествовать налегке. Посмотри-ка: целая ладья! И

золотая ванна!

— ЕМУ НАВЕРНЯКА ЗАХОЧЕТСЯ ПОМЫТЬСЯ, КОГДА ОН ТУДА ДОБЕРЕТСЯ.

— А сколько статуй!

— УВЫ, ЭТИ СТАТУИ БЫЛИ ЛЮДЬМИ. СЛУГАМИ ЦАРЯ — НАДЕЮСЬ, ТЫ ПОНИМАЕШЬ.

Лицо Изабель превратилось в мрачную маску.

— ЖРЕЦЫ ДАЛИ ИМ ЯД.

С другого конца захламленной камеры снова послышался стон. Мор направился туда, неловко перешагивая через свернутые ковры, гроздья фиников, ящики с посудой и россыпи драгоценных камней. Царь явно не смог решить, что ему оставить позади, отправляясь в последнее путешествие, и для надежности прихватил с собой все, что имел.

— ТОЛЬКО ОН НЕ ВСЕГДА ДЕЙСТВУЕТ БЫСТРО, — мрачно добавил Мор.

Отважно пробравшись следом за ним, Изабель увидела за ладьей юную девушку, раскинувшуюся на груде ковров. Ее одежду — вуалевые шальвары и кофточку, на которую пожалели ткани, — дополняло множество побрякушек, способных посадить на мель приличных размеров корабль. Губы ее были испачканы чем-то зеленым.

— Она мучается? — тихо спросила Изабель.

— НЕТ. У НИХ СЧИТАЕТСЯ, ЧТО ТАКИМ СПОСОБОМ ЧЕЛОВЕК ПОПАДАЕТ В РАЙ.

— Это и вправду так?

— ВОЗМОЖНО. КТО ЗНАЕТ?

Мор достал из внутреннего кармана песочные часы и рассмотрел их в сиянии меча. Кажется, он что-то отсчитывал про себя, а потом одна его рука вдруг резким движением бросила часы через плечо, а другая рассекла воздух мечом.

Тень девушки села и потянулась, звякнув призрачными побрякушками. Она заметила Мора и склонила голову.

— Мой повелитель!

— ЗДЕСЬ ПОВЕЛИТЕЛЕЙ НЕТ, — сказал Мор. — БЕГИ ТУДА, КУДА, КАК ТЫ СЧИТАЕШЬ, ВЕДЕТ ТВОЙ ПУТЬ.

— Я стану наложницей при небесном дворе царя Зетесфута, который будет вечно жить среди звезд, — твердо ответила она.

— Это совсем не обязательно, — резко возразила Изабель. Вытаращив глаза, девушка повернулась в ее сторону.

— Но я должна. Я к этому готовилась, — ответила она, растворяясь. — Пока что у меня получилось стать только служанкой.

Она исчезла. Изабель с мрачным неодобрением вглядывалась туда, где она только что сидела.

— Ну и ну! — сказала она. — Ты видел, как она одета?

— ПОЙДЕМ ОТСЮДА.

— Но ведь не может быть правдой, что царь Кактамего будет жить среди звезд, — пробурчала Изабель, когда они выбирались из захламленного зала. — Там же нет ничего, кроме пустоты.

— ЭТО ТРУДНО ОБЪЯСНИТЬ, — сказал Мор. — ОН БУДЕТ ЖИТЬ СРЕДИ ЗВЕЗД В СОБСТВЕННОМ ВООБРАЖЕНИИ.

— Вместе с рабами?

— ЕСЛИ ОНИ САМИ СЧИТАЮТ СЕБЯ НЕВОЛЬНИКАМИ, ТО ДА.

— Не очень-то это справедливо.

— СПРАВЕДЛИВОСТИ НЕТ, — сказал Мор. — ЕСТЬ ТОЛЬКО МЫ.

Они заспешили обратно вдоль рядов затаившихся чудищ и уже почти бежали, когда выскочили в ночную пустыню. Изабель прислонилась к шершавой каменной кладке и хватала ртом воздух.

У Мора дыхание не сбилось.

Он вообще не дышал.

— Я ДОСТАВЛЮ ТЕБЯ КУДА ПОЖЕЛАЕШЬ, —

сказал он, — А ПОТОМ МНЕ ПРИДЕТСЯ ТЕБЯ ПОКИНУТЬ.

— Я думала, ты хочешь спасти принцессу!

Мор покачал головой.

— У МЕНЯ НЕТ ВЫБОРА. ВЫБОРА ВООБЩЕ НЕ СУЩЕСТВУЕТ.

Она забежала вперед и, когда Мор уже повернулся к заждавшемуся Бинки, схватила его за локоть. Мор осторожно разжал ее пальцы.

— МОЕ УЧЕНИЧЕСТВО ЗАВЕРШИЛОСЬ.

— Это только у тебя в голове! — завопила Изабель. — Ты — тот, кем себя считаешь!

Она умолкла и опустила глаза. Песок вокруг ступней Мора взметался маленькими фонтанчиками и закручивался пыльными смерчиками.

В воздухе, который сделался каким-то маслянистым, раздалось потрескивание. Мор выглядел встревоженным.

— КТО-ТО ПРОВОДИТ ОБРЯД АШ…

Неведомая сила молотом обрушилась с небес, оставив в песке кратер. Послышалось глухое жужжание, в ноздри ударил запах раскаленной жести.

Мор, один в неподвижном глазу песчаного урагана, огляделся, поворачиваясь, будто во сне. Из клокочущих туч вырывались молнии. В глубине

души Мор пытался бороться, но что-то сжимало его все сильней, и он уже не мог этому противиться, как игла компаса не может указывать куда-то, кроме Пупа.

В конце концов Мор нашел, что искал. Это был обрамленный октариновым светом портал, ведущий в короткий тоннель. На другой стороне маячили какие-то фигуры, призывавшие его к себе.

— ИДУ, — сказал он и обернулся на внезапный шум. Семьдесят килограммов юного девичьего тела ударили его в грудь и подбросили в воздух.

Когда Мор приземлился, Изабель взгромоздилась на него, неумолимо прижимая к земле его руки.

—
ОТПУСТИ! — велел он. — МЕНЯ ПРИЗЫВАЮТ.

— Не тебя, болван!

Она пристально смотрела в синие, без зрачков, озера его глаз. И будто стремительно уносилась в тоннель.

Выгнув спину, Мор выкрикнул проклятие, настолько древнее и ядовитое, что в этом сильном магическом поле оно обрело форму, захлопало кожистыми крыльями и улетело. Среди песчаных дюн бушевала локальная гроза.

Его глаза вновь приковали к себе взгляд Изабель. Чтобы не упасть камнем в колодец синего света, она отвернулась.

— Я ПРИКАЗЫВАЮ. — Голос Мора был способен просверлить скалу.

— Отец годами испытывал на мне такой тон, — спокойно сказала Изабель. — В основном когда требовал, чтобы я прибралась в своей комнате. У него тоже ничего не вышло.

Следующее проклятие Мора шлепнулось на песок и попыталось зарыться в него.

— БОЛЬНО…

— Это все у тебя в голове, — сказала Изабель, противясь той силе, которая стремилась утянуть их в мерцающий портал. — Ты не Смерть. Ты всего-навсего Мор. Ты тот, кем я тебя считаю.

В глубине размытой синевы его глаз возникли две крохотные карие точки, которые поднимались со скоростью света.

Вокруг них нарастала и завывала буря. Мор закричал.

* * *

Суть обряда АшкЭнте проста: он призывает и связывает Смерть. Оккультисты наверняка знают, что для его исполнения достаточно

несложного заклинания, трех щепок и четырех кубиков мышиной крови, но ни один волшебник, достойный своей остроконечной шляпы, не позволит себе совершить что-то настолько невпечатляющее; в глубине души все они считают, что если заклинание не требует толстых желтых свечей, множества редких благовоний, начертанных мелом на полу восьми разноцветных кругов и расставленных тут и там котлов, то о нем и думать не стоит.

Восемь волшебников, занявших свои места на вершинах большой церемониальной октограммы, раскачивались и пели, раскинув руки так, чтобы едва соприкасаться кончиками пальцев с соседями.

Но что-то было не так. Да, в самом центре живой октограммы образовалась дымка, однако она клубилась и колыхалась, не желая сгущаться.

— Больше мощности! — прокричал Альберт. — Прибавьте мощности!

В дыму на мгновение возникла одетая в черное фигура со сверкающим мечом в руке. Альберт выругался при виде бледного лица под капюшоном: оно оказалось недостаточно бледным.

— Нет! — заорал Альберт, прыгнул внутрь октограммы и замахал руками на мерцающую

фигуру. — Не ты, не ты…

И в далеком Цорте Изабель, забыв, что она дама, сжала кулак, прищурилась и двинула Мору в челюсть. Окружающий ее мир взорвался…

На кухне «Реберного Дома Харги» грохнулась на пол сковорода, и кошки в испуге повыскакивали за дверь…

А в большом зале Незримого Университета случилось сразу все[11].

Невероятная сила, которую волшебники применили к царству теней, вдруг четко сфокусировалась в одной точке. Как неохотно вылетевшая из бутылки пробка, как густая струя жгучего кетчупа, выдавленная из перевернутого сосуда Бесконечности, в центр октограммы плюхнулся Смерть и выругался.

Альберт слишком поздно сообразил, что находится внутри заколдованного круга, и ринулся к границе. Но костяные пальцы ухватили его за край мантии.

Волшебники — те, кто не упал в обморок и удержался на ногах, — с изумлением увидели, что Смерть одет в фартук и прижимает к груди

---

[11] Примечания: 11

Это не совсем верно. Как правило, философы сходятся на том, что кратчайший срок, за который может случиться вообще все, составляет тысячу миллиардов лет.

котенка.

— Зачем ты ВСЕ ИСПОРТИЛ?

— Это я испортил? А ты видел, что мальчишка натворил? — огрызнулся Альберт, все еще порываясь шагнуть за пределы круга.

Смерть вскинул череп и принюхался.

Этот звук прервал все прочие звуки в зале и вынудил их затихнуть.

Такой звук порой слышится на сумеречной окраине снов: от него просыпаешься в холодном поту смертельного ужаса. Он был подобен сопенью из-за двери кошмара. Или сопенью ежа, но такого, который сметает преграды и расплющивает грузовики. Такой звук никто не захочет услышать дважды, да и *единожды* тоже.

Смерть медленно выпрямился.

— ВОТ ТАК, ЗНАЧИТ, ОН ОТПЛАТИЛ МНЕ ЗА МОЮ ДОБРОТУ? ПОХИТИЛ МОЮ ДОЧЬ, ОСКОРБИЛ МОЕГО СЛУГУ, РАДИ СОБСТВЕННОЙ ПРИХОТИ ПОСТАВИЛ ПОД УГРОЗУ ТКАНЬ РЕАЛЬНОСТИ? О, КАК Я БЫЛ ГЛУП, КАК ДОЛГО Я БЫЛ ГЛУП!

— Хозяин, не будете ли вы так любезны отпустить мою мантию… — начал Альберт и заметил в своем голосе умоляющие нотки, которых там прежде не было.

Смерть не обратил внимания на его слова. Щел-

чок пальцев-кастаньет — и повязанный вокруг пояса фартук сгорел в короткой вспышке пламени. А вот котенка он бережно опустил на пол и мягко подтолкнул прочь.

— РАЗВЕ НЕ РАСКРЫЛ Я ПЕРЕД НИМ ВСЕ ДВЕРИ?

— Вот именно, хозяин, а сейчас, если вам не сложно…

— НЕ ОБУЧИЛ ЕГО ВСЕМУ? НЕ ДАЛ КАРЬЕРУ? ПЕРСПЕКТИВЫ? РАБОТУ НА ВСЮ ЖИЗНЬ?

— Разумеется, и если бы вы не отказали в любезности меня отпустить…

Голос Альберта изменился полностью. Командирские трубы превратились в жалобные пикколо. Альберт был перепуган, но ему все же удалось привлечь внимание Ринсвинда и прошептать:

— Мой посох! Брось мне посох! Внутри круга он уязвим! Дай мне посох, чтобы я смог вырваться!

— Прошу прощения? — переспросил Ринсвинд.

— О, КАК Я БЫЛ НЕПРАВ, ПОДДАВШИСЬ СЛАБОСТИ ТОГО, ЧТО ЗА НЕИМЕНИЕМ БОЛЕЕ ПОДХОДЯЩЕГО СЛОВА Я НАЗОВУ ПЛОТЬЮ!

— Мой посох, идиот, посох! — верещал Альберт.

— Что-что?

— БЛАГОДАРЮ ТЕБЯ, СЛУГА МОЙ, ЗА ТО, ЧТО ПРИВЕЛ МЕНЯ В ЧУВСТВО, — сказал Смерть. — НО ХВАТИТ ТЕРЯТЬ ВРЕМЯ.

— Мой пос…

Пространство схлопнулось; прихлынул воздух. На миг язычки свечного пламени вытянулись огненными столбами, но тут же погасли.

Время шло.

Наконец откуда-то с пола раздался голос казначея:

— Это было очень нечутко с твоей стороны, Ринсвинд, — вот так взять и потерять его посох. Напомни мне в самое ближайшее время наложить на тебя строгое дисциплинарное взыскание. У кого-нибудь огоньку не найдется?

— Ума не приложу, куда он запропастился! Я его к колонне прислонил, вот тут, а теперь…

— Уук.

— О-о, — сказал Ринсвинд.

— Выдать добавку бананов этому примату, — невозмутимо распорядился казначей. Чиркнула спичка, и кто-то сумел зажечь свечу. Волшебники начали подниматься с пола.

— Что ж, это нам всем послужит уроком, — продолжил казначей, отряхивая мантию от пыли и капель воска. Он поднял взгляд, ожидая уви-

деть, что статуя Альберто Малиха вернулась на свой пъедестал. — Видимо, даже у статуй есть чувства, — сказал он. — Будучи первокурсником, я сам грешным делом написал свое имя у него на… ладно, неважно. Суть в том, что я предлагаю безотлагательно восстановить памятник.

Эта инициатива была встречена гробовой тишиной.

— Придать ему точное портретное сходство, отлить из золота. Инкрустировать драгоценными камнями, как того заслуживает наш великий основатель, — жизнерадостно продолжил он.

— А чтобы студенты его не осквернял, установить его следует в самом глубоком подвале, — добавил он.

— И запереть дверь, — заключил он. Некоторые из волшебников заметно оживились.

— И выбросить ключ? — спросил Ринсвинд.

— И заварить дверь, — отозвался казначей. Он только что вспомнил о «Залатанном барабане». А немного поразмыслив — еще и о программе физподготовки.

— А потом замуровать вход, — сказал он. Раздался гром аплодисментов.

— И выбросить каменщика! — хохотнул Ринсвинд, которому показалось, что он уловил, в чем

тут суть.

Казначей бросил на него хмурый взгляд.

— Не будем настолько увлекаться.

* * *

В наступившей тишине непривычно большая песчаная дюна как-то неуклюже сгорбилась, а потом осыпалась; на ее месте обнаружился Бинки, который отфыркивался от песка и отряхивал гриву.

Мор открыл глаза.

Стоило бы, наверное, придумать специальное слово для обозначения того краткого отрезка времени после пробуждения, когда ум заполняет теплое розовое ничто. Когда лежишь совершенно бездумно и только проникаешься подозрением, что тебе в голову летят, подобно носку с мокрым песком в темном переулке, все воспоминания, без которых ты мог бы и обойтись, говорящие, по сути, об одном: будущее твое будет кошмарным, и единственное утешение состоит в том, что оно будет еще и коротким.

Мор сел и обхватил руками голову, чтобы не отвалилась макушка.

Рядом ним вспучился песок: Изабель тоже сумела сесть. У нее в волосах, которые стали мелко

завиваться на кончиках, было полно песка, а лицо перепачкала вековая пыль пирамид. Изабель безучастно уставилась на Мора.

— Ты меня ударила? — спросил он, осторожно проверяя скулу.

— Да.

— О.

Он посмотрел в небо, словно оно могло ему что-то подсказать. Он смутно припомнил, что должен куда-то вернуться, причем как можно скорее. А потом припомнил и кое-что другое.

— Спасибо, — выдавил он.

— Обращайся. — Поднявшись на ноги, Изабель попыталась отряхнуть налипшие на платье клочья паутины и комья грязи. — Ну что, мы будем спасать твою принцессу? — неуверенно спросила она.

Мора настигла его собственная, внутренняя, реальность. Со сдавленным криком он вскочил, увидел перед глазами голубые вспышки фейерверков и снова упал. Изабель успела подхватить его под мышки и поставила на ноги.

— Давай-ка спустимся к реке, — предложила она. — Думаю, нам всем не мешало бы напиться.

— Что со мной случилось?

Она пожала плечами, насколько это было воз-

можно под его тяжестью.

— Кто-то провел обряд АшкЭнте. Отец его терпеть не может: говорит, всегда призывают в самый неподходящий момент. Та часть тебя, которая была Смертью, ушла, а ты остался. Наверное. По крайней мере, к тебе вернулся твой прежний голос.

— Который час?

— А когда, ты говорил, жрецы закрывают пирамиду?

Мор прищурился и посмотрел слезящимися глазами в сторону гробницы. И действительно, освещенные факелами руки толкали дверь. Если верить легенде, скоро оживут стражи и начнут свой бесконечный дозор.

Он *знал*, что так будет. Он помнил это знание. Он помнил, как ум его стал холодным, будто лед, и безграничным, будто ночное небо. Помнил, как с появлением первой живой твари был против своей воли наделен бытием, как с самого начала знал, что переживет саму жизнь, и когда последнее живое существо отправится в мир иной, его обязанностью будет, образно говоря, взгромоздить перевернутые стулья на столы и погасить свет.

Он помнил одиночество.

— Не оставляй меня, — взмолился он.

— Я здесь, с тобой, — отозвалась Изабель. — До тех пор, пока я тебе нужна.

— Сейчас полночь, — отрешенно сказал он, опускаясь на берег реки Цорт, и погрузил разболевшуюся голову в воду. Рядом что-то зашумело, как будто сливали ванну: это Бинки тоже решил напиться.

— Значит, мы опоздали?

— Да.

— Как жаль. Я могу хоть что-нибудь сделать?

— Нет, не можешь.

— Ну, по крайней мере, ты сдержал обещание, данное Альберту.

— Да, — с горечью сказал Мор. — Хоть на это я оказался способен.

Проделать весь этот путь с одного края Диска на другой…

Стоило бы, наверное, придумать специальное слово для обозначения той микроскопической искорки надежды, которую не смеешь даже лелеять, чтобы она не исчезла, как исчезает фотон, не дав себя разглядеть. К ней можно лишь подбираться исподволь, глядя мимо, *проходя* мимо, дожидаясь, когда она подрастет настолько, чтобы уцелеть в этом мире.

Подняв мокрую голову, он взглянул на освещенный закатом горизонт и попытался вызвать в памяти стоящую в кабинете Смерти большую модель Плоского мира, но так, чтобы Вселенная не догадалась о его планах.

В подобные мгновения равновесие событий кажется таким хрупким, что разрушить его может любая озвученная мысль.

Он сориентировался по узким лентам центрального сияния, пляшущего среди звезд, и, руководствуясь наитием, решил, что Сто Лат находится… вот там.

— Полночь, — произнес он вслух.

— Полночь уже прошла, — отозвалась Изабель.

Мор поднялся с песка, стараясь не светиться от ликования, как маяк, и взял Бинки под уздцы.

— Поехали, — скомандовал он. — Времени в обрез.

— О чем ты?

Мор наклонился, чтобы усадить ее позади себя. Идея была хорошая, но в итоге он чуть не выпал из седла. Изабель, мягко отстранив его руки, вскочила на коня без посторонней помощи. Бинки, которому передалось лихорадочное волнение Мора, всхрапнул и ударил копытом.

— Я спросила: о чем ты?

Мор развернул коня в сторону далекого сияния заката.

— О скорости ночи, — ответил он.

* * *

Выглянув из-за зубцов замковой стены, Кувыркс застонал. Граница была всего в одной улице, отчетливо видная в октариновом свете, и ему не нужно было воображать себе ее шипение. Волшебник и так его слышал — угрожающий хищный шорох, с которым частицы вероятности ударялись о границу и высвобождали свою энергию в виде шума. Продвигаясь, перламутровая стена заглатывала флажки, факелы и ожидающие толпы, оставляя позади только темные улицы. Где-то там, подумал Кувыркс, я крепко сплю в своей постели, и ничего этого не случилось. Какой же я счастливчик.

Он пригнулся, слез по приставной лестнице на каменные плиты и со всех ног понесся в главный зал, путаясь в длинной мантии. Проскользнув через маленькую дверцу в огромной двери, он приказал стражникам ее запереть, подхватил полы своего одеяния и, чтобы не попадаться на глаза гостям, свернул в боковой коридор.

В освещенном тысячами свечей парадном зале

толпились первые лица долины Сто, почти все — не вполне понимая, что они здесь делают. А еще, разумеется, там был слон.

Именно вид слона убедил Кувыркса в том, что он окончательно тронулся умом, однако несколько часов назад это показалось ему превосходной идеей: досадуя на подслеповатого первосвященника, Кувыркс припомнил, что лесопилка на окраине города приобрела эту зверюгу для перевозки тяжестей. Слон был немолод, страдал артритом и отличался вздорным нравом, но в качестве жертвенного животного обладал одним несомненным преимуществом. Его первосвященник точно должен был разглядеть.

Шестеро стражников опасливо пытались удержать слона, чьи медлительные мозги вдруг сообразили, что сейчас он должен бы находиться в привычном стойле, где вдоволь сена и воды, а также времени на сон, в котором можно увидеть жаркие и жухлые просторы родного Клатча. Он начинал беспокоиться.

Пройдет совсем немного времени, и станет очевидно, что для его нарастающей ретивости есть и другая причина: в суматохе приготовлений его хобот нашарил церемониальную чашу, содержавшую в себе галлон крепкого вина, и

под шумок осушил ее. И вот уже непривычные горячечные образы бурлят перед его старческими глазками: выкорчеванные с корнем баобабы, брачные схватки с другими самцами, триумфальные забеги всем стадом через окрестные деревушки и другие полузабытые радости. Вскоре ему начнут мерещиться розовые человечки.

К счастью, все это было неведомо Кувыркcу, который перехватил взгляд помощника первосвященника — предусмотрительного молодого человека, который сообразил надеть длинный резиновый фартук и болотные сапоги, — и подал тому знак к началу церемонии.

А сам бросился в ризницу, где не без труда натянул особое ритуальное облачение, творение рук королевской швеи, которая, закопавшись в самую глубину своей корзины для рукоделия в поисках обрезков кружев, блесток и золотой канители, создала такой шедевр безвкусицы, каким не погнушался бы сам аркканцлер Незримого Университета. Кувыркс позволил себе секунд пять повосхищаться своим отражением в зеркале, нахлобучил остроконечную шляпу и помчался обратно, успев вовремя притормозить, чтобы степенно войти в зал, как подобает высокопоставленному лицу.

Он присоединился к первосвященнику в тот миг, когда Кели двинулась по центральному проходу, сопровождаемая двумя служанками, которые суетились по бокам, словно буксиры возле океанского лайнера.

Невзирая на недостатки фамильного платья, Кувыркс подумал, что она прекрасна. Было в ней что-то такое, отчего ему…

Кувыркс стиснул зубы и решил переключиться на вопросы безопасности. Он расставил стражников по стратегически выгодным точкам зала на случай, если герцог Сто Гелитский в последнюю минуту предпримет попытку изменить порядок престолонаследия, и напомнил себе не спускать глаз с самого герцога, который сидел в переднем ряду со странной, спокойной улыбкой на лице. Герцог поймал на себе взгляд Кувыркса, и волшебник поспешно отвернулся.

Первосвященник воздел руки, призывая к тишине. Когда старик повернулся к Пупу и принялся надтреснутым голосом взывать к богам, Кувыркс медленно двинулся в его сторону.

Он позволил себе вновь скользнуть глазами в сторону герцога.

— Услышьте меня, м-м, о боги…

Не показалось ли, что Сто Гелитский смотрит

вверх, в сумрак стропил, облюбованных летучими мышами?

— …Услышь меня, о Стоглазый Слепой Ио; услышь меня, о Великий Оффлер, чью Пасть оберегают Птицы, услышь меня, о Милосердный Рок; услышь меня, о Холодная, м-м, Судьба; услышь меня, о Семирукий Сек; услышь меня, о Лесной Хоки; услышь меня, о…

С немым ужасом Кувыркс понял, что старый хрыч, вопреки многократным наставлениям, вознамерился назвать всех поименно. В Плоском мире чтили более девяти сотен богов, и ученые-богословы ежегодно открывали новых. Перечисление грозило растянуться на долгие часы. Паства уже начала шаркать подошвами.

Кели в ярости застыла перед алтарем. Кувыркс ткнул первосвященника под ребра, но видимого результата это не принесло, и волшебник исступленно засигналил бровями его молодому помощнику.

— Останови его! — прошипел он. — У нас нет времени!

— Боги разгневаются…

— А я — еще сильнее, причем я — вот он, здесь.

Оценив выражение лица Кувыркса, священник счел, что лучше потом объяснится с богами. Он

похлопал первосвященника по плечу и зашептал что-то ему на ухо.

— О Стайкхегель, бог, м-м, Хлевов на Одну Корову; услышь меня, о… эй? Что такое?

Шу-шу, шу-шу.

— Это, м-м, грубое нарушение церемониала. Ну хорошо, перейдем сразу, м-м, к Перечислению Династии.

Шу-шу, шу-шу.

Первосвященник гневно воззрился на Кувыркса, или, во всяком случае, на то место, где, по его прикидкам, находился Кувыркс.

— Ох, ну ладно. М-м, готовь ладан и благовония для Прозрения Четверичного Пути.

Шу-шу, шу-шу.

Первосвященник потемнел лицом.

— Я полагаю, м-м, молитва, даже краткая, категорически исключается? — ядовито осведомился он.

— Если некоторые не поторопятся, — сдержанно заявила Кели, — то у них будут неприятности.

Шу-шу.

— Ну не знаю, — сказал первосвященник. — Тогда уж лучше вообще отказаться от совершения религиозного, м-м, обряда. Ведите сюда слона, будь он неладен.

Его помощник перепуганно посмотрел на Кувыркса и дал отмашку стражникам. Пока те окриками и заостренными шестами кое-как подгоняли своего чуть покачивающегося подопечного, молодой священник бочком приблизился к Кувырксу и что-то всунул ему в руку.

Кувыркс посмотрел вниз. И увидел влагостойкую шляпу.

— Это обязательно?

— Он очень ревностен, — объяснил священник. — Нам еще и трубки для плавания могут понадобиться.

Слона подвели к алтарю и без особого труда поставили на колени. Он икнул.

— Ну и где он? — рявкнул первосвященник. — Пора заканчивать этот, м-м, *фарс!*

Его помощник снова зашушукал. Первосвященник выслушал, мрачно кивнул, взял обеими руками жертвенный нож с белой рукоятью и занес его над головой. Все следили за его движениями затаив дыхание. Но он снова опустил нож.

— А *где именно* прямо передо мной он стоит?

Шу-шу.

— Разумеется, я не нуждаюсь в твоей помощи, сын мой! Вот уже семь десятилетий я приношу

в жертву то мальчика, то мужа, а также, м-м, женщин и животных, а если я выроню, м-м, этот нож, можешь взять заступ и копать мне могилу!

И он, яростно замахнувшись, нанес удар, который по чистой случайности оставил царапину на слоновьем хоботе.

Животное очнулось от приятной дремоты и пронзительно затрубило. В ужасе обернувшись и поймав на себе взгляд пары налитых кровью глазок, щурящихся поверх разгневанного хобота, помощник первосвященника одним прыжком перемахнул через алтарь.

Слон пришел в бешенство. Туманные, сбивчивые воспоминания захлестнули его больную голову: костры, крики, люди с сетями, клетками и копьями, а потом — нескончаемые годы, убитые на перетаскивание тяжеленных стволов. Слон обрушил хобот на алтарь, к своему удивлению расколов его надвое, бивнями подкинул обломки вверх, безуспешно попытался выдернуть из пола каменную колонну, а потом внезапно ощутил нужду в глотке свежего воздуха и, артритично ковыляя, устремился через зал.

В крови у слона пел зов стада и бурлил алкоголь; он врезался в дверь с разбегу и снес ее с петель. С дверной коробкой на плечах он про-

мчался по внутреннему двору, вышиб ворота, рыгнул, протопотал по спящему городу и все еще ускорялся, когда почуял принесенные ночным ветром запахи далекого темного континента под названием Клатч и, задрав хвост, устремился на древний зов родной земли.

Зал тем временем переполняли пыль, и крики, и суматоха. Кувыркс сдвинул съехавшую на глаза шляпу и поспешно поднялся на четвереньки.

— Спасибо, — произнесла лежавшая под ним Кели. — А зачем вообще ты на меня прыгнул?

— Моим первым инстинктивным порывом было защитить ваше величество.

— Да, на инстинктивный порыв это похоже, но…

Она хотела сказать, что слон, возможно, оказался бы не таким тяжелым, но осеклась, увидев круглое, серьезное и раскрасневшееся лицо Кувыркса.

— Обсудим это потом. — Принцесса села, отряхиваясь от пыли. — Что ж, видимо, придется обойтись без жертвоприношения. Я пока не величество, а всего лишь высочество, но если кто-нибудь отыщет корону…

Сзади щелкнул предохранитель арбалета.

— Волшебник, изволь держать руки на виду. —

Это оказался герцог.

Кувыркс медленно встал и обернулся. Герцога сопровождало с полдюжины больших серьезных мужчин из числа тех, чье единственное предназначение — возвышаться за спиной людей вроде герцога. При себе у них была дюжина больших серьезных арбалетов из числа тех, чье главное предназначение — быть постоянно готовыми к выстрелу.

Принцесса вскочила с пола и бросилась на своего дядю, но Кувыркс успел ее схватить.

— Не надо, — тихо сказал он. — Герцог — не из тех, кто бросает тебя, связанного по рукам и ногам, в подземелье и оставляет тебе достаточно времени, чтобы мыши успели перегрызть веревки до того, как поднимется вода. Он из тех, кто убивает тебя здесь и сейчас.

Герцог поклонился.

— Воистину, твоими устами глаголят боги, — изрек он. — Несомненно, принцесса трагически погибла под ногами обезумевшего слона. Народ будет ее оплакивать. Я лично издам указ о неделе траура.

— Ничего у тебя не получится, все гости видели!.. — начала, чуть не плача, принцесса.

Кувыркс покачал головой. Он заметил, что

через толпу ничего не понимающих гостей пробиваются стражники.

— Нет, не видели, — возразил он. — Вы будете поражены, узнав, сколь многого они не увидели. Особенно когда им сообщат, что трагическая гибель под ногами обезумевшего слона бывает заразна. Она может сразить тебя даже в собственной постели.

Герцог приятно рассмеялся.

— Для волшебника ты на редкость умен, — заметил он. — Пожалуй, я могу предложить тебе изгнание…

— Тебе это с рук не сойдет, — прервал его Кувыркс. Секунду подумал и добавил: — Ну ладно, скорее всего, сойдет, но ты будешь терзаться на смертном одре и горько пожалеешь, что…

Тут он умолк. У него отвисла челюсть.

Герцог развернулся вполоборота и проследил за его взглядом.

— В чем дело, волшебник? Что ты там увидел?

— Тебе это с рук не сойдет, — истерично проговорил Кувыркс. — Тебя здесь вообще *не будет*. Все это никогда не случится, понятно?

— Следите за его руками, — приказал герцог. — Если хоть пальцем шевельнет, отстрелите ему этот палец.

С этими словами он вновь недоуменно огляделся. Голос у волшебника был искренний. Ходят, конечно, слухи, что волшебники видят даже то, чего нет…

— Даже если ты меня убьешь, это ничего не изменит, — зачастил Кувыркс, — потому что завтра я проснусь в своей постели, а всего этого не будет. Она уже в замке!

* * *

По Диску волной катилась ночь. Разумеется, полностью она не исчезала никогда, таилась в тенях, в норах, в подвалах, но по мере того, как дневной свет неспешно уплывал вслед за солнцем, лужицы и озера мрака ширились, соприкасались и сливались. Скорость света на Диске невысока из-за сильнейшего магического поля.

Свет Плоского Мира не похож ни на какой другой. Он успел подрасти, заматереть, ему не хочется никуда торопиться. Он знает, что, как бы ни спешил, темнота все равно его обгонит, так что суетиться ни к чему.

Полночь бархатистой летучей мышью скользила по земле. А следом, быстрее полночи, мчалась крошечная на фоне темного Диска искорка —

Бинки. Из-под его копыт с ревом вырывались языки пламени. Под лоснящейся кожей, словно змеи в масле, скользили мышцы.

Полет проходил в молчании. Изабель держалась за пояс Мора одной рукой, а другую отвела в сторону, чтобы полюбоваться искрами всех восьми цветов радуги, пляшущими вокруг пальцев. С руки ее и с кончиков волос стекали потрескивающие змейки света.

Мор направил коня немного ниже, оставляя позади кипящий облачный след, который тянулся на многие мили.

— Вот теперь я точно схожу с ума, — пробормотал он.

— Что такое?

— Я только что заметил под нами слона. Вот это да. Смотри, Сто Лат прямо по курсу.

Выглянув из-за его плеча, Изабель всмотрелась в отдаленное сияние.

— Сколько времени у нас осталось? — с беспокойством спросила она.

— Не знаю. Наверное, несколько минут.

— Мор, я никогда тебя не спрашивала…

— Ну?

— Что ты будешь *делать*, когда мы доберемся до места?

— Не знаю, — ответил Мор. — Я вроде как надеялся что-нибудь придумать, когда настанет время.

— И как, придумал?

— Нет. Но и время еще не настало. Может, заклинание Альберта пригодится. А еще я…

Купол реальности лежал на замке, точно вытащенная из воды медуза. Голос Мора утонул в испуганном молчании. Потом Изабель сказала:

— Кажется, время *почти* настало. Что будем делать?

— Держаться крепче!

Бинки пролетел через уничтоженные ворота, выбил искры из брусчатки внутреннего двора и одним скачком ворвался в зал сквозь разнесенный в щепки дверной проем. Перламутровая граница возникла впереди и тут же окатила их, словно фонтан ледяных брызг.

Дезориентированный Мор увидел, как Кели, Кувыркс и кучка громил, спасая свои жизни, бросаются на пол. Узнав фигуру герцога, он выхватил меч и, не успел исходящий паром конь остановиться, выпрыгнул из седла.

— Только пальцем тронь! — закричал он. — Я тебе голову отрублю!

— Весьма и весьма впечатляюще. — Герцог

тоже обнажил меч. — И вместе с тем очень глупо. Я…

Герцог осекся. Глаза его остекленели. Он повалился навзничь. Кувыркс опустил массивный серебряный канделябр и, извиняясь, улыбнулся Мору.

Мор повернулся к стражникам, и синее пламя меча Смерти со свистом рассекло воздух.

— Еще желающие найдутся? — прорычал он. Они попятились, затем повернулись и обратились в бегство. Пройдя сквозь перламутровую стену, они исчезли. Гостей снаружи тоже не было. В реальной реальности зал был темен и пуст.

Под быстро сжимающейся полусферой остались лишь они вчетвером.

Мор боком приблизился к Кувырксу.

— Есть какие-нибудь идеи? — спросил он. — У меня тут где-то было заклинание…

— Даже думать забудь. Если я попробую здесь колдовать, нам всем головы снесет. Эта крошечная реальность слишком мала, чтобы вместить в себя магию.

Мор привалился к останкам алтаря. Он был опустошен и обессилен. Пару мгновений он следил за приближением шипящей границы. Сам Мор — он надеялся — переживет встречу с ней,

Изабель тоже. Кувыркс — нет, хотя какой-то иной Кувыркс все же останется. Но вот Кели…

— Кто-нибудь собирается меня короновать или нет? — ледяным тоном осведомилась она. — Я должна умереть королевой! Это же кошмар: быть мертвой да еще и некоронованной!

Глядя на нее затуманенными глазами, Мор силился вспомнить, о чем вообще идет речь. Изабель пошарила в обломках за алтарем и выудила покореженный ободок, усыпанный мелкими бриллиантами.

— Это она?

— Да, это корона, — подтвердила Кели, чуть не плача. — Но здесь не осталось ни одного священника.

Мор глубоко вздохнул.

— Кувыркс, если это наша собственная реальность, мы ведь можем перекраивать ее на свой лад, правда?

— Что ты задумал?

— Теперь ты — священник. Придумай себе какого-нибудь бога.

Кувыркс расшаркался и принял из рук Изабель корону.

— Вы все надо мной издеваетесь! — вспылила Кели.

— Прости, — устало ответил Мор. — День выдался долгий.

— Надеюсь, я все сделаю правильно, — со всей серьезностью проговорил Кувыркс. — Мне еще не приходилось никого короновать.

— А мне еще не приходилось короноваться!

— Вот и славно, — умиротворяющим тоном сказал Кувыркс. — Будем учиться вместе.

Он забормотал какие-то звучные слова на непонятном языке. На самом деле это было примитивное заклинание для изгнания блох из одежды, но он подумал: не один ли черт? А еще подумал: надо же, в этой реальности я самый могущественный волшебник на свете, будет что рассказать вну… Он скрипнул зубами. Кое-какие правила в этой реальности изменятся, это уж точно.

Изабель села рядом с Мором и скользнула пальцами ему в ладонь.

— Ну как? — тихо спросила она. — Время настало. Ты что-нибудь придумал?

— Нет.

Пограничная стена пересекла уже больше половины зала и слегка замедлила движение, беспощадно подавляя сопротивление незваной реальности.

В ухо Мору дохнуло чем-то влажным и теплым. Подняв руку, он коснулся носа Бинки.

— Добрый старый конь, — проговорил он. — А у меня, как на зло, закончился сахар. Придется тебе возвращаться домой в одиночку…

Его рука застыла посередине движения.

— Мы *все* можем отправиться домой, — сообразил он.

— Не думаю, что отцу это понравится, — заметила Изабель, но Мор ее не слушал.

— Кувыркс!

— Да?

— Мы улетаем. Ты с нами? Когда стена сомкнется, ты продолжишь существовать.

— Часть меня продолжит, — уточнил волшебник.

— Я это и имел в виду, — сказал Мор, взлетая в седло.

— Но, выступая от имени той части, чье существование скоро прекратится, я предпочту отправиться с вами, — торопливо добавил Кувыркс.

— Я намерена остаться здесь и умереть в своем королевстве, — заявила Кели.

— Твои намерения не в счет, — отрезал Мор. — Понимаешь ли, я мчался через весь Плоский мир,

чтобы тебя спасти, так что быть тебе спасенной.

— Но я королева! — воскликнула Кели. Со слезами сомнения на глазах она повернулась к Кувырксу, и тот виновато опустил свой канделябр. — Я слышала, как ты произносил слова! Я ведь королева, правда?

— О да! — не растерялся Кувыркс, а затем, поскольку слово волшебника, как известно, крепче чугуна, честно добавил: — И полностью избавлена от кровососущих насекомых.

— Кувыркс! — рявкнул Мор. Волшебник кивнул, обхватил Кели за талию и усадил верхом на спину Бинки. Задрав подол мантии к поясу, он взгромоздился позади Мора, нагнулся, рывком поднял Изабель и устроил ее за собой. Конь затанцевал, жалуясь на перегрузку, но Мор направил его в разгромленный дверной проем и дал шенкеля.

Граница преследовала их, пока они, медленно поднимаясь, неслись по залу во внутренний двор. Перламутровый туман был от них всего в нескольких ярдах и приближался дюйм за дюймом.

— Прошу прощения, — обратился Кувыркс к Изабель, приподнимая шляпу. — Огнеус Кувыркс, волшебник Первой степени (НУ), бывший

Королевский Узнаватель, ныне, судя по всему, ожидающий казни через усекновение головы. Вы, случайно, не знаете, куда мы держим путь?

— Во владения моего отца, — прокричала Изабель, перекрывая шум вихря, поднятого их полетом.

— Я имел честь с ним встречаться?

— Вряд ли. Такое не забывается.

Копыта Бинки чиркнули по зубцам замковой стены; он напрягал мышцы, с натугой набирая высоту. Кувыркс, придерживая шляпу, опять отклонился назад.

— И как же зовут этого господина? — прокричал он.

— Смерть, — ответила Изабель.

— Неужели…

— Да.

— Ох. — Кувыркс вгляделся в городские крыши далеко внизу и криво усмехнулся. — А если я спрыгну прямо сейчас, это не сэкономит время?

— Если узнать его поближе, он очень добрый, — с вызовом ответила Изабель.

— Правда? А у нас будет такая возможность?

— Держитесь! — прокричал Мор. — Переход вот-вот…

Их накрыла упавшая с небес непроглядно-чер-

ная дыра.

Граница, пустая, как сума нищего, неуверенно заколыхалась и продолжила сжиматься.

* * *

Парадная дверь открылась. Изабель высунула голову.

— Дома никого, — сказала она. — Заходите скорее.

Трое остальных гуськом вошли в прихожую. Кувыркс тщательно вытер ноги.

— Скромненько, — критически изрекла Кели.

— Внутри намного просторней, — заверил Мор и обернулся к Изабель. — Ты как следует проверила?

— Даже Альберта нигде не видно, — ответила она. — Не помню, когда такое вообще случалось.

Она откашлялась, вспомнив об обязанностях хозяйки дома.

— Хотите чего-нибудь выпить?

Кели будто бы не расслышала.

— Я ожидала увидеть по меньшей мере замок, — продолжала она. — Большой, черный, с высокими темными башнями. А не стойку для зонтов.

— Зато в ней коса, — указал Кувыркс.

— Давайте пройдем в кабинет, присядем, и уверена — всем нам станет легче, — зачастила Изабель, отворяя обитую черным сукном дверь.

Кувыркс и Кели, пререкаясь, шагнули через порог. Изабель взяла Мора под руку.

— Что будем делать теперь? — спросила она. — Отец очень рассердится, если увидит их здесь.

— Я что-нибудь придумаю, — заверил ее Мор. — Биографии перепишу, например. — Он слабо улыбнулся. — Не волнуйся. Я что-нибудь придумаю.

За его спиной хлопнула дверь. Мор оглянулся — и встретил ухмылку Альберта.

Большое кожаное кресло у письменного стола медленно повернулось. Смерть взглянул на Мора поверх сложенных домиком пальцев. Убедившись, что все с леденящим ужасом внимают ему, он сказал:

— ТОГДА ТЕБЕ ЛУЧШЕ ПОТОРОПИТЬСЯ.

Смерть встал и как будто вырос; сгустились тени.

— И НЕ ПЫТАЙСЯ ИЗВИНЯТЬСЯ.

Кели зарылась лицом в широкую грудь Кувыркса.

— Я *ВЕРНУЛСЯ*. И Я *В ГНЕВЕ*.

— Учитель, я… — начал Мор.

— ЗАТКНИСЬ, — велел Смерть. Он поманил Кели белым как известняк пальцем. Та повернулась к нему: ее тело не смело ослушаться.

Смерть коснулся ее подбородка. Мор потянулся к мечу.

— НЕ ТОТ ЛИ ЭТО ЛИК, ЧТО ТЫСЯЧИ СУДОВ ГНАЛ В ДАЛЬНИЙ ПУТЬ, ЧТО БАШНИ ПСЕВДОПОЛИСА СЖЕГ НЕКОГДА ДОТЛА? — вопросил Смерть.

Кели, как под гипнозом, не отрывала взгляда от красных точек, светившихся на глубине многих миль в его темных глазницах.

— Э-э, прошу прощения, — выговорил Кувыркс, почтительно, на мексиканский манер, прижимая к груди шляпу.

— В ЧЕМ ДЕЛО? — отвлекся Смерть.

— Не тот, сэр. Вы, вероятно, имели в виду другой лик.

— КАК ТЕБЯ ЗОВУТ?

— Кувыркс, сэр. Я волшебник, сэр.

— «Я ВОЛШЕБНИК, СЭР», — усмехнулся Смерть. — ПОМАЛКИВАЙ, ВОЛШЕБНИК.

— Сэр. — Кувыркс попятился.

Смерть переключился на Изабель.

— ДОЧЬ, Я ЖДУ ОБЪЯСНЕНИЙ. С КАКОЙ СТАТИ ТЫ ВЗЯЛАСЬ ПОМОГАТЬ ЭТОМУ ГЛУПЦУ?

Изабель нервно присела.

— Я… люблю его, отец. Кажется.

— В самом деле? — поразился Мор. — Ты даже словом не обмолвилась!

— Да как-то не до того было, — объяснила Изабель. — Отец, он не хотел…

— ЗАМОЛЧИ.

Изабель потупилась.

— Да, отец.

Смерть обошел письменный стол, чтобы оказаться лицом к лицу с Мором. Он смерил ученика долгим взглядом.

Потом одним неуловимым движением рука Смерти отвесила Мору пощечину, сбив его с ног.

— Я ПРИВОЖУ ТЕБЯ В СВОЙ ДОМ, — сказал Смерть. — Я ТЕБЯ УЧУ, КОРМЛЮ, ОДЕВАЮ, Я ДАЮ ТЕБЕ ТАКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ, О КОТОРЫХ ТЫ ДАЖЕ МЕЧТАТЬ НЕ СМЕЛ, — И ВОТ КАКОЙ МОНЕТОЙ ТЫ МНЕ ПЛАТИШЬ. СОБЛАЗНЯЕШЬ МОЮ ДОЧЬ, ПРЕНЕБРЕГАЕШЬ
ДОЛГОМ, СОЗДАЕШЬ В РЕАЛЬНОСТИ ПРОРЕХИ, КОТОРЫЕ БУДУТ ЗАТЯГИВАТЬСЯ ЦЕЛЫЙ ВЕК. СВОИМИ НЕОБДУМАННЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ ТЫ ОБРЕК СВОИХ ДРУЗЕЙ НА ЗАБВЕНИЕ. МЕНЬШЕЙ РАСПЛАТЫ БОГИ НЕ ПОТРЕБУЮТ. ИНЫМИ СЛОВАМИ, НЕ ЛУЧШЕЕ НАЧАЛО КАРЬЕРЫ, ЮНОША.

Мор кое-как принял сидячее положение, держась за щеку. Та горела холодом, будто ледяная комета.

— Мор, — поправил он.

— ОНО РАЗГОВАРИВАЕТ! И ЧТО ЖЕ ОНО ГОВОРИТ?

— Вы могли бы их отпустить, — сказал Мор. — Они попали в эту историю случайно. Не по своей вине. Вы могли бы устроить все так, чтобы…

— И ПОЧЕМУ ЖЕ Я ДОЛЖЕН ЭТО СДЕЛАТЬ? ТЕПЕРЬ ОНИ ПРИНАДЛЕЖАТ МНЕ.

— Я сражусь с вами за них, — сказал Мор.

— ОЧЕНЬ БЛАГОРОДНО. СМЕРТНЫЕ ТОЛЬКО И ДЕЛАЮТ, ЧТО СО МНОЙ СРАЖАЮТСЯ. ТЫ СВОБОДЕН.

Мор поднялся на ноги. Он не забыл, что значит быть Смертью. И теперь поймал это чувство, выпустил его на поверхность…

— НЕТ, — сказал он.

— ВОТ КАК. ЗНАЧИТ, ТЫ ВЫЗЫВАЕШЬ МЕНЯ НА ПОЕДИНОК РАВНЫХ?

Мор сглотнул. Но, по крайней мере, теперь путь был ясен. Когда шагаешь с обрыва, жизнь твоя ложится на совершенно определенный курс.

— Если потребуется, — ответил он. — И в случае моей победы…

— В СЛУЧАЕ ТВОЕЙ ПОБЕДЫ ТЫ БУДЕШЬ ВОЛЕН ДЕЛАТЬ ВСЕ, ЧТО ЗАБЛАГОРАССУДИТСЯ, — сказал Смерть. — СЛЕДУЙ ЗА МНОЙ.

Он прошествовал мимо Мора и вышел в коридор.

Оставшиеся не сводили с Мора глаз.

— Ты точно знаешь, что делаешь? — спросил Кувыркс.

— Нет.

— Хозяина тебе не одолеть, — сказал Альберт. И вздохнул. — Мне ли не знать.

— А что будет, если ты проиграешь? — спросила Кели.

— Я не проиграю, — сказал Мор. — В этом-то и проблема.

— Отец хочет, чтобы Мор победил, — с горечью произнесла Изабель.

— Ты имеешь в виду, он позволит ему победить? — не понял Кувыркс.

— О нет, он ему не *позволит*. Он просто хочет, чтобы Мор победил.

Мор кивнул. Пока они все вместе шли за темной фигурой Смерти, он представлял себе бесконечное существование вне Времени, посвященное служению той таинственной цели, которую ставил перед собой Творец. Мор не мог винить

учителя за то, что у него возникло желание отойти от дел. Смерть упоминал, что щеголять голыми костями необязательно, но, возможно, это не будет иметь никакого значения. Покажется ли ему вечность долгой, или все жизни — с субъективной точки зрения — длятся одинаково?

«Привет, — сказал голос у него в голове. — Помнишь меня? Я — это ты. Это я тебя втравил в эту историю».

— Спасибо, — язвительно ответил Мор.

Остальные уставились на него в недоумении.

«Ты справишься, — произнес голос. — У тебя есть одно большое преимущество. Ты им побывал, а вот ему тобой побывать не довелось».

Стремительными шагами одолев коридор, Смерть вошел в Длинный зал, и свечи услужливо вспыхнули при его появлении.

— АЛЬБЕРТ.

— Да, хозяин?

— ПРИНЕСИ ЧАСЫ.

— Да, хозяин.

Кувыркс схватил старика за локоть и прошипел:

— Вы же волшебник. Вы не обязаны ему повиноваться!

— Сколько тебе годков, парень? — добродушно

спросил Альберт.

— Двадцать.

— Доживи до моих лет — по-другому запоешь. — Он повернулся к Мору. — Извини.

Мор обнажил меч; при свечах клинок был почти невидим. Смерть повернулся и встал лицом к Мору — худой силуэт на фоне высокого стеллажа с песочными часами.

Он вытянул руки. Под негромкий раскат грома в них возникла коса.

Из прохода между рядами стеллажей появился Альберт с парой песочных часов в руках и, не говоря ни слова, поставил их на выступ ближайшей колонны.

Одни часы были в несколько раз больше обычных: черные, тонкие, украшенные затейливой композицией из черепов и костей.

Но не это было в них самым неприятным.

Мор беззвучно застонал. В больших колбах не было песка.

Часы меньшего размера оказались самыми что ни на есть простецкими, безо всяких узоров. Мор протянул к ним руку.

— Можно? — спросил он.

— ИЗВОЛЬ.

На верхней колбе читалась гравировка: «Мор».

Он поднял часы к свету и без особого удивления обнаружил, что песка там — кот наплакал. А когда он приложил часы к уху, ему показалось, что даже сквозь неумолкающий рев миллионов жизнеизмерителей он слышит шорох своей собственной утекающей жизни.

С большой осторожностью Мор вернул часы на выступ.

Смерть повернулся к Кувырксу:

— ГОСПОДИН ВОЛШЕБНИК, БУДЬ ДОБР, ОКАЖИ НАМ УСЛУГУ И СОСЧИТАЙ ДО ТРЕХ.

Кувыркс мрачно кивнул.

— Уверены ли вы оба, что дело нельзя решить за круглым столом… — начал он.

— НЕЛЬЗЯ.

— НЕЛЬЗЯ.

Мор и Смерть начали осторожное движение по кругу; отражения их мелькали во множестве жизнеизмерителей.

— Раз, — произнес Кувыркс.

Смерть угрожающе завращал косой.

— Два.

Лезвия сошлись в воздухе с таким звуком, словно кошка соскользнула по оконному стеклу.

— Они оба сжульничали! — воскликнула Кели.

Изабель кивнула:

— Разумеется.

Отпрыгнув назад, Мор описал своим клинком слишком медленную дугу, которую Смерть с легкостью отразил, превратив парирующий удар в коварную подсечку, которой Мору удалось избежать, лишь неуклюже подпрыгнув.

Хотя коса и не относится к числу самых популярных видов холодного оружия, каждый, кому случалось оказаться, скажем, в гуще крестьянского бунта, знает, что в умелых руках она наводит ужас. Когда ее хозяин разойдется как следует, никто, включая его самого, уже не может с уверенностью сказать, где в данный момент находится лезвие и где оно окажется через долю секунды.

Смерть наступал, ухмыляясь. Мор увернулся от пролетевшего над головой лезвия, нырнул в сторону и услышал за спиной тихий звон — это коса зацепила стоявший на ближайшей полке жизнеизмеритель…

…в темном переулке Анк-Морпорка схватился за грудь и повалился на свою телегу золотарь…

Мор перекатился и мгновенно вскочил, поднимая меч над головой; на него нахлынуло мрачное возбуждение, когда Смерть попятился по шахматному рисунку плит. Меч с неистовой

силой вонзился в полку и прорубил ее насквозь; песочные часы друг за другом заскользили вниз. Мор краем глаза заметил, как Изабель метнулась мимо него и успела подхватить их все…

…в разных местах Диска четверо людей чудом избежали гибели при падении…

…а потом он бросился вперед, закрепляя свое преимущество. Руки Смерти задвигались с головокружительной скоростью, блокируя каждый удар и выпад, а потом перехватили косу и повели ее вверх по дуге; Мор, неловко увернувшись, задел какие-то часы эфесом своего меча и отправил их в полет через весь зал…

…в Овцепиках пастух, обходя с лампой высокогорные пастбища в поисках отбившейся от стада *тарги*, оступился и упал в тысячефутовую пропасть…

…Кувыркс рванулся вперед и в отчаянном прыжке поймал жизнеизмеритель одной вытянутой рукой, но не устоял на ногах, плашмя растянулся на животе и заскользил дальше…

…корявый платан таинственным образом распростер ветви и принял вопящего пастуха в свою крону, единым махом разрешив все его главные сомнения — насчет смерти, небесного суда, существования Рая и так далее — и заменив их

одним, в сравнении относительно несложным, вопросом: как в кромешной темноте вскарабкаться обратно на высоту ста футов по отвесному заледенелому склону…

В бою настала пауза: противники разошлись и вновь стали ходить кругами, выбирая удобный момент для атаки.

— Неужели мы не можем ничего сделать? — спросила Кели.

— Мор проиграет в любом случае, — покачала головой Изабель.

Кувыркс вытряхнул из пышного рукава серебряный канделябр и теперь осторожно перебрасывал его из одной руки в другую.

Смерть угрожающе занес косу и случайно разбил оказавшиеся у него за плечом часы…

…в Бес Пеларгике главный императорский истязатель упал спиной в свою собственную яму с кислотой…

…и нанес еще один удар, с которым Мор разминулся по чистой случайности. Причем на волосок. Он чувствовал жгучую боль в мышцах и отупляющую серость усталости в мозгу — Смерти о таких мелочах беспокоиться не приходилось.

Смерть заметил.

— СДАВАЙСЯ, — услышал Мор. — ВОЗМОЖНО,

Я БУДУ МИЛОСТИВ.

Для пущей убедительности он резко ударил сплеча, но Мору все же удалось подставить под косу клинок. Коса отскочила, и еще один жизнеизмеритель разлетелся на тысячу осколков…

…герцог Сто Гелитский схватился за грудь, почувствовав ледяной укол боли, беззвучно закричал и свалился с коня…

Мор пятился, пока не ощутил шеей грубый камень колонны. Песочные часы Смерти с удручающе пустыми колбами находились в считаных дюймах от его головы.

Смерть не удостоил этот факт вниманием. Он задумчиво рассматривал зазубренные останки жизни герцога.

Мор завопил и ударил мечом снизу вверх под приглушенные одобрительные крики наблюдателей, давно уже ждавших, чтобы он это сделал. Даже Альберт захлопал в морщинистые ладоши.

Но вместо звона разбитого стекла Мор услышал… тишину.

Развернувшись, он сделал вторую попытку. Лезвие прошло сквозь стекло, не причинив ему вреда.

Колебание воздуха заставило его развернуться и поднять меч — как раз вовремя, чтобы отразить

коварный удар сверху. Смерть успел отскочить и увернуться от ответного выпада, оказавшегося медленным и слабым.

— ВОТ И ВСЕ, ЮНОША.

— Мор, — поправил Мор и поднял взгляд. — Мор, — повторил он и метким ударом меча рассек надвое рукоять косы.

В душе у него клокотал гнев. Если уж погибать, так хотя бы под своим именем.

— Запомни, ты, гад: Мор! — выкрикнул он и бросился прямо на ухмыляющийся череп, и меч его плясал синим пламенем. Смерть попятился, с хохотом уклоняясь от града яростных ударов, которые отсекали от черенка косы все новые и новые куски.

Мор кружил около него, рубил и колол, но даже сквозь красную пелену злости смутно сознавал, что Смерть не пропускает ни одного его движения, держа осиротевшее лезвие косы словно меч. Ни один удар не достигал цели, а запас гнева истощался. «Ты никогда его не одолеешь, — сказал себе Мор. — Единственное, на что мы способны, — какое-то время не подпускать его к себе. Да и проигрыш, наверное, будет предпочтительней победы. Кому она нужна, эта вечность?»

Сквозь полог усталости он увидел, как Смерть

выпрямился во весь рост, а отсеченное лезвие описало медленную, ленивую дугу, двигаясь будто сквозь патоку.

— Отец! — закричала Изабель.

Смерть повернул голову.

Быть может, разум Мора и приветствовал грядущий переход в мир иной, но тело, посчитавшее, видимо, что оно при таком раскладе теряет больше всех, воспротивилось. Единым неотразимым ударом оно выбило из рук Смерти лезвие косы, а потом прижало его самого к ближайшей колонне.

Во внезапно нахлынувшей тишине Мор понял, что больше не слышит назойливый шумок, последние десять минут постоянно присутствовавший на самой границе слышимости. Его взгляд метнулся в сторону.

В его часах оставались последние песчинки.

— БЕЙ.

Мор поднял меч и вгляделся в пару голубых огней.

И опустил меч.

— Нет.

Нога Смерти взлетела на уровень паха с такой скоростью, что даже Кувыркс поморщился.

Не проронив ни звука, Мор сжался в комок и

покатился по полу. Сквозь слезы он видел, как на него надвигается Смерть с лезвием косы в одной руке и с его песочными часами в другой. Видел, как он презрительным жестом сметает в сторону Изабель и Кели, попытавшихся ухватиться за его балахон. Видел, как от тычка под ребра Кувыркс роняет канделябр, и тот с лязгом прыгает по каменным плитам.

Смерть навис над ним. Острие лезвия помаячило у Мора перед глазами, а потом взмыло вверх.

— Ты был прав. Справедливости нет. Есть только ты.

Смерть застыл, а потом медленно опустил лезвие. Он развернулся и посмотрел вниз, на лицо Изабель. Ее трясло от гнева.

— КАК ТЕБЯ ПОНИМАТЬ?

Она с яростью посмотрела на Смерть, а потом рука ее рванулась назад, и развернулась, и рванулась вперед — и достигла цели с таким звуком, будто кто-то потряс коробку с игральными костями.

Но он был вовсе не так громок, как последовавшая за ним тишина.

Кели зажмурилась. Кувыркс отвернулся и прикрыл голову руками.

Рука Смерти очень медленно поднялась к че-

репу.

Грудь Изабель вздымалась и опадала, да так, что Кувырксу грозила потеря магических сил на всю оставшуюся жизнь.

В конце концов Смерть, голосом еще более глухим, чем обычно, спросил:

— ЗА ЧТО?

— Ты говорил, что игры с отдельно взятой судьбой могут погубить весь мир, — напомнила Изабель.

— ДА?

— А ты вмешался в его судьбу. И в мою. — Дрожащим пальцем она указала на рассыпанные по полу осколки. — И вот в эти судьбы.

— И ЧТО ЖЕ?

— Какой расплаты потребуют боги *за это?*

— ОТ МЕНЯ?

— От тебя!

Смерть, кажется, изумился.

— ОТ *МЕНЯ* БОГИ НЕ ВПРАВЕ ТРЕБОВАТЬ НИЧЕГО. В КОНЕЧНОМ СЧЕТЕ ПЕРЕДО МНОЙ ОТВЕЧАЮТ ДАЖЕ ОНИ.

— Это не очень-то честно, ты не находишь? Разве богов не волнуют ни справедливость, ни милосердие? — гневно спросила Изабель. Никто не заметил, когда она успела поднять меч.

Смерть усмехнулся.

— Я ВОСХИЩЕН ТВОИМ УПРЯМСТВОМ, — сказал он, — НО ОНО ТЕБЕ НИЧЕМ НЕ ПОМОЖЕТ. ОТОЙДИ.

— Нет.

— ТЫ ВЕДЬ ДОЛЖНА ПОНИМАТЬ, ЧТО ЗАЩИТОЙ ОТ МЕНЯ НЕ СЛУЖИТ ДАЖЕ ЛЮБОВЬ. МНЕ ЖАЛЬ.

Изабель занесла меч.

– *Тебе* жаль?

— Я СКАЗАЛ ТЕБЕ ОТОЙТИ.

— Нет. В тебе просто говорит мстительность. Это неправильно!

Смерть на мгновение склонил череп, затем поднял полыхающий взгляд.

– *ДЕЛАЙ, ЧТО ВЕЛЕНО*.

— Ни за что.

— ТЫ СИЛЬНО ЗАТРУДНЯЕШЬ ПОЛОЖЕНИЕ.

— Вот и хорошо.

Пальцы Смерти нетерпеливо забарабанили по лезвию косы, словно мышь отбивала чечетку на жестянке. Казалось, он задумался. Смерть взглянул на стоящую над Мором Изабель, потом повернулся и посмотрел на остальных, сбившихся в кучку возле стеллажа.

— НЕТ, — наконец сказал он. — НЕТ. МЕНЯ НЕВОЗМОЖНО РАЗЖАЛОБИТЬ. НЕВОЗМОЖНО

ПРИНУДИТЬ. Я ДЕЛАЮ ЛИШЬ ТО, ЧТО СЧИТАЮ ПРАВИЛЬНЫМ.

Он взмахнул рукой, и меч вырвался из стиснутых пальцев Изабель. Еще один замысловатый жест — и неведомая сила подняла девушку в воздух и крепко прижала к ближайшей колонне.

Мор увидел, что темный жнец вновь надвигается на него, занося лезвие косы для последнего удара. Он остановился над юношей.

— ТЫ ДАЖЕ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕШЬ, КАК МНЕ ЖАЛЬ.

Мор приподнялся на локтях.

— Может, и представляю, — сказал он.

Смерть удивленно воззрился на него, а потом расхохотался. Призрачные раскаты метались по залу, отскакивая от стен, и звенели стеклом жизнеизмерителей на полках стеллажей, а между тем Смерть, все еще хохоча, будто землетрясение на кладбище, поднес к глазам Мора его собственные часы.

Мор попытался сосредоточиться. Он увидел, как последняя песчинка соскальзывает по гладкому стеклу, чуть медлит у горловины, а потом, точно в замедленной съемке, проваливается вниз, на дно. Она неспешно вращалась, и на ее мельчайших слюдяных гранях мерцали отблески

свечей. Песчинка приземлилась бесшумно, образовав миниатюрный кратер.

Свет в глазницах Смерти разгорался все ярче, пока не застелил зрение Мору, а от его хохота содрогалась вселенная.

А потом Смерть перевернул часы.

* * *

Главный церемониальный зал Сто Лата вновь озарялся множеством свечей и полнился музыкой.

Пока приглашенные спускались по ступеням и набрасывались на холодные закуски, церемоний-мейстер не умолкал, представляя собравшимся каждого, кто в силу своего положения или простой забывчивости опоздал к началу. К примеру:

— Королевский Узнаватель, постельничий Ее Величества, Его Несравненнонезабвенность Огнеус Кувыркс, Волшебник Первой Степени (НУ).

С толстой сигарой в руке, расплываясь в улыбке, Кувыркс двинулся навстречу венценосной паре.

— Можно поцеловать невесту? — спросил он.

— Если волшебникам такое дозволено, — ответила Изабель, подставляя щечку.

— Нам необычайно понравились фейерверки, — сказал Мор. — Хочется верить, наружная

стена вскоре будет восстановлена. Полагаю, дорогу к столу ты найдешь без труда.

— В последнее время он прямо цветет, — сквозь застывшую улыбку отметила Изабель вслед исчезнувшему в толпе Кувырксу.

— Еще бы: приятно быть единственным, кто может не подчиняться королеве, — сказал Мор, обмениваясь кивками с проходящим мимо сановником.

— Говорят, он теперь — невидимая власть. Что-то там серое, — добавила Изабель.

— Серый кардиган, — рассеянно уточнил Мор. — А ты заметила, что он напрочь забросил магию?

— Замолчионаидет.

— Ее Верховное Величество, королева Келирехенна Первая, Властительница Сто Лата, Протекторесса Восьми Протекторатов, Императрица Длинной Узкой Спорной Полосы к Пупу от Сто Керрига.

Изабель присела в реверансе. Мор отвесил поклон. Кели одарила их лучистой улыбкой. Им бросилось в глаза, что благодаря чьему-то влиянию она стала облачаться в наряды, хотя бы отчасти подчеркивающие фигуру, и отказалась от причесок, представляющих собой нечто сред-

нее между ананасом и сахарной ватой.

Клюнув Изабель в щеку, Кели отступила на шаг и оглядела Мора.

— Как поживает Сто Гелит?

— Прекрасно, прекрасно, — ответил Мор. — Остается только разобраться с подземельями. У твоего покойного дядюшки были кое-какие необычные… хобби, а потому…

— Она имеет в виду тебя, — шепнула Изабель. — Сто Гелит — твое официальное именование.

— «Мор» мне нравилось больше, — признался Мор.

— А какой примечательный герб, — отметила королева. — Две скрещенные косы над песочными часами на черном поле. Королевский колледж старался изо всех сил.

— Я не возражаю против того, чтобы быть герцогом, — сказал Мор. — Меня пугает то, что я женюсь на герцогине.

— Привыкнешь.

— Надеюсь, что нет.

— Вот и славно. А теперь, Изабель, — начала Кели, поджав губы, — чтобы вращаться при дворе, тебе просто необходимо познакомиться с некоторыми…

Бросив отчаянный взгляд на Мора, Изабель

позволила увести себя в толпу и вскоре скрылась из виду.

Мор пробежался пальцем по шее под воротником, стрельнул глазами в одну сторону, потом в другую — и юркнул в затененный папоротниками угол ближе к концу фуршетного стола, где можно было спокойно перевести дух.

У него за спиной прокашлялся гофмаршал. Взгляд его сделался отстраненным и остекленевшим.

— Похититель душ, — сообщил он отсутствующим тоном человека, чьи уши не слышат того, что говорит рот. — Разрушитель империй, Поглотитель океанов, Вор лет, Конечная реальность, Жнец рода людского…

— НУ БУДЕТ, БУДЕТ. Я И САМ МОГУ ПРЕДСТАВИТЬСЯ.

Мор застыл, не донеся до рта холодный индюшачий окорочок. И даже не повернул головы. Да и зачем? Нельзя было ни с чем перепутать ни этот голос, который ты не слышишь, а ощущаешь, ни то, как потемнел и похолодел воздух. Болтовня и музыка свадебного торжества замедлились и затихли.

— Мы думали, вы не придете, — сказал Мор вазону с папоротником.

— НА СВАДЬБУ СОБСТВЕННОЙ ДОЧЕРИ? ТЕМ БОЛЕЕ ЧТО МНЕ ВПЕРВЫЕ ЗА ВСЕ ВРЕМЕНА ПРИСЛАЛИ ПРИГЛАШЕНИЕ. С ЗОЛОТОЙ КАЙМОЙ, С ПРИПИСКОЙ «НИЖАЙШЕ ПРОСИМ ПОДТВЕРДИТЬ ВАШЕ ПРИСУТСТВИЕ» — ВСЕ КАК ПОЛОЖЕНО.

— Да, но когда вы не появились на венчании…

— МНЕ ПОКАЗАЛОСЬ, ЭТО БУДЕТ НЕ СОВСЕМ УМЕСТНО.

— Гм, ну да, пожалуй…

— ПО ПРАВДЕ ГОВОРЯ, У МЕНЯ БЫЛО ТАКОЕ ОЩУЩЕНИЕ, ЧТО ТЫ СОБИРАЛСЯ ЖЕНИТЬСЯ НА ПРИНЦЕССЕ.

Мор покраснел.

— Мы это обсуждали, — признался он. — Но потом решили: даже если тебе довелось спасти принцессу, это еще не повод тащить ее под венец.

— ОЧЕНЬ РАЗУМНО. А ТО СЛИШКОМ МНОГИЕ ЮНЫЕ ДЕВИЦЫ БРОСАЮТСЯ В ОБЪЯТИЯ ПЕРВОМУ, КТО ПРОБУДИТ ИХ ОТ ВЕКОВОГО СНА.

— А еще, ну, мы подумали, что, в общем и целом, когда я, так сказать, поближе узнал Изабель, то…

— ДА, ДА, НЕ СОМНЕВАЮСЬ. ЗДРАВОЕ РЕШЕНИЕ. Я ЖЕ РЕШИЛ БОЛЕЕ НЕ ПРОЯВЛЯТЬ ИНТЕРЕСА К ДЕЛАМ ЛЮДСКИМ.

— Неужели?

— ЗА ИСКЛЮЧЕНИЕМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО, РАЗУМЕЕТСЯ. ЭТО МЕШАЛО МНЕ РАССУЖДАТЬ ТРЕЗВО.

В поле зрения Мора возникла костяная рука и ловко нанизала на палец фаршированное яйцо. Мор резко развернулся.

— Что произошло? — спросил он. — Я хочу знать! Мы были в Длинном зале, а в следующий миг оказались за городом, в чистом поле, и это были настоящие мы! То есть реальность изменилась, чтобы принять нас! Кто это сделал?

— МНЕ ПРИШЛОСЬ ПЕРЕГОВОРИТЬ С БОГАМИ. — Смерть выглядел смущенно.

— О. Правда? — уточнил Мор. Смерть избегал его взгляда.

— ДА.

— Вряд ли боги очень обрадовались.

— БОГИ СПРАВЕДЛИВЫ. И ВДОБАВОК СЕНТИМЕНТАЛЬНЫ. МНЕ, НАПРИМЕР, НЕ УДАЛОСЬ ВЫРАБОТАТЬ В СЕБЕ ЭТИ КАЧЕСТВА. НО ТЫ ПОКА ЕЩЕ НЕ СВОБОДЕН. ТЫ ДОЛЖЕН ПРОСЛЕДИТЬ, ЧТОБЫ ИСТОРИЯ ПОШЛА ПО ПРАВИЛЬНОМУ ПУТИ.

— Я знаю, — ответил Мор. — Чтобы королевства объединились и все такое.

— ВОЗМОЖНО, ТЫ ЕЩЕ ПОЖАЛЕЕШЬ, ЧТО НЕ ОСТАЛСЯ ПРИ МНЕ.

— Я, конечно, многому научился, — признал Мор. Поднял руку к щеке и рассеянно погладил четыре белых шрама. — Но сдается мне, я не гожусь для этого ремесла. Послушайте, мне искренне жаль…

— У МЕНЯ ЕСТЬ ДЛЯ ВАС ПОДАРОК.

Смерть опустил блюдо с закусками на стол и зарылся в загадочные глубины балахона. Когда его костяная рука вынырнула на свет, между большим и указательным пальцами сиял какой-то шарик.

Диаметром он был около трех дюймов. Можно было бы принять его за самую крупную в мире жемчужину, если бы не поверхность, которая представляла собой подвижный калейдоскоп затейливых серебряных узоров, вечно пребывающих на грани преображения во что-то узнаваемое, но всегда избегающих этого.

Шарик, упавший в протянутую ладонь Мора, оказался на удивление тяжелым и слегка теплым.

— ЭТО ТЕБЕ И ТВОЕЙ ИЗБРАННИЦЕ. СВАДЕБНЫЙ ПОДАРОК. ПРИДАНОЕ.

— Какая красота! Мы-то думали, что вы присла-

ли серебряную подставку для тостов.

— ЭТО ОТ АЛЬБЕРТА. БОЮСЬ, ОН НАЧИСТО ЛИШЕН ВООБРАЖЕНИЯ.

Мор так и этак поворачивал в руках шарик. Казалось, роящиеся внутри него тени откликались на прикосновения, испуская тонкие ленточки света, которые огибали поверхность, устремляясь к кончикам пальцев.

— Это жемчужина? — спросил Мор.

— ДА. КОГДА МОЛЛЮСК ИСПЫТЫВАЕТ РАЗДРАЖЕНИЕ
ОТ КАКОЙ-НИБУДЬ ПЕСЧИНКИ И НЕ МОЖЕТ ОТ НЕЕ ИЗБАВИТЬСЯ, БЕДНЯГА НАЧИНАЕТ ОБВОЛАКИВАТЬ ЕЕ СЛИЗЬЮ, ПРЕВРАЩАЯ В ЖЕМЧУЖИНУ. НО ЭТО ЖЕМЧУЖИНА ИНОГО РОДА. ЖЕМЧУЖИНА РЕАЛЬНОСТИ. И ЭТОТ БЛЕСК НА САМОМ ДЕЛЕ — ЗАТВЕРДЕВШАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ. ТЕБЕ ОНА ДОЛЖНА БЫТЬ ЗНАКОМА — КАК-НИКАК, ТЫ ЕЕ СОЗДАЛ.

Мор осторожно перекатывал жемчужину из ладони в ладонь.

— Мы будем хранить ее в дворцовой сокровищнице, — пообещал он. — Своих сокровищ у нас не так уж много.

— ПРИДЕТ ВРЕМЯ — И ОНА ДАСТ РОСТОК НОВОЙ ВСЕЛЕННОЙ.

Мор чуть не выронил жемчужину, но молниеносно нырнул вниз и подхватил ее, не дав разбиться о каменный пол.

— Что?

— ДАВЛЕНИЕ *ЭТОЙ* РЕАЛЬНОСТИ НЕ ДАЕТ ЕЙ РАСКРЫТЬСЯ. НО, БЫТЬ МОЖЕТ, НАСТАНЕТ ВРЕМЯ, КОГДА ВСЕЛЕННАЯ ЗАКОНЧИТСЯ И РЕАЛЬНОСТЬ ПОГИБНЕТ, И ТОГДА ЭТА ВЕЩИЦА ВЗОРВЕТСЯ, А ПОТОМ… КТО ЗНАЕТ? БЕРЕГИ ЕЕ. ЭТО НЕ ПРОСТО ПОДАРОК — ЭТО БУДУЩЕЕ.

Смерть склонил голову набок.

— ЭТО — МАЛАЯ ТОЛИКА, — добавил он. — А ВЕДЬ ТЕБЕ МОГЛА БЫ ПРИНАДЛЕЖАТЬ ВЕЧНОСТЬ.

— Знаю, — ответил Мор. — Мне очень повезло.

Он осторожно опустил подарок на стол с закусками, между перепелиными яйцами и колбасными рулетиками.

— И ЕЩЕ КОЕ-ЧТО, — сказал Смерть. Он снова полез в балахон и достал прямоугольный сверток, неумело перевязанный бечевкой.

— ЭТО ДЛЯ ТЕБЯ ЛИЧНО. РАНЬШЕ ТЫ НЕ ПРОЯВЛЯЛ К НЕЙ ИНТЕРЕСА. МОЖЕТ, ДУМАЛ, ЧТО ЕЕ НЕ СУЩЕСТВУЕТ ВОВСЕ?

Развернув подарок, Мор увидел маленькую книжицу в кожаном переплете. На корешке было

вытиснено золотом всего одно слово: «Мор».

Он пролистал книжицу задом наперед, дойдя до тонкой чернильной линии, терпеливо вьющейся по странице, и прочел: «*Мор захлопнул книгу — в тишине хлопок прозвучал словно провозвестие творения — и неловко улыбнулся.*

— Чистых листов еще немало, — отметил он. — А сколько у меня осталось песка? Изабель говорит, что, раз вы перевернули часы, значит, я умру, когда мне будет…

– НА ТВОЙ ВЕК ХВАТИТ, — холодно ответил Смерть. — МАТЕМАТИКУ СЛИШКОМ ПЕРЕОЦЕНИВАЮТ.

— А как вы относитесь к приглашениям на крестины?

— ДУМАЮ, НЕ СТОИТ. Я НЕ СОЗДАН ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ БЫТЬ ОТЦОМ, А УЖ ТЕМ БОЛЕЕ ДЕДОМ. И КОЛЕНИ У МЕНЯ НЕПОДХОДЯЩИЕ.

Смерть опустил бокал и кивнул Мору.

— ПЕРЕДАВАЙ ПРИВЕТ СВОЕЙ ИЗБРАННИЦЕ, — сказал он. — А ТЕПЕРЬ МНЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ПОРА.

— Точно? Мы будем рады, если вы у нас погостите.

– ЭТО ОЧЕНЬ ЛЮБЕЗНО С ТВОЕЙ СТОРОНЫ, НО ДОЛГ ЗОВЕТ. — Он протянул костяную ладонь. —

САМ ЗНАЕШЬ, КАК ОНО БЫВАЕТ.

Мор пожал ему руку, не обращая внимания на холод.

— Послушайте, — выговорил он, — если захотите взять пару выходных, ну, или там уйти в отпуск...

– БОЛЬШОЕ СПАСИБО ЗА ЭТО ПРЕДЛОЖЕНИЕ, — любезно ответил Смерть. — Я ОБДУМАЮ ЕГО СО ВСЕЙ СЕРЬЕЗНОСТЬЮ. А ТЕПЕРЬ...

— Прощайте, — подхватил Мор и с удивлением ощутил застрявший в горле ком. — Неприятное какое-то слово, да?

– ДА, ПОЖАЛУЙ.

Смерть усмехнулся, поскольку, как уже неоднократно отмечалось, иного выбора у него не было. Но не исключено, что в этот раз именно это он и хотел сделать.

– Я ПРЕДПОЧИТАЮ „ДО СВИДАНИЯ“», — сказал он.

Конец